

АЛЛА ЧЕРКАСЕВИЧ

ОГЛЯНИСЬ И БУДЬ СЧАСТЛИВ

2021

12+

Алла Черкаевич

Оглянись и будь счастлив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65922829

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта книга – не хитрый вымысел автора для придания остроты переживаний и приключений героям. Она и не учебник по истории, не сухая автобиография, хотя в ней описаны реальные события, происходившие в конце XX века на территории Белоруссии и Среднем Урале по воспоминаниям, записям, документам моих родных. Эта книга – о любви, совести и ответственности, трудолюбии и патриотизме. Уходят из жизни очевидцы далёких и великих событий. Помните историю своей страны, своё прошлое, это поможет лучше разобраться в дне сегодняшнем, меньше ошибаться на жизненном пути.

Содержание

Глава 1. Не потерять себя	10
Нижний Тагил. 1939 год.	10
Детский дом	21
Педучилище г.Талица.	34
Начало самостоятельной жизни.	48
Сестричка – Валечка.	76
Глава 2. Счастье жить на земле.	107
Никита.	107
Анна.	126
Война	147
Первые послевоенные.	164
1954 год. Армия...	183
Миша вернулся в родное Косище.	199
Своя семья.	210
Голевицы. 1962 год.	225
Чёбсара.	234
Глава 3. Жизнь налаживается.	256
Войсковая часть 14427.	256
Объект сдан.	270
Поездка в Свердловск. 1969г.	284
Кировоград-25, ул.Титова.	290
Белоруссия. Девяностые.	308

Алла Черкаевич
Оглянись и будь счастлив

Поколение XXI века живёт отрывками из «Википедии» и социальных сетей. Они с трудом понимают своих родителей, бабушек и дедушек, прошлое своей Родины. Может быть эта книга поможет исправить это положение? Осознание истинных ценностей жизни приходит с годами. Приходит и понимание важности знания своих корней, прошлого своей семьи. Правда этих событий складывается и из маленьких эпизодов, рассказанных родителями. Как важны порой становятся эти «бабушкины сказки»! Жизни людей сильно переплетаются и, возможно, кто-то совсем посторонний сможет узнать в этом повествовании и своих близких, восполнить белые пятна своей истории. А кому-то, возможно, сегодняшние собственные трудности покажутся не такими страшными и неразрешимыми.

Надо помнить свою историю, жить честно, по правде, и по совести, тогда, возможно, мы сможем сказать, что прожили такую же счастливую жизнь, как и наши родители.

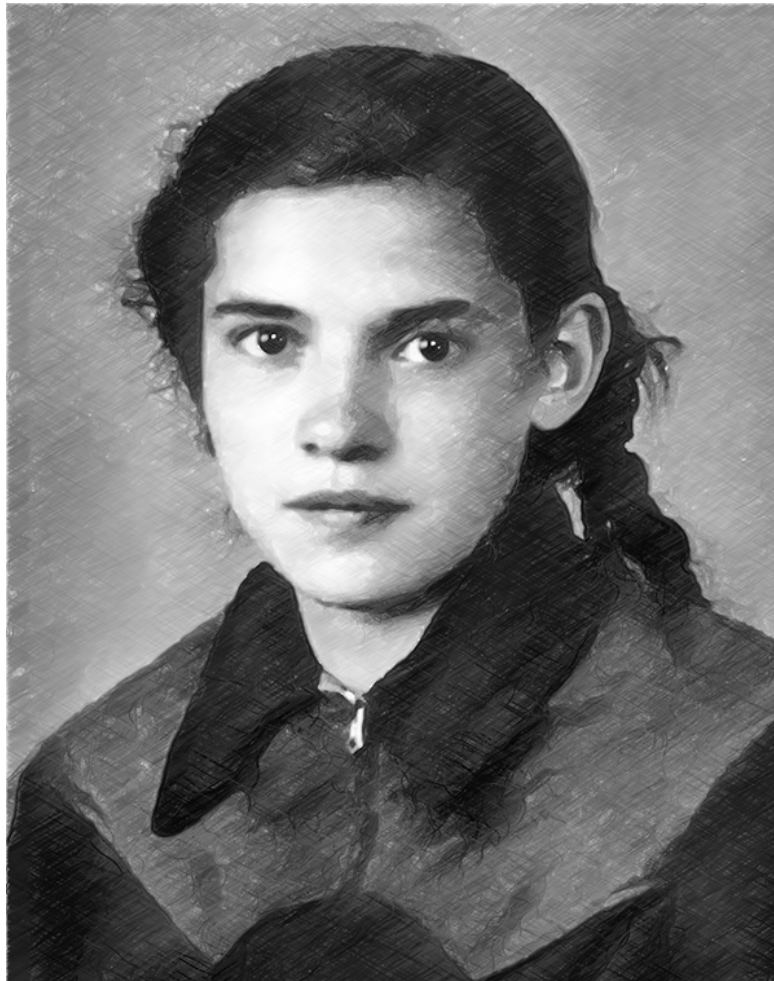

ПОМНИ О ХОРОШЕМ

gluskoalia72@gmail.com

Мы рождены
В
СССР

ГЛАВА 1. НЕ ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ.

Глава 1. Не потерять себя

Нижний Тагил. 1939 год.

Девчонка. Ресницы длинные густые чёрные. И такие же глаза: чёрные-чёрные, большие. Волосы пытались зачесать назад, но они, иссини чёрные, густые, упорно возвращались к своим природным направлениям. Волосы не соответствовали характеру этой девочки. Она напоминала испуганного волчонка, была робка, застенчива, стеснительна.

Одна в большой комнате барака. Комната солнечная, светлая и чистая-чистая. Всё знакомо здесь девочке: диван, обитый чёрным дерматином, с высокой спинкой и полочкой, металлическая кровать, сундук, стол, покрытый вязанной крючком белой скатертью (мама вязала). В сундуке – тулупы, привезённые издалека, из Кустаная! В углу – тяжёлое чёрное отцовское пальто. На стене висит не менее чёрная тарелка – радио. А на полу – швейная машина «Зингер». Очень нравилось девочке перебирать шпульки и шпонки. Умными и серьёзными становились чёрные глаза, когда девочка взбиралась на диван и с благоговейным трепетом прикасалась к страницам подшивки газет «Гудок». Тут же лежала тетрадь со схемами или чертежами. Непонятные линии, но чёткие, строгие, элегантные. Загадочно и возвышенно Длинные пальцы худенькой смуглой руки не уставали час за часом день за днём перелистывать страницы с зашифрованными рисунками: рычаги, колёса, паровоз.

Дощатая дверь резко распахнулась, едва удержавшись на петлях. В прозрачном дверном проёме стоял солдат в шинели. С правого плеча на пол упал пустой вещь-мешок. Папа! Вернулся с финской войны отец. Весной 1940 года черноглазая получила первый урок по распилу брёвен. Морозы-то на Урале нешуточные. Отец пилил, а девочка, как могла, направляла движение пилы с другой стороны. Ах, как с папой было хорошо! Добрый, весёлый, обаятельный, общительный. Круглое лицо, глаза из щёлочек вмиг превращаются в смеющиеся большие; курносый нос. Машинист паровоза, грамотный, коммунист. Уважаемый человек!

Пролетела весна. Девочка иногда задумывалась, что давно не видела маму. В памяти всплывало тепло маминой руки, которую она держала, когда шла рядом по коридору барака. Соседки судачили: «Мария перешила своё свадебное платье дочери». «Значит, платье красивое», – думала девочка. А пока девочка была одна... Нет, не одна. Взяла её к себе соседка тётя Наташа Коншина. Своих детей мал-мала, есть нечего. Да, ничего, место на полатах найдётся. Жили шумно, весело. Девочка вместе с детьми бегала по бараку, прыгала. А вечерами рабочие железнодорожного депо, женщины и немногочисленные мужчины, собирались вместе, дети затихали на полатах, и тихо, как издалека, лилась песня: «Мой костёр в тумане светит...». Пение захватывало девочку больше, чем чертежи или шпульки...

Память не сохранила подробностей, когда мамы не стало. С какой-то женщиной черноглазая девочка ехала в трамвае, потом шла по парковой дорожке Первой городской больницы. Долго сидели на скамейке. Вокруг радовало теплом и зелению лето. Ждали. Неожиданно с правой стороны подошла ещё какая-то женщина, худая и неприметная. С высоты своего четырёхлетнего роста девочка не вглядывалась в лицо, а видела перед собой байковый сине-серый неприглядный больничный халат.

Летнее время по-прежнему зеленело, бегало, прыгало. Осеннее время желтело, лило дожди, водило в детский сад. Закончилась суровая зима. Пролетела короткая весна. Наступил июнь 1941 года. Отца – Степана на фронт больше не призывали. Оставили здесь в Нижнем Тагиле, в железнодорожном депо.

В их комнате чистой, солнечной появилась женщина. Статная, черноволосая, сильная и телом, и духом. (Рассказывали, что у себя в деревне она была трактористом. Сейчас работала в рабочей столовой уборщицей, жила в соседнем бараке). Отец привёл мачеху, велел называть её мамой. Девочка-волчонок опускала глаза и называла красивую женщину Матушкой. Девочка по-прежнему была тиха и послушна. Матушка (Полина Семёновна Мельникова) водила девочку в детский сад мимо депо, водокачки, начальной школы и длинной чёрной очереди. В очереди были женщины. Женщины-пролетарии стояли молча за куском хлеба. Так выгля-

дела родная 1-ая Площадка г. Нижнего Тагила.

Соседка привела девочку из детского сада в барак. В коридоре слышался детский крик и плач. Да, в бараке много детей! Но эти крики были из их солнечной комнаты... Курносая малышка с огромными навывкат глазами кричала, извивалась на руках у мачехи. Полина пыталась успокоить, прижать ребёнка к себе, но не могла удержать. Матушка в сердцах бросила его на кровать. Чего хотел ребёнок не понимал никто.

Младшая родная сестра? Валечка! С рождения её отдали в Дом малютки. Много болела. Воспринимала нянечек, медсестёр и всех в белых одеждах, кто брал её на руки, родными людьми, мамой. Новую обстановку ребёнок ненавидел: хотел есть, хотел внимания и любви, хотел передвигаться по бараку, восседая на руках у взрослых, указывая пухлой ручкой направление. Вскоре девочке-волчонку вменили в обязанность приводить из детского сада младшую сестру. Валя крутила головой во все стороны, от взгляда её огромных глаз не могла ускользнуть ни травинка, ни паутинка. Зато песчаная железнодорожная насыпь на пути девочек была непреодолимым препятствием. Валя не отталкивалась ногами, старшая сестра тянула её за руки вверх по насыпи. Куда девались боли в ногах? Возвращаясь в барак, Валя становилась лучшим другом, заводилой для всех детей. Её не интересовали старшие. В компании мальчишек-ровесников она шагала к депо играть или дерзко заходила в депо, якобы за ветошью.

Старое Моторвагонное депо. На деле это два каменных дома, которые стоят и поныне. Рабочие трудились на станках, работающих от энергии локомотива. Дальше за насыпями, бесконечными заборами дымились, стучали, и работали демидовский металлургический завод, Уральский вагоностроительный завод имени Ф. Э. Дзержинского. В августе 1941 года на базе Уралвагонзавода, Харьковского машиностроительного завода №183 и ещё 11 эвакуированных предприятий был создан Уральский танковый завод № 183 им. Коминтерна. В декабре 1941 года завод отправил на фронт первые 25 танков. Всего за годы Великой Отечественной войны УТЗ выпустил 30 тыс.627 танков Т-34-76 и Т-34-85.

Отец уходил надолго. Степан Кириллович, высококвалифицированный машинист, водил железнодорожные составы к линии фронта. С танками.

Счастью черноглазой сестры не было предела, когда возвратясь из детского сада, заставала отца дома. С залихватской белозубой улыбкой отец запевал: «Эх, яблочко, да на тарелочке...». Девочка представляла к высокому табурету низенькую скамеечку и перебирала длинными тонкими пальчиками «клавиши» на сидении грубого табурета. Мысли и чувства девочки сливались воедино и лилась музыка, фортепьянный аккомпанемент к песне. Да, да она видела в детском саду этот не на что не похожий огромный предмет с элегантными чёрно-белыми клавишами, и восторгалась девушкой, которая чудесным образом производила из клавиш звуки. Весь мир преображался: становился лёгким, краси-

вым, радостным. Душа и ум слились воедино, и следовали за мелодией, пальцы перебирали и перебирали «клавиши» на табуриете.

С мая 1943 года семья железнодорожника Степана значительно увеличилась и насчитывала шесть душ. Появился на свет мальчик, похожий на отца и сестру Валю – брат Толик. А ещё бабушка: большая и добрая. И как сильно на неё похожа Валя?! Бабушка заботилась о сёстрах: пекла лепёшки из крапивы и лебеды, читала книжки. Старшая сестра очень переживала, что оставила всех без еды, когда её бабушка послала за лебедой. Долго бродила девочка в окрестностях Первой площадки, но так и не нашла ни травинки. Валя плакала, хотела есть! Вечером, с горем пополам, полуголодные сёстры затихали, и бабушка читала книгу. Старая затёртая книга повествовала о жизни детей в приюте... Горько было у бабушки на душе. Сковывала её душу боль бесконечная, тупая: умерла жена Степана, сама сирота и внушек оставила полусиротами, а в декабре 1942 года погиб младший сын Вася. (Пришла похоронка. «Донесение о безвозвратных потерях. Дата донесения 28.02.1943. Василий Кириллович убит. Место захоронения: Калининская обл., Оленинский район, Малое Борятино, южнее, опушка леса). Бабушку охватывало чувство безразличия и пустоты. Диктор в радио говорил о кровопролитных боях под Ржевом, о том, что Красная Армия не пропустит врага к Москве. А Степан попросил мать присмотреть за детьми и помогать Полине. Читала бабушка

книжку и приговаривала: «Случись что, и вас отдадут в приют...». Случилось.

После очередного рейса к линии фронта (а фронт уже шёл по Европе) Степан отдыхал дома. Вышел со своими друзьями-пролетариями «покурить» из барака на студёный свежий воздух...

Матушка Полина где-то раздобыла муку и замесила горку теста. Горошину теста дала попробовать старшей сестре. Ничего вкуснее черноглазая не ела. Матушка испекла печенье. Собралась сама, приказала девочке одеться. И они ехали в трамвае, потом шли по расчищенной от снега парковой дорожке Первой городской больницы. Печенье отца уже не обрадовало; понимал, что от воспаления лёгких ему не спастись.

От марта 1945 года в памяти старшей сестры остались какие-то чёрные пятна. Умер отец, исчезла и бабушка.

Матушка работала рабочей в заводской столовой. Старшая сестра подозревала, что маленький Толик ест что-то вкусное, а сёстрам Полина готовила крапивные лепёшки. Старшая покорно съедала, что дают, а младшая орала, вырывалась из рук Матушки, волевым подбородком сжимала тонкие губы и не позволяла затолкать себе в рот какую-то чёрную дрянную лепёшку. Слезы лились градом из лупатых глаз и всё её существо вопило: «Хочу есть! Хочу есть! Хочу есть! Дайте мне! Дайте мне! Мне!»

А молодая статная Полина Семёновна тужила по Степану:

«Весёлый, добрый, с ним бы жить да жить». Да только оставил он её одну с тремя детьми. «Малыш Толик – сынок. Мне бы с ним выжить. А девочки?..» Разное нашёптывали Полине соседки-пролетарии: «Отдать девочек в детский дом... Где он находится, и документов много собирать...».

В один из дней апреля 1945 года Полина одела девочек в лучшее, что у них было, и они ехали на трамвае, шли пешком по тротуару с подтаявшим снегом. Зашли в какой-то дом. «Милиция? Кабинеты», – прочитала старшая. Сестрёнка велено было ждать. А за дверью кабинета были произнесены равнодушные слова: «В бараке живут девочки: сироты и беспризорники. Родители умерли, родни нет. Никому не нужны...». Никому... Никому...

Ужас навсегда застыл в чёрных глазах старшей сестры: милиция – это высокие каменные заборы и злые собаки. Потом сестёр, как малолетних преступников, повезли в детский приёмник-распределитель города Нижнего Тагила. «Почему мы вместе с этими злыми, грязными кричащими детьми? Почему на нас кричат? За что?! За что?! За что?!» Что-то давали есть, где-то спали. Валечка совсем ничего не понимала, но характер стал меняться, как у волчонка в стае собак.

Детский дом

Старшая сестра очнулась от кошмарного сна раньше младшей сестры. Их куда-то привезли вместе с другими детьми. Улица – не улица, поляна, не поляна, каменистая земля под ногами. Горы, покрытые лесом, каменные плещи. Бараки. Как всё не похоже на родной город: нет трамваев, на которых черноглазая ездила в школу в свой первый класс.

Старшую сестру – в среднюю школьную группу, Валечку – в младшую группу. Сестёр разлучили, отправили не только в разные группы, но и в разные интернаты. Переодели: выдали какое-то чёрное платье и ужасные ботинки. «А зачем забрали мою красивую курточку?» – про себя обижалась черноглазая и плакала, плакала тайком вечерами и ночами. Среди бела дня – ещё один урок-обман. Курточка, её курточка, которую дали отцу от американской помощи, надета на дочери директора детдома... Но группу детей провели строем мимо. Девочка плакала и молчала, молчала и плакала.

Старшие дети жили в кирпичном строении рядом с администрацией, младшие – с другой стороны горюшки, в деревянном бараке.

Шестилетняя Валя забивалась в угол и никого к себе не подпускала: кричала, плакала, отбивалась от назойливых воспитателей и руками, и ногами, доводила себя до полуобморочного состояния.

Наступило время очнуться от обид и кошмара и жить как все – без родителей.

Кормили три раза в сутки какой-то баландой. «Да, и ладно. Я как все», – думала девочка. Она боялась и ненавидела этих грязных, наглых, злых мальчишек, но врезалась в память мелодия «Коробейников»: «В Асбестовском детском доме все воспитки – палачи, суп дают одну водичку, хлеба паечку одну».

«Так вот куда мы попали. Асбест?» – соображала девочка. Посёлок назывался Новоасбест, Петрокаменского района, в 30 километрах от Нижнего Тагила. За дощатым забором детского дома ряды колючей проволоки, вышки и бараки с пленными немцами. Жили рядом дети войны и поверженные солдаты. Когда оборванных пленных вели работать на разрезы голубого асбеста, детвора бежала к забору, мальчишки с ненавистью бросали камни в них. Бывшие фашисты не реагировали на выходки детей. Молча и понуро шли под конвоем дальше. «Ужас, вокруг один ужас!»

Зима. В одной из изб истопили баню. Чистые и румяные выкатились второклассницы на улицу. Надо бы идти в свой корпус, но воспитатель ещё в бане, никто не контролирует. В звенящем морозном воздухе прозвучал призыв: «А давайте сбежим!» Несколько метров группа девчонок прошла по улице посёлка и дорогу перегородил Нижнетагильский тракт. «Влево, вправо. Куда идти? А вон грузовик едет. Подвезёт». Грузовик действительно затормозил. Но не тут-

то было. Полуторка принадлежала детскому дому и возвращалась из Нижнего Тагила. В конце короткого зимнего дня замершие девчонки пришли на ужин в столовую. И мысль о побеге, о поиске приключений больше никогда не посещала черноволосую голову девчонки.

В конце лета взгляд черноглазых глаз остановился на бледно-розовом, выцветшем плакате над входом в клуб.

Медленно прочитала: «9 Мая – день Победы, весны и труда». «Война кончилась?!» Всё, как в тумане: «Когда же приедет Матушка?

Валя же не тосковала, только постоянно хотела есть. Завтрак прошёл, скорей бы обед и ужин. В столовой ряды столов и лавок. Дети со всей мочи бежали к своим местам – быстрее бы схватить свою пайку. И тут мальчишки с лёгкостью обгоняли девчонок, сметая со столов долгожданную еду. «Мне, мне отдайте моё!», – кричала, плакала Валечка, и быстрее принималась за содержимое миски. Воспитатели пытались наводить порядок, но голод превращал детей в зверят. Мальчишки били девчонок и требовали выносить им хлебные пайки. Но Валечку не трогали... Валя была общительной, бойкой девочкой, заводилой. Особенно ей нравилась Галя Шкуратова: симпатичная, спокойная, улыбчивая, умная. О ней и её земляках, ленинградцах-блокадниках, много рассказывали. Галю ставили в пример. Валя гордилась дружбой и тайно завидовала Гале. Но Галя всю зиму выносила свою пайку мальчишке-злодею. С наступлением весны возмутилась: «Не дам». Он принялся раздавать тумаки, Валечка накинулась на спину мальчишки и пыталась оттянуть его от Гали, била крепкими сильными кулачками худую спину. Мальчишка выпрямился, скинул со спины Валю и больше никогда не дрался с девчонками и не отбирал у них хлеб.

Сёстры виделись за годы жизни в детском доме несколько раз. Вале, уже подросток, кто-то сказал, что в интернате для

старших у неё есть сестра. Валя тут же возгордилась и стала покрикивать на мальчишек: «Если вы меня обидите, скажу старшей сестре, и она вам задаст». А старшая сестра росла, как стебелёк: тонкая и звонкая, никого не обижала, не трогала – сама скромность.

Летним утром Валу и Галю отвели в клуб и предложили выбрать в пёстром разноцветии платья, нет не платья, а песочники. Валя сразу схватила жёлтый. Как ей нравился этот цвет: яркий, радостный, весёлый. Валя от счастья взлетела до небес. Галя выбрала зелёный песочник. Что-то изменилось в их Доме. В столовой исчезли длинные скамейки, у отдельно расположенных столов стояло по четыре стула. Девочки – в разноцветных ярких песочниках, мальчишки – в удивительных коротких штанишках и светлых рубашках. Все были чистыми, причёсанными. Вели себя спокойно и даже чинно. Валя была почти счастлива. И кормили хорошо, но Валечке хотелось ещё немного каши. На пятый день идилии в дверях столовой появились они, благодетели, – американские военные. Бросилась в глаза и удивила военная форма песочного цвета и не гимнастёрки, а рубашки с коротким рукавом. Американцы улыбались и довольно кивали. Их помощь дошла до адресата. На шестой день, как казалось Вале, всё вернулось на круги своя: и одежда, и столовая.

Для старшей сестры приезд американцев прошёл незамеченным. Она подошла к бараку младшей группы, все дети играли на улице, но Валечки среди них не было. «А где моя

сестра?», – робко спросила черноглазая. Вывели ребёнка в жёлтом песочнике, покрытого коростами. Старшая сестра поняла, что Валечка болеет. Малышка равнодушно хлопала белыми ресницами, не нашёл отклика в её душе горящий взгляд чёрных родных глаз.

Иногда сёстры встречались на колхозных полях, куда детдомовцев «гоняли» на прополку овса или сбор колосков. Встречи были короткими.

Тоска не покидала черноглазую. Она писала письма Ма-тушке в Нижний Тагил, но ответа не дождалась.

Голод, холод, лишения послевоенных лет не помешали девочке расти ответственной, добросовестной, старательной.

За примерное поведение и прилежную учёбу старшую сестру вместе с другими детьми на каникулах возили в Свердловск на экскурсию, водили по музеям. Большой город! Много трамваев! Но самое яркое впечатление оставило мороженое. Радость бесконечная!

И были все вместе: одноклассники, подружки. И было лето. Старших детдомовцев возили на покос. Дружной, весёлой компанией сено ворошили, сгребали. А вечером, когда тёплый летний воздух от каменной земли поднимался вверх, а на смену откуда-то из низин, от речушек приходила прохлада, разводили костёр и пили чай со смородиновым листом. И ждали мальчишек, которые вечером уходили в тайгу за кедровыми шишками. Однажды ушло четверо ребят. Уже и чай выпит, и наговорились, и насмеялись. И воспитатели, и дети замолчали, стали прислушиваться к каждому шороху. Только потрескивает костёр в кольце притихших детей. Чёрную тайгу заволакивает белый плотный, как молоко, туман. Тревожно всем. Воспитатели оставили детей у костра и растворились в тумане. Они ушли искать мальчишек. Наступила ночь. Туман поднимался выше и выше. Резко из темноты свет от всполохов костра выхватил чужие лица. «Нет, нет. Это наши мальчишки и воспитатели», – успокаивали друг друга девчонки. Мальчишки сходу высыпали в костёр целый мешок кедровых шишек. С дрожью в голосе, смеясь и заикаясь, «добытки» рассказали, как увидели медведя, как со страху забрались на деревья и сидели там до темноты, пока

их не нашли воспитатели. Ночевали дети в кузове той же машины-полупортки и укрывало их серо-синее небо с кусочками тумана, превратившегося в облака. Спали дети (сироты, безотцовщина) одной семьёй, одной судьбой – жить и воспитываться принципами строителя коммунизма. Быть честными, добросовестными, не лгать, не воровать, слушать старших и помогать и старшим, и младшим. Быть единым коллективом: человек человеку друг, товарищ и брат.

К утру смола на кедровых шишках обгорела, и вчераш-

ние «таёжники» угощали всех уральским лакомством. Возвращения с покоса старших ждал весь детский дом. К их полуторке сбежались шумные радостные дети. Среди них была младшая сестра – «моя Валечка». Всех угощали кедровыми орешками. После короткого свидания, улыбающиеся весёлые сёстры бежали к своим баракам со своими подружками, со своими мыслями, делами и планами.

Девочкам старшей группы воспитатели давали мяч или скакалку, перекрученную верёвку. Ах, как нравилось черноглазой прыгать через скакалку, играть в «Классики», в «Вышибалы» с мячом, на худой конец, в «Салки».

В конце августа в детдом привезли коробки. От старших девчонок, и от чёрных глаз в том числе, не ускользнула распаковка коробок. Это была гуманитарная помощь из Америки. В тот вечер старшая сестра легла спать с великим желанием получить красное платье, которое она увидела в комнате воспитателей. «Красный цвет – самый красивый». Утром воспитатели объявили, что одежды пришло мало и будут давать тем, кто хорошо учиться. Красные платья отдали в младшую группу. Черноглазой сестре досталось тёмно-оранжевое платье, тоже красивое, но... не красное. Не долго носилось это платье: кончилось лето, опять черная школьная форма и долгожданное общение с Марией Харисимовной – любимым учителем и воспитателем. Была она приезжая, пенсионного возраста. За интеллигентностью стояла образованность («грамотная», как говорили обыватели) и добро-

та. Великое счастье узнать в жизни истинно интеллигентных людей. Вероятно, Мария Харисимовна жила на Урале как репрессированная или эвакуированная. История скрыла истинную причину переезда из Литвы, из родной Клайпеды.

Но интеллигентней человека трудно было найти не только в детском доме или в Новоасбесте, но и во всей округе. Наверное, к Марии Харисимовне десятки лет назад обращались не иначе как Пани Дмуховска. (Фамилия Дмуховские сформировалась в Польше. Подавляющее большинство представителей этой фамилии относились к польской шляхте). Пани Дмуховска была не только всесторонне образованной, но, как и полагалось девушкам из высшего общества конца XIX, начала XX веков, была виртуозной рукодельницей. Мария Харисимовна вела уроки труда, учила девочек рукоделию, вязанию, вышивке, вышивке филейкой, созданию кружев ришелье. Черноглазая девочка прикипела к Марии Харисимовне всей душой, называла её тётя Маня. Всю свою хрупкую, надломленную душу, всю, никому не нужную, дочернюю любовь черноглазая отдавала Марии Харисимовне. Всегда ждала её. Выполняла любую работу. Роскошью считалось вязание кружев. Обычно Мария Харисимовна приносила гору мальчишеских брюк и только черноглазой доверяла ставить заплатки. Виртуозностью и аккуратностью в рукоделии старшая сестра была достойна своего учителя – пани Дмуховской. Девочка делала всё, только бы быть рядом, приносила ей букетики цветов. По-обыкновенению, когда

старая и молодая рукодельницы штопали дыры на детской одежде, Мария Харисимовна вздохнула и вслух произнесла свою мысль: «Если бы я была моложе, я бы тебя удочерила». От этих слов тепло разлилось по худенькому телу, и хрупкая душа согрелась. Тихая радость и счастье охватило девочку. (Позже старшая сестра напишет в своём дневнике: «Всё, что я умею в жизни, всему научила меня ОНА. Низкий поклон ей, Марии Харисимовне Дмуховской»).

Черноглазой приоткрыли дверь в чужую личную жизнь. В личной жизни был брат. Высокий, стройный, чернявый брат приезжал к Марии Харисимовне из Нижнего Тагила. Однажды он нарисовал Черноглазой чернильной ручкой на листочке из тетради в клеточку пейзаж, родной уральский пейзаж: горушки, утыканные островерхими елями. Красивым почерком написал: «На память». В прошлой личной жизни сестры и брата Дмуховских был Маздок, Дербент. Города, расположенные далеко от Урала. Кругозор девочки расширялся: «И Дагестан тоже был нашей страной». Мария Харисимовна уехала из Новоасбеста, как только вышла на пенсию, уехала с братом в Литву, в далёкую Клайпеду или Лиепаю...

Любовь к младшей сестре, осознание себя как старшей, ответственность за младшую и подсознательная уверенность, что знает в рукоделии любой шов, привели старшую сестру в комнату к младшей. Накануне младшим классам выдали новые школьные платья, очень длинные. Стар-

шая сестра принесла с собой настоящую иглу и нитки. Чинно села на кровать и уверенно взялась за работу. Сделала всё аккуратно, каждую складочку совместила с верхней, да так и зашила внизу вместе с подгибом. Ожидала чувства удовлетворения... Но результат работы превзошёл ожидания. Получилась не расклешённая в складку юбка, а непонятный колокол или шар? Переделывали вместе.

Пережили очередную зиму. Пришла весна 7 класса. Почему-то девчонки дразнили Черноглазую «Сталина дочка». Только недавно, когда дежурила по классу, и в школьном коридоре никого не было, девочка разглядела портрет, висящий под потолком: лучше всего виден букет красивых цветов, улыбка Сталина в большие усы, и обыкновенная девочка: «Ну, и что, что похожа? Да, такие же чёрные глаза и такая же стрижка чёрных волос. Но лицо у неё какое-то другое... Матросочка красивая... Повезло девочке...». Ниже прочитала: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство! 1936 год».

Последнее детдомовское лето старшей сестры прошло в пионерском лагере – бывшей зоне для военнопленных немцев. Наспех собранные из еловых стволов бараки, нары... Но на этих подробностях быта пионеры не заикливались: было лето, свобода! Свобода от учёбы! Военнопленные работали в карьерах по добыче голубого асбеста. В 1949 году их вывезли. На дне близлежащего карьера виднелось голубое, нет не цвета чистого неба, а селёно-голубое красивое-красивое озе-

ро. В отвесных известняковых стенах вырублены неглубокие ступени. Воспитатели с неохотой и осторожностью разрешали детям спускаться к озеру. Горнодобытчики уверяли, что асбестовой (ядовитой) породы в карьере нет, но зелёный цвет воды настораживал, да и карьер очень глубокий, могут быть обвалы. Само озеро не глубокое – лужа. Черноглазая считала, что там научилась плавать. За один-то раз?!

За это лето девочка вытянулась, двигалась легко, грациозно. Как-то, проходя мимо воспитателей, услышала за спиной: «Интересная девочка...». Эти слова предавали уверенности взрослеющей девочке: «Такая же как все». И ещё одно событие, которое напомнило о корнях, о прошлом детстве... Воспитатель детского дома (понимала, что девочка скоро уедет учиться) окликнула черноглазую по фамилии: «Тебе письмо», и вручила бумажный треугольник. Мысли закружились в голове. Давно девочка перестала писать письма маме, а тут письмо от неё – Полины Семёновны. Писала, что живёт по другому адресу: 22 квартал, указан номер дома и квартиры. Страшная догадка пронзила ум девочки: «Письма, написанные моими каракулями во втором классе, до мамы не дошли. Я указывала неправильно номер барака». Так закончилась жизнь в детском доме старшей сестры. «Прощай, моё детство!»

Педучилище г.Талица.

Как одной из лучших учениц черноглазой девчонке дали направление на учёбу в педагогическое училище. В 1951 году

старшая сестра поступила учиться в педучилище г. Талица. Из барakov – в купеческую усадьбу из красного кирпича. Старинная усадьба Поклевских-Козелл.

***

Биографы сообщают о том, что род Поклевских-Козелл очень большой и история его ведётся со времён Ивана Грозного. Уральская ветвь пошла от пана Альфонса Фомича

Поклевского-Козелл. Приехал на Урал добровольно, был принят на службу в 1836 году в штат генерал-губернатора П. Ф. Горчакова. Как-то раз послали Альфонса Поклевского с инспекцией в Талицу. Местный казённый винокуренный завод приходил в упадок. И Альфонс Фомич принял решение выкупить у казны завод. В 1853 году А.Ф. Поклевский-Козелл ушёл с государственной службы и наладил дело так, что стал монополистом в торговле вином на территории огромного Пермского края. Его называли «винным королём». Местом жительства выбрал Талицу. Одним за другим покупал приличные дома в Талице! (Позже дома у Поклевских-Козелл были в Перми, С.-Петербурге, Екатеринбург, Тюмени, Томске, Омске, Тобольске и в других городах – всего 56 домов и 19 имений). Сын Альфонса Поклевского – Викентий возглавил дело отца и приумножил состояние. Жил он со своей семьёй в Талице и именно он построил «дворец» из красного кирпича. Здание стояло на самом высоком месте, с балкона и веранды открывался живописный вид на весь город. Наверху была обширная гостиная с готическим камином и с двумя залами. Налево от парадной тянулся ряд комнат вдоль стен, так называемая, анфилада комнат. Внизу были служебные помещения и комнаты для слуг, на полу деревянный паркет. В просторных подвальных помещениях были отделения для хранения вина и продуктов. Дом состоял из 80 комнат, обставленных роскошной мебелью, имелся свой орган. В. Поклевский организовал 2 гимна-

зии (мужскую и женскую), приют для «слабо грудных детей», построил 2 церкви, 2 театра: оперный и драматический. После революции 1917 года Поклевские бежали, присоединившись к армии Колчака. Сначала жили в Китае, потом смогли перебраться в родную Польшу. Умерли в полной нищете в Польше. Умиравший Викентий Альфонсович сказал: «...лучшее место на земле – Талица».

***

Историю пана Поклевского девушка не знала. Первое, что видели входящие в «замок» – нарядная лестница, ведущая из вестибюля к высокому-высокому зеркалу. Лестница расходилась на две: правую и левую, и доставляла учеников и преподавателей на второй этаж. На первом этаже располагался Талицкий детский дом, а на втором – педагогическое училище. Не уставал поражать своими размерами зал с камином. Вдоль длинной стены вытянулись деревянные станки для занятий хореографией, здесь же проходила физкультура. С левой стороны от входной лестницы – зал поменьше, определили, как учительскую. Множество классов, и все с высокими потолками, арочными окнами и широкими потолками в таких же толстых стенах. Вдоль классов – длинный, поворачивающийся несколько раз, коридор. Он упирался в окно, на каменном подоконнике которого стояла внушительных размеров бутылка с чернилами и, соответственно, красовалось огромное чернильное пятно.

Во дворе – нерабочий фонтан. Ученицы рассказывали друг другу об огромных глубоких подвалах, доходили слухи о находках: то золотую ложечку, то серебряную вилочку найдут детдомовские мальчишки. В подвал девушки не ходили, но воображение рисовало мрачные и величественные картины. Достаточно было войти за лыжами в кладовки, которые располагались по бокам от парадной лестницы, как казалось толстые низкие своды сожмут тебя. Ещё был таинственный Чёрный ход. По нему учащиеся спускались после вечерних длительных самостоятельных занятий на музыкальных инструментах. Под лестницей располагалась сторожка и обита-

ла старая сторожиха. Рядом с особняком построили деревянное общежитие для учениц. К уборной бегали мимо фонтана в платяцах и валенках. О бывшем водопроводе в особняке никто не догадывался.

Изредка по главной улице провозили в бочках коричневую, дурно пахнущую жижу. Старшие поясняли, что в городке имеется спиртзавод, а в бочках возят отходы производства на корм скоту. Девушка не выстраивала ассоциаций со спиртзаводом, особняком, железнодорожной станцией Поклевская. Училась, много занималась самостоятельно. Послевоенным студентам с гордостью рассказывали о земляке, выпускнике Талицкого лесного техникума, герое Советского Союза разведчике Николае Ивановиче Кузнецове.

Первый курс черноглазую девушку, как сироту, как детдомовку кормили за счёт детского дома. В 1952 году Ново-Асбестовский детский дом был расформирован. Младшую, Валечку, перевели вместе с подружкой Галей в Тимохинский детский дом. А старшей сестре выдавали стипендию. Где-то покупать продукты? Как-то готовить? Единственное школьное платье, детдомовские ботинки на все случаи жизни, хлопчатобумажные чулки: штопаные перештопаные. Но как виртуозно и аккуратно! Иголками для шитья служили сосновые иголки, а нитки вырывали или из одежды, или из матраса. Ещё на стипендию надо было купить тетрадь, ручку, чернила. Да, уже и волосы прибирала в две тугие толстые косы, перевязывала тряпочками. Жила впроголодь: кусочек

чёрного хлеба с тырсой и вода в баке, если привезут. Вода чаще всего была холодной. Тут-то и стали подвязываться болезни: экзема на ногах, боли в желудке, близорукость. Приходилось тратиться на новые чулки. И стирать их, стирать от мокнущих пятен.

В одном из редких писем от дорогой родной сестрёнки Валечки лежал зигзаг из молочного цвета ленточки. В детском доме стали лучше одевать детей, Валя сэкономила на своих недлинных русых косичках и выслала старшей красавице-сестре. Старшая сестра вела аскетический и крайне скромный образ жизни. Не могла себе позволить носить белую ленточку с чёрным школьным платьем. Девушка её покрасила. Теперь ленточка была не заметна в чёрных косах.

На каникулах ездить было некуда, «родной» детский дом закрыт. Но совсем не далеко Нижний Тагил. Мачеха вроде бы приглашала. В один из дней январских каникул приехала девушка в Нижний Тагил: школьное платьице, короткое пальтишко, чёрные ботинки, на голове – хлопковый вылинявший платочек. Взялась искать 22 квартал. А город её детства изменился: новые улицы с названиями и номерами домов. Никаких номеров кварталов. Девочка искала на разных улицах нужный номер дома, заходила в подъезды, звонила в квартиры, спрашивала Мельникову Полину Семёновну. Нет никто не знал такую. Черноглазая на трескучем морозе промёрзла. Рано стемнело. Девушка понимала, что заблудилась. Разревелась от бессилия, неизвестности, холода. «Нет, что-

бы расспросить у людей, где этот 22 квартал находится»... В глубокой темноте девочка позвонила в квартиру с известным номером, известного дома по улице Ленина. Дверь открыла мачеха. Девочку напоили чаем, как смогли согрели. У мачехи была своя семья: новый муж – дядя Андрей, сын – мальчишка Толик, брат по отцу. Наверное, вид девочки ужаснул супругов. На следующий день Полина Сергеевна и дядя Андрей поехали на барахолку и выменяли или купили девочке сшитое из старого тряпья нижнее (громко сказано!) бельё. А резинка в трусах была из разрезанной автомобильной шины. Ещё мачеха отдала девушке старую шаль. Пух почти весь вылез, но шерстяная вязаная основа ещё согревала. Вдобавок, согревала мысль, что эта шаль мамина.

Девочка в этой квартире дяди Андрея была не нужна. Не нужна! Но была благодарна за всё что для неё делали люди!

Отрадой для девушки средне-восточной внешности были уроки хореографии-ритмики. Изыщные, тонкие, гибкие руки, ноги, шея, плечи, спина – всё подчинялось ритму, мелодии танца. Вытянутый носочек удлинял стройную ножку, грациозный поворот длинной шеи сопровождался плавным движением руки.

В училище каждый год готовили концерт к 30 декабря – Дню образования СССР: песни и танцы 15 союзных республик. Черноглазая девушка, поначалу, мечтала танцевать грузинский танец. Представляла, как она плывёт в грузинском платье, а за спиной две чёрные косы. Но мальчиков в группе

не было, и роль молодого джигита отдали черноглазой. Волосы затолкали под папаху, но главное – танцевать. Перетанцевала все танцы, которые ставил хореограф: и молдавские, и узбекские... Радость от танца, музыки заставляла забыть о прошлом.

Девушка старалась, училась. Математика ей давалась: всё было логично и понятно, чего не скажешь о русском языке или предмете «Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС 1954 года». (Пленум принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель»). Девушке поставили за знание материалов Пленума «3». Оценка шла в диплом. Подавленная этим «горем», она убежала в старый парк горько долго плакала, не понимала политики Партии. Девушка потихоньку успокоилась, в голове звучала музыка, нет не та музыка танца, а скрипка. Пора возвращаться к любимому педагогу.

Ещё на первом курсе на уроке музыки старый серьёзный учитель приказал руки положить на парты, пальцы сдвинуть вместе. Молча прошёл между партами и только у первой парты, где сидела близорукая черноглазая девочка, в нос пропел: «У-гу». Длинные тонкие пальцы девочки не были замечены. Потом проверка слуха. Идеальный музыкальный слух! Класс скрипки. Вот она скрипочка: головка, колки, гриф, корпус, струны, обечайка, талия, подгрифок, подбородник, пуговка и его величество – смычок! Что за чудо эти ноты, красавец скрипичный ключ, нотный стан и вся нотная грамота! Да, всему надо учиться. Из-за близорукости не видела ноты, струны резали пальцы до крови. Зато легко исполняла порученную партию и на магдалине, и на гитаре.

Оркестр педучилища был основной музыкальной единицей в г. Талица, его музыка звучала на всех ответственных мероприятиях города. Март – основной месяц выборов в местные советы. «Все – на выборы!». И первая, и вторая, и третья скрипка – на выборы! А любимая скрипка № 5 боялась перепада температур. (Футляров для скрипок не было, скрипки висели в шкафчике под номерами. За каждой студенткой закреплялась скрипка с определённым номером). Девушка решительно завернула скрипку в старую шаль, но спохватилась: «Шаль вязаная, потрёпанная, особого тепла скрипке не даст. Лучше я в мороз надену шаль. Думается мне, что это ещё мамина шаль, она меня так нежно согревает. А скрипку заверну в полотняный платочек». Так и согревали они друг друга: скрипка и девушка, девушка и скрипка. «Первая скрипка» в оркестре – сам преподаватель, «вторая скрипка» – особо одарённая старшекурсница, «третья скрипка» – она талантливая второкурсница!

Черноглазая получила государственное воспитание: была комсомолкой, верила в честность и справедливость коммунистической партии, в совесть каждого советского человека. Учили воспитанниц быть «грамотными и интеллигентными». Преподаватели знали, что выпускниц ждёт работа в глухих районах Севера, где не только мало грамотных людей, но и не все знают русский язык. Девушка берегла тетрадь, в которую аккуратно плавным почерком были записаны образцы заявления, прошения, служебной записки, протокола.

Из холодных лет учёбы в Талице тёплыми были зимние каникулы четвёртого курса. Черноглазой музыкальной хорошистке-скромнице в числе немногих учениц выделили путёвку в Дом отдыха. Кауровский район; в 6-8 километрах – посёлок Шишим на реке Чусовой! Дом отдыха – на вид, обычные деревянные избы. Не успели девчонки выгрузиться из автобуса, как администратор Дома отдыха «пригласила» их в баню. (Русская парная творит чудеса). Сверкающих от чистоты девчонок ввели в обеденный зал столовой – всё белым-бело не только от искрящегося снега за окнами, но и от скатертей. Душа черноглазой девушки возрадовалась: «Какая чистая красота!» (Говаривали, что прежде столы не накрывали скатертями, а в этот заезд придут иностранцы). Только после обеда девушек расселили по домикам и комнатам. В январе – трескучие морозы, заснеженная уральская тайга и заснеженная река Чусовая. Постояльцы Дома отдыха виделись в столовой да на вечерних танцах. Этот заезд был студенческим. Иностранцы – корейцы, студенты Свердловского машиностроительного техникума. Среди уральских девчонок было много бойких (или безрассудно-злых?). Одна из них намазала корейцам хлеб горчицей. Как девчонкам было весело смотреть на корейцев. (А северокорейцам, наверное, было смешно от горчицы, ведь азиатская кухня – острая). Черноглазая красавица не была обделена вниманием корейца с именем Ким Ко-ёнсон. Подошёл как-то, спросил сколько лет? «Семнадцать», – потупив

взгляд ответила девушка. Каникулы пролетели быстро. На память осталась групповая фотография, где рядом и большеглазой черноглазой девушкой стоит усюглазый кореец...

Время летело. Наступил день, когда ученицам-студентам раздали пригласительные билеты: «Уважаемый товарищ. Коллектив преподавателей и учащихся Талицкого педагогического училища приглашает Вас на вечер, посвящённый XX-VII выпуску учителей-воспитателей, имеющий быть 2-го июля 1955 года в 8 часов вечера в помещении училища. Комиссия». Пригласительный билет был заказан №1504 в типографии Облполиграфиздата г. Талица по ул. Ленина, 93 тиражом 200. На титульной странице в обрамлении ажурной синей рамки приклеена чёрно-белая фотография здания педагогического училища (усадьба Поклевских), над фотографией лозунг: «ДРУЖБА – ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!», а под фотографией – трогательные и идеологически правильные слова:

«Здесь, в этих стенах,
рождались незабываемые дружбы,
Здесь, в этих стенах,
закладывался фундамент
жизненного пути,
Здесь, в этих стенах, ковался
советский специалист.»

На развороте красным – «Привет XX-VII выпуску учителей-воспитателей!», ниже в синей рамочке: «... Мы должны

воспитывать... армию педагогического учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с её идеями, должен быть пропитан её духом... В.И.Ленин». И ещё несколько, как тогда казалось, лирических строк:

«На востоке области есть прекрасный уголок.

Талицей зовётся юный городок.

Родное училище в городе том

Останется в памяти светлым пятном.»

Никакого намёка на мещанскую жизнь и на какую-то там любовь. «Партия – наш рулевой».

В 1955 году черноглазая девушка получила диплом воспитателя детского дома и учителя начальных классов с единственной «3» в приложении с оценками и направление на работу в посёлок Сылва.

Начало самостоятельной жизни.

Но прежде, в короткие каникулы, поехала Черноглазая в Нижний Тагил к Матушке. Муж Полины Семёновны, дядя Андрей, работал в депо, помнил отца Степана и поведал немногословную историю родной мамы: «Сиротой была Мария, работала с нами в депо и на железной дороге. А ты, Таисия, стало быть, получила образование. Пойдёшь на свой хлеб, будешь работать учителем.» Мачеха, ставшая дородной женщиной, поддерживала разговор: «У тебя же родственники есть. Младший-то брат Степана – Василий погиб, а старший-то жил в Кустанае». «Да, дядя Саня, – всплыло из далёкого детства воспоминание: «Да, дядя Саня – старший брат отца, и перед войной ему уже было много лет, кажется 40, и четверо сыновей у него». Через пелену воспоминаний, охвативших девушку, она слышала настойчивый голос мачехи: «А старшая сестра Варя ещё до войны вышла замуж за военного и жила на Кутузовском проспекте, и фамилия-то у них – Лазаревы!» Сколько информации свалилось сразу на худенькую девочку в старом школьном платье. «Какие дяди и тётки? Валечка в трёх детских домах жила. Одни мы с ней в мире, одни! Мне надо ехать по распределению. А ещё это имя – Таисия?!». В детском доме и в училище её редко называли Тася, всё чаще по фамилии. Нигде и никогда девушка больше не слышала этого имени, у литературных героинь

тоже не было такого имени.

В девятнадцать лет черноглазую девушку стали величать Таисия Степановна, определили воспитателем дошкольного детского дома. Но прежде... Как выпускнице детдома, Черноглазой на выпускной выдали шивьётовый костюм (жакет и юбка). Черноволосая, черноглазая, смуглая, в чёрном костюме девушка не нравилась себе в отражении огромного купеческого зеркала. Девчонки менялись одеждой. Например, на выпускной вечер платье одолжила однокурсница из «В» класса (магдалина), Лена Сидоренкова. У Таси, в результате обмена и перешивания, появилась белая рубашка-блуза с воротничком и тёмная юбка на широких бретелях. Выглядела черноглазая в этом костюме настоящей учительницей. О том, что по окончании училища Тася поехала в Нижний Тагил прознала одноклассница – Валя Курилова. (Валя вместе с одноклассницами Тасей, Тамарой Аксёновой, Кларой Иванцовой поступала в Талицкое педучилище, но не поступила. Девочки остались учиться. Валя вернулась в детский дом в Н. Асбесте. До дня расформирования жила при детском доме. Ей подыскали работу: телефонисткой на коммутаторе). Валя написала письмо Тасе и предложила встретиться и навестить Новый Асбест. В один из летних дней девушки встретились в Нижнем Тагиле и отправились в 30 километровую поездку в Новый Асбест. Валя Курилова организовала на встречу с Тасей, выпускницей педагогического училища, учителей и воспитателей, которые остались жить и ра-

ботать в посёлке после закрытия детского дома, пригласила фотографа. По сей день смотрят на нас с чёрно-белой фотографии, залитой яркими летними солнечными лучами, молодые улыбающиеся женские лица. Среди них: Щербак Валентина Ивановна, сияет радостной улыбкой в венке из полевых цветов Татьяна Геннадьевна Лобанова, строгое лицо у бывшего директора Медведевой Анастасии Афанасьевны, с краю, блестит чёрными угольками глаз, Таисия, в центре – полулёжа, Валя Курилова: русые волосы с модной химзавивкой, платье с ремешком, часы. Валя уже работала, а Таисия после этой встречи уехала навстречу своей трудовой жизни и больше никогда не возвращалась в Новый Асбест.

***

К этому времени закончила семилетку младшая сестрёнка: уверенная, бойкая и амбициозная. Закончилось «тюрьма» с голодом, вшами, эпидемиями, парашей. Вместе с Галей Шкуратовой Валю направили учиться в Свердловск в Школу-ФЗУ хлебопекарной промышленности. Учёба велась на практике: пекли хлеб, батоны, изготавливали макароны. Батон разрезался вдоль, намазывался маслом и, думалось, что теперь то я точно наемся. Нет, чувство голода не уходило. Опять жили девчонки табором в большой комнате за восемьдесят копеек в месяц. Большой красивый город, парки, кино, танцы – всё интересно. Государство не отворачивалось, опекало. Выдало пальто с пряжкой на талии. «Мне должны, я же из детского дома!». Год учёбы пролетел весело

и интересно. На выходные дни давали паёк с сыром и колбасой. Но случилось непредвиденно неожиданное: Валя потеряла сознание. Девочку отправили на лечение в неврологическое отделение, долго обследовали, даже брали пункцию спинного мозга. Точный диагноз не поставили или поставили? Валя этого знать не хотела и скрывала от окружающих. Валу распределили на предприятие «Росглавхлеб. Богдановичский хлебозавод», Галю – в посёлок Баранчинский. Не нравился Вале посёлок Богданович, всё не нравилось: «Деревня, деревней. В избе-общежитии холодно. Директор заставил кого-то и брёвна привезти, и покололи ему. А нам где взять дрова? Никто о нас не заботится!». Пошла и гневно высказала всё директору. Привезли бревно. Но быт по-прежнему был неустроен. А у кого пресловутый быт был устроен на послевоенном пространстве Советского Союза?

***

Из педучилища двух выпускниц направили в школьный детский дом в посёлок Сылву. Сылва – один из известных демидовских промышленных посёлков. По слухам, село основано в 1649 году. Сылвенский завод и его пруд на реке Сылва заложены в демидовские времена. Тогда было создано заводов и прудов десятки и сотни, но Сылвенский занимал особое место. Русские мастера гидросиловых устройство удачно находили, где в самом узком месте можно было «пережать» реку и создать приличный запас воды, потенциальную энергию которой легко было преобразовать в механическую. Она

позволяла приводить в действие меха для дутья воздуха, колёса, станки и машины. Там, где сливались две небольшие речушки Сарга и Сылва имелись близ расположенные горки, между которыми и была сооружена плотина. Образовался пруд с двумя заливами. Из пруда вытекала река Сылва, несшая свои воды в Чусовую. Потребности завода заставили соорудить чуть ниже ещё один сылвенский пруд, нижний. Село Сылва было достаточно большим, настолько большим, что в селе был сооружён собор. Величественные остатки собора и сейчас позволяют судить о значимости села в своё время. Упадок села в первой половине двадцатого века вызвало строительство железной дороги девятью километрами южнее, сооружение станции Шаля (ставшей райцентром), плюс – сильный пожар, закрытие и разрушение завода. Интересной особенностью сылвенского пруда являлось то, что по берегам его обнаруживали вынесенные волнами окаменевшие остатки хвощей и ракушек, куски окаменевшего дерева. Чистоту воды доказывали водившиеся здесь раки.

Выцветшим, серым безлюдным предстало село Сылва перед Таисией. Из Н. Тагила доехала поездом до железнодорожной станции Шаля, автобусом – до села Сылва. В детском доме перед 17-летней воспитательницей возникли 14-летние парни выше её ростом. Воспитатели и нянечки наперебой нашёптывали страшные истории о воспитанниках, о том, как мальчишки перебирались на противоположный берег и пропадали там, по большей части, тонули. А учителям и воспитателям – тюрьма. Поселилась вместе с учительницей в съёмной комнатке у бабки: кровать, тумбочка, кровать. Другого жилья детдом своим сотрудникам не давал. Через две недели, в середине августа, приехала однокурсница Таисии Валя Железкина. А второе вакантное место воспитателя заняла жена директора детского дома. Да и жить Железкиной было негде. Одной из молодых воспитательниц нужно было уезжать. Таисия проявила твёрдость характера (на деле

ею руководил страх) и объявила, что уедет сама. Ехать за новым распределением в Свердловск. Деньги не тратила даже на еду, только бы хватило на дорогу. В облоно встретила ещё одну однокурсницу из класса «Б», «фортепьянного», Валю Кирьянову. Её определили музыкальным работником в один из свердловских детских садов. У неё была мама! И работала она на мясокомбинате! Конец августа, все вакансии распределены. «Поедете в Верхотурье, на Заимку в дошкольный детский дом?» – спросила зав. облоно, миловидная женщина со странной фамилией Таран. «Поеду». «Куда угодно поеду, лишь бы была работа и крыша над головой», – решила Таисия. Валя Кирьянова пригласила Таисию к себе домой. Домом это назвать нельзя, но на Урале после войны такое пристанище считалось нормальным жильём: кладовка в подвальном помещении. Мать Вали достала откуда-то мятую картонную пачку пельменей. Сварили на керосине, угостили и Таисию. Поздним вечером Валя проводила Таисию на вокзал. Сытую Таисию уже не пугала новая дорога. Ночь, дощатый вагон, бачок с водой и привязанная к нему цепью кружка. Напротив сидит женщина средних лет (взрослая, как казалось девушке). Расспросила, куда девушка едет и почему её билет забрала проводница? «Если едешь по работе, то билет тебе оплатят», – пояснила попутчица. С комком обиды в горле пошла к проводнице просить билет. Билет ей вернули, но всю жизнь относилась к проводникам поездов как к жуликам. «Почему все такие нечестные?!»

Осень правила погодой ранним августовским утром в Верхотурье. Станция «Верхотурье», а посёлок – Привокзальный. До Верхотурья 7 километров Таисия доехала автобусом. «А где здесь Заимка? Как добраться?» – спрашивала малочисленных прохожих 18-летний педагог-специалист. Угрюмы, суровы люди в малочисленных посёлках, к чужакам относятся с недоверием, враждой. Да откуда взяться веселью, радости, доброте? Верхотурье в старину был город административный, торговый – «ворота в Сибирь»: крепость, таможня, военный контингент. После основания Екатеринбургa, особенно после открытия Московско-Сибирского тракта в 1763 году, развитие Верхотурья значительно изменилось – Верхотурье превратилось в центр православный. В 1920-30-е годы в Верхотурье закрывали церкви, часть из них разрушили. Действующей оставалась только Успенская церковь на кладбище. В 1926 году Верхотурье утратило статус города (став селом), который вернули лишь в 1947 году – в честь его 350-летия.

Но статус города не изменил деревню 1955 года. Улицы из грязи и камней, деревянные избы, кое-где на высоком фундаменте – 2-х этажные, над чернотой и серостью возвышаются полуразрушенные, без куполов, многочисленные церкви. У людей забрали всё: и физическую, прибыльную работу и душевное равнове-

А Заимка – за Верхотурьем в восьми километрах на противоположном берегу Туры.

Полдня шла Таисия через весь безлюдный посёлок, пока улица не перешла в жутко разбитую лесовозами с глубокими колеями дорогу, и девушка упёрлась в тайгу. Долго стоял черноглазый стебелёк с поднятой рукой, «голосовал», пока забрался в кабину лесовоза к доброму, где-то в глубине души, шофёру. После моста через Туру гремящая, подпрыгивающая конструкция, называемая лесовозом, остановилась. «Тебе туда», – буркнул водитель и указал направление в тайге. Еле заметная дорога в тайге поворачивала и вскоре мелькнула опушка и крыши каких-то домиков. Девушка по тропинке подошла поближе к длинному бараку. На порог выскочила молодая женщина. Таисия прокричала предложение о своём приезде... Но женщина махнула вперёд рукой: «Тебе – в контору». Таисия поднялась в избу на пригорке: «Завтра выходите в младшую группу во вторую смену». Всё, о чём могла мечтать черноглазая теперь у неё было: работа и крыша над головой. (Не надо одиноко болтаться в этом огромном страшном мире). Нянечка показала койку в избе для воспитателей и всех остальных сотрудников детского дома. Койки стояли в плотную друг к другу. Чтобы добраться до своей приходилось лезть через головы и ноги коллег. В углу – печь. Верхняя одежда – в сенях.

И наступил первый рабочий день. Вторая смена. После тихого часа нянечка подняла детей. (Дети послевоенного поко-

ления, у большинства родители сидели в тюрьме, и не знали они ни материнской ласки, ни семейной заботы). Дети стали кричать, капризничать, не обращая никакого внимания на черноглазую девушку. В группу влетела нянечка с мокрым полотенцем. Понимая, что от новенькой воспитательницы толку мало, прикрикнула на детей, приказала всем сесть, кого-то шлёпнула, потом привычным круговым движением прошлась мокрым полотенцем по всем ступням и ладошкам. «Надо вспоминать чему учили», – думала Таисия: «Завтра первое сентября – начало нового учебного года и мой день рождения. 19 лет».

Вывела детей на прогулку и окунулась в своё детство. До боли знакомый голос окликнул: «Тася, а что ты здесь делаешь?». Обернулась девушка: «Антонина Ивановна? Меня направили после педучилища сюда работать». (Антонина Ивановна Губина воспитывала маленькую Тасю в Новоасбестовском детском доме. После закрытия детдома её перевели на Заимку. Жила Антонина Ивановна отдельно в другом домике. Комнатка маленькая, но настоящая, своя. Кровать покрыта красивым покрывалом, тумбочка, вышитые искусно вывязанные салфетки. «Эх, мне бы так жить», – мечтала Тася).

Как-то раз построила юная воспитательница детей для прогулки, пересчитала: одного не хватает. Оббегали с нянечкой весь дом, позвали на помощь другого воспитателя. Ребёнка нигде нет. Страх погнал к Туре. Воспитатели забежали

в воду, ходят вдоль берега. Нет. Вернулись. И из дальней заброшенной уборной выходит «пропажа»: мальчишка со спокойным лицом в благодушном настроении.

Стал вырабатываться у Таисии Степановны низкий, сильный командный голос. Дети притихали от одного взгляда чёрных глаз. Нежное лицо в обрамлении чёрных волос становилось всё серьёзнее и суровее, пухлые губы в первые секунды гнева пыхали и увеличивались, потом плотно сжимались и из уст вылетали умиротворяющие команды. С таким голосом – полком командовать. Ответственность за детей впиталась в «кровь и плоть», в глубину сознания Таисии.

А поздней осенью – новый стресс. Освободилась очередная мамаша и вспомнила о существовании чада. Добралась до Заимки. Ей разрешили встречу с дочерью. Не успела усадить Таисия Степановна детей за обеденный стол, как вбежала нянечка с криком: «Девочку уводят!». Таисия накинула пальтишко и в демисезонных ботиночках побежала догонять «освобождённую». Новоявленная мать и дочь были уже на другом берегу Туры. Тася бежала, слышала в ушах звенящий шум от шагов по ледяной земле, по доскам моста: «Как Вы можете воровать ребёнка?!». «Это моя дочь», – звучал хриплый голос мамыши. «Без документов ребёнка не отдам!» – Тася кричала, командный голос исчез, превратился в дикий рёв. Хватило сил вырвать девочку из рук бывшей зековки и отвести в детдом. «Дети, люди, почему вы такие не честные? Как тяжело с вами. Почему вы поступаете как хотите, а не по

закону? Как противостоять этому жестокому миру? Где найти поддержку и опору? Как хочется жить тихо и спокойно».

Директор детского дома неоднократно напоминал, что надо пройти медкомиссию. Очередная поездка в Верхотурье. Оттепель. Грязь. Холод. Пустой лесовоз. Кабина занята. «Запрыгивай на лесораму, держись за коники или решётку». Таисия, обрызганная грязью с ног до головы, не помнила, как прошла медосмотр. Вернулась на Заимку аналогичным способом. Была грязная, холодная, голодная. (Есть в детском доме можно только, если ты работаешь на смене. Получалось через день: завтрак плюс обед или обед плюс ужин. В избе-общежитии не было никаких приспособлений для приготовления не только пищи, но и чая). В густых сумерках прозвучал родной голос: «Тася, пойдём ко мне». «Дорогая Антонина Ивановна!» помогла отмыть обувь, почистить пальтишко, напоила чаем, согрела тело и душу. Таисию переполняла благодарность к этой одинокой, уже не молодой женщине, но которая была рядом в трудную минуту.

Встречались хорошие, добрые люди на жизненном пути Таисии. Встречались такие люди в мрачном Верхотурье. На Урале мало тёплых дней, поэтому все командировки, как не крути, приходились на холода. Поручили Таисии Степановне отвести воспитанницу в школьный детский дом. Передача ребёнка прошла как полагается. Возвращалась молодая воспитательница на Заимку по известному маршруту. Сошла с поезда в посёлке Привокзальном ещё затемно. Лёгкие ботиночки, демисезонное пальтишко, в руках матерчатая сумочка с документами, а морозу на северо-западе Урала не спится, ударил он, по меркам Урала, легко: минус пятнадцать. Стоит черноглазый «стебелёк» в морозной ночи и понимает, что до рассвета и прибытия автобуса околет. Из темно-

ты проявляются очертания мужика, цыгана, лошади и телеги. И больше ни одной живой души. Цыган покрутился, покрутился: «Нет пассажиров». «Не бойся, садись в телегу, пока не замёрзла». Инстинкт самосохранения шептал девушке: «Скорее! Только бы не замёрзнуть». Ехали по тайге, по ночному Верхотурью. Цыган завёл лошадь во двор, открыл девушке дверь в избу. У печи – широкий настил. Таисия присела, рядом кто-то зашевелился, отодвинулся. «Наверное, цыганята», – Таисия нащупала свободное место среди тряпок, наклонилась и положила свою, с роскошными чёрными косами, голову в тёплые тряпки. Согрелась. Не спала: «У меня же Документы». За окошком забрезжил морозный рассвет, но домочадцы спали. Таисия встала и тихо, не пророня ни слова, ни скрипнув дверью, ушла, покинула гостеприимную тёплую цыганскую обитель. На всю жизнь запомнила, всю жизнь корила себя за бедность, за чёрствость душевную, за то, что не отблагодарила, за то, что боялась быть доброй, была скованной, зажатой, боялась и не понимала людей.

Опять окраина Верхотурья, опять лесовозный тракт теряется в тайге. Мотоцикл гремит и останавливается: «Садись, крепче держись». «А за что держаться? Обнимать этого дядьку что ли? У меня же Документы!» Раздумывать некогда. Ухватилась за хлястик на куртке и помчались по ухабам. И раз – нет одной пуговицы на хлястике, и два – нет второй пуговицы, и три – хлястик в руках девушки. «Наконец-то приехали... Спасибо». Расстроенный черноглазый «волчо-

нок» семенил не чувствующими холода ногами по мёрзлой земле. «Как стыдно, как неудобно получилось. Оторвала у бедного человека пуговицы и порвала куртку. Какая я непутёвая и бестолковая... Виновата кругом. Простите меня, люди!»

Заимка. На берегу извилистой Туры. Летом река почти пересыхала, зимой воду носили из проруби, зато весной бурлила, несла льдины, камни сносили мост, и разливалась, затапливая интернаты, домики-общежития. Через месяц вода спадала и весь берег утопал в зарослях душистой черёмухи. Таисия, очарованная и восхищённая красотой родной природы, не могла насытиться этим ароматом. Она влюбилась в весеннюю Заимку. В один из таких весенних дней на Заимку приехала сестричка Валечка. Они вместе восхищались нежной красотой черёмухи и суровой красотой тайги с каменными обрывами. Валя подарила сестре маленькую фарфоровую композицию «Журавль и лисица». Тася несколько недоумевала: «Зачем? Зачем тратить деньги на приобретение безделушек?» А Валя, уезжая всё дальше от Верхотурья утверждалась в мысли: «Я никогда бы здесь не жила». В августе на Заимке пекли пироги со спелой черёмухой. Тася, пронизанная заботой о сестре, выслала большой почтовый ящик спелой черёмухи сестричке. Увы, из ящика капала и расползалась по фанере сине-фиолетовой жижа. Вале не удалось попробовать вкусную черёмуху. Для Таси этот случай был тяжёлым житейским опытом. К 1 сентября, дню рожде-

ния Таисии, младшая сестра прислала статуэтку балерины...

Девчата, воспитатели детского дома, были молодые, красивые, весёлые и дружные. Теперь вопрос с питанием для Таисии был решён. Она даже немного поправилась, стала выглядеть женственно. Всей гурьбой девчата бегали на танцы

за три километра в деревню Глазуновку. Образованные, музыкальные девушки были в таёжных лесах лучом света: на Выборах вели всю документацию, ставили концерты, Таисия танцевала. О музыкальности и аккуратности Таисии ходили легенды. Все девчонки идут с танцев по грязной просёлочной дороге, а у Таисии обувь чистая, как будто летела девушка. На танцах девчонки танцевали друг с другом. Молодых парней в деревне не было кроме двух инвалидов войны.

***

Тася четыре года учёбы сидела за одной партой с подругой из Новоасбестовского детского дома Тамарой Аксёновой. Но Тасю оставили в Свердловской области, не стали разлучать сестёр-сирот. А большую часть девчонок-педагогов распределили восточнее Урала. Такой близкой, почти родной, Тамаре Аксёновой было предписано явиться в районный отдел образования города Комсомольска-на-Амуре. От Свердловска до Хабаровска 6631 километр, почти 6 суток в пути, а ещё от Хабаровска до Комсомольска-на-Амуре четыреста километров. В городе проживали представители ста пяти национальностей. Для Тамары многонациональность была привычным окружением. Но Тамара Аксёнова в письмах писала о неизвестном ей народе – ульчи. (Ульчи или мангуны, или нани жили и живут вдоль Нижнего Амура, на местном языке Мангу. Возможно, молодая учительница начинала трудовую деятельность в Ульчском национальном районе Хабаровского края. А может быть она там прожила всю

жизнь? Охотников и рыболовов ульчей не так и много. Основу приезжего населения в районе составляли русские, живущие там, как правило, не одно поколение. Сейчас в поселковых школах изучают родной язык, однако молодёжь владеет им плохо.)

Сокурсницы Валя Цыганова и Валя Мюлинель поехали ещё дальше осваивать Россию. Письма приходили из Уэлена – самого восточного обжитого посёлка России, расположенного недалеко от мыса Дежнёва в Чукотском автономном округе. В 1958 году в село была переселена часть эскимосов, проживающих в посёлке Наукан, находившегося на мысе Дежнёва – у самого узкого места Берингова пролива. Основное занятие жителей – рыболовство, морзвербойный промысел и известная изделиями чукотского народного промысла Уэленская косторезная мастерская. «Грамотные» русские учительницы пользовались авторитетом. На Выборы для девушек, как представителей избирательных комиссий, снаряжали сани на собачьих упряжках, и – по стойбищам чукчей. В стойбищах было чему удивляться. Куда не кинь взор – только белый цвет, даже сопки с трудом различаются. «Представители власти» заходили в ярангу, где было тепло и душно и ужасались увиденному. Вокруг очага сидели раздетые по пояс мужчины, покрытые татуировками, намазанные жиром, и рассматривали татуировки друг друга. Свои впечатления описывала в письмах Валя Цыганова.

Несколько однокурсниц Таисии уехали по распределению

в Магадан.

Так менялась или создавалась судьба людей и государства.

***

Наступил 1956 год. В Глазуновке в клубе как никогда многолюдно: солдаты- краснопогонники. Расположение их части на противоположном берегу Туры, временно в пионерском лагере. Танцевала Таисия лучше всех, и в голове у неё звучал вальс, вальс, вальс. Возвращалась на заимку вместе с Леной. Вдруг послышались шаги, девчонок догонял солдатик. «Это к Лене», – подумала Тася, – «Я никакого повода не давала. Лена постарше и статная». Но молодой человек проводил к избе-общезитию именно черноглазую выдал все военные тайны: солдаты – десантники, но переодели их в другую военную форму. На Урал командированы на заготовку леса для Киевского военного округа. Очень хотел поехать куда-нибудь в командировку. Надоели кроссы и прыжки. Командир приказали собираться в последний момент, когда эшелон для отправки был уже сформирован. Взяли как механика, потому что в учётной карточке значился как слесарь Минского тракторного завода. Молодой, стройный, с васильковыми глазами. В уральской глубинке нет таких красивых, с такими голубыми глазами, людей. Миша отпрапоровал, что призывался на службу из Минска, мать убили немцы, а отец очень старый.

И опять весна. И опять Тура ломая льдины, бурлила и сносила мосты, и опять никак не попасть на другой берег в Вер-

хотурье.

Суббота, получена увольнительная. На этом, северном, берегу Туры – Верхотурье, но какие там танцы, там и молодёжи-то нет. Не то, что в Глазуновке, приходят девчонки с Заимки! Танцы, как обычно, прошли весело. Девчонки (Валя, Римма, Тася и Клава) укладывались спать, как в дверь кто-то постучал. Стучал всё сильнее и требовательнее. Входную дверь в сени открыли девчонки из соседней комнаты, теперь стучали уже в их дверь. Удивлённая Клава толкнула крючок вверх. На пороге стоял голубоглазый солдатик в мокрой шинели. Прыгал последним по льдинам и провалился, хорошо, что не далеко от берега. Вернулся в детский дом. К кому он пришёл? Как-будто бы к Тасе. Сняли мокрую шинель, сапоги полные воды. Усадила на табурет, накрыла своим пальтишком. Кровати то маленькие, подростковые. Тася сидела в кровати поджав ноги. Миша невероятным образом сжался на табурете под пальто, только голову положил на кровать. Ему бы горячего чая, да где его взять? Как только забрезжил рассвет солдат ушёл из холодной девичьей кельи.

Вырубку делянки леса на высоком берегу Туры закончили. Солдаты построили бараки-казармы на низком берегу

в двух километрах за деревней Глазуновкой. Теперь можно было бегать в Глазуновку по лесу. Суббота. Миша со группой увольняемых солдат спешит на танцы, но в клуб не заходит, просит сослуживца вызвать черноглазую на разговор. Не успели девушке передать просьбу, как Михаил заметил «бобик» (ГАЗ-67Б) командира. Тень метнулась от клуба в лес. Бежал как никогда быстро. как он потом рассказывал, у него не было увольнительной.

Мост не восстановлен. Военным необходимо переправлять брёвна на противоположный берег Туры, а там везти к железнодорожным составам. Солдаты строили паромную переправу. Как они работали! Любо-дорого посмотреть! Особенно один из солдат, с васильковыми глазами, не боялся зайти в воду, дольше всех доделывал все мелочи. И за стройкой наблюдали глаза, нет не чёрные глаза Таисии, а карие глаза уже немолодой женщины, фельдшера детского дома – Феклистовой Веры Александровны.

Виделись молодые люди редко. Быстро пролетела весна. Приболела, простыла Тася. Лежит с высокой температурой на своей дальней кровати в четырёхместной комнате в общежитии. Распахнулась дверь, а на пороге – Миша: «Мы уезжаем. Закончилась командировка. Я писать тебе буду». «Зачем, – мямлила Тася, – я болею, и вообще, я – сирота и плохо вижу». Красивый парень хлопнул дверью и убежал. Никогда и никому из своей многочисленной родни Миша не признается в минутной слабости (в своих слезах от потери любви) в

товарном вагоне, который увозил его на другой край земли, на Украину, в Никополь или Кировоград, или Кривой Рог.

А Тася работала и копила деньки к отпуску. Больше всех сдружилась с Клавой Жиляковой: девушкой бойкой, пробивной, заводилой. Вместе девушки ездили в Москву и Ленинград. Останавливались у дальних родственников или знакомых знакомых Клавы. Любовались Кремлём и Зимнем Дворцом, радовались покупкам в Пассаже и Гостинном дворе. Таисия укладывала тяжёлые чёрные косы полукругом на затылке, надевала платье в мелкий цветочек и жакет с плечиками: модная, городская.

Появлялись на танцах в Глазуновке и другие прикомандированные солдаты. Таисия по-прежнему была королевой танцев. Однажды передал ей стройный шатен записку. Как не тужилась Тася прочитать или понять зашифрованный смысл текста, так ничего и не поняла. В следующую субботу на танцах шатен опять пригласил черноглазую, черноволосую Таисию. Ждал ответа на записку. Тася потупила взгляд и равнодушно произнесла: «Я ничего не поняла». «А разве Вы не молдаванка?», «Нет», сжалась Тася. Загадка записки на молдавском языке канула в лета. На танцах в Глазуновке были разные молодые люди: солдат по фамилии Кисель из Белоруссии, башкир Борис Гильмандинов (интеллигентный, добрый), который стал судьбой Клавы.

А Миша писал Тасе письма около двух лет, а потом переписка заглохла: Таисия написала, а он не ответил...

***

Жизнь не стояла на месте. Вот и Лена Сидоренкова собралась увольняться. Лена, которую Тася знала ещё по педучилищу. Лена училась в параллельном классе, на мандолине. Приехала на Заимку вскоре за Тасей, через 4-5 дней, тоже по перераспределению Отдела детских домов Свердловского ОБЛОНО. Лена была сиротой из Карпинского детского дома. Карпинский детский дом считался богатым. Ему материально помогал, как сказали бы в Советском Союзе 70-х годов – были шефами, Карпинский горно-обогатительный комбинат. Казалось, Лена не доходила до такой нищеты, как Тася. Лена иногда ездила в Карпинск к подруге-швее. Где-то покупала диковинные вещи. Привезла Тасе ручные дамские часы! Из другой поездки – бордовое платье. Судьба Лены тоже была связана с танцами в клубе деревни Глазуновка. Только приглянулась Лена не солдату из дальней стороны, а старому, по меркам тех лет, двадцатисемилетнему холостяку Ефиму из Кривого Озера, деревни, что в тайге на противоположном берегу Туры. Лена перевелась работать в школу в Глазуновку. Вышла замуж за Ефима. К родительской избе Ефима сделали пристройку для молодых. У них родилась дочь. Что произошло потом Тася узнала позже.

Римма Жуковская – из Тамбовской области, за глаза называли её «симпатюля» из-за химзавивки, которая ей очень шла. На очередной праздник в клубе Глазуновки попросили воспитателей одеться красиво, желательно в националь-

ные костюмы. Таисия сшила грузинский костюм, и была сразу приглашена на танец одним из вновь прибывшим солдатом Васей. Вася посоветовал Таисии переехать в Грузию, но увлёкся ироничной Риммой. А Римма влюбилась. Василий убыл в Пермский край, Римму с собой не позвал. Римма, отработав по распределению нужные годы, переехала в Березняки, наивно надеясь быть поближе к Васе. Устроилась работать в Дом малютки. Работа очень тяжёлая. Но врождённое чувство юмора помогло выжить, выйти замуж и родить сыновей.

Клавдия Жиликова вышла замуж за бывшего солдата Бориса Гильмандинова и уехала вместе с ним по распределению электромеханического техникума в молодой узбекский город Ангрен.

Валя Опанова перебралась в Висим, и уже работала завучем в школе детского дома! Пригласила Таисию Степановну работать в Висим.

***

Неожиданно пришло письмо из Белоруссии от Михаила. Обращался он к девушкам, которые работали в детдоме, просил найти Таисию, прислать её новый адрес. Но искать Таисию не пришлось. Несколько растерянная и недоумевающая Тася с распечатанным письмом зашла в кабинет к фельдшеру. «А Миша, солдат бывший, прислал мне опять письмо. Зачем? Что мне делать?» В потухших глазах Веры Александровны сверкнул огонёк: «Как работал тот солдат,

зол до работы. Все ушли, а он доделывал. Вот будет хозяин!». Запали эти слова в душу молодой воспитательницы Таисии. Она сама ответила Михаилу.

Летний отпуск у воспитателя длинный. Таисия собиралась с Валеёй Опановой, коллегой, поехать на море в Сочи. Накануне заехала в Нижний Тагил к Матушке. Брат Толик, ученик ФЗО, весело балагурил и, сидя на полу, подшивал воротничок к курточке; быстро собрался и убежал гулять с мальчишками по городу. Тася подошла к окну, и резкая колющая боль пронзила пятку. Поняла, что встала на иглу. Полина Семёновна вроде бы вытащила иглу и Таисия благополучно села в поезд следованием Нижний Тагил – Адлер. По билетам, купленным в кассе предварительной продажи, девушкам достались боковые места. Таисия забралась на верхнюю полку, благородно уступив завучу нижнюю. В Сочи сняли койки на Мамайке. Купались, загорали, одними губами ели сочные сладкие персики. Нога стала отекает, боль в пятке увеличилась, ранка стала гноиться. Уже в Нижнем Тагиле Таисии разрезали пятку, вынули кончик иголки, который уже упёрся в кость. До следующего лета стройная девушка с длинными чёрными косами ходила прихрамывая, ей даже выдали палочку-трость. В Висиме симпатичную девушку не обделили вниманием. Как-то к ней подошёл хромоногий мужчина. Таисия гневно зыркнула на него: «Я не хромая!» В следующем отпуске девушка уже опять ходила легко и грациозно. Навестила родной Нижний Тагил. Соседский парень,

студент металлургического техникума, пригласил погулять в парк. Как и полагается, катал девушку на лодке по озеру. Владимир был широколицый, кареглазый, курносый, но говорить с ним было не о чем. Таисия вернулась в Висим.

Сестричка – Валечка.

Валечка осматривалась по сторонам и понимала, что не так хочет жить. На первую зарплату купила хрустальную вазочку классической формы, оправдывая эту покупку стремлением к красоте. «Хочу, чтобы меня окружали красивые вещи». Добивалась в тресте перевода на хлебомакаронный комбинат в Свердловск. Месяц отработала на стройке разно-рабочей. Зато через месяц зачислена работницей хлебного цеха, через три месяца присвоена квалификация: “подручный пекарь на разделке 3 разряда”. Вот тут-то и начался кулинарный праздник: в любой момент – батон на сливочном масле, яичница на всю сковороду из «меланжа». Постепенно Валя определилась в своих вкусовых пристрастиях, и на вершине стояла любовь к колбасе и мясу: «Что угодно назовите мясом, и я его съем».

Валя, в составе группы молодых рабочих, ездила по турпутёвке в Польскую Народную Республику. Окно гостиничного номера смотрело валиными глазами прямо в глаза Копернику, памятнику Копернику. В Варшаве в ресторане Валя тоже отличилась. Каждому туристу на завтрак полагался один кусочек хлеба. Валя посчитала, что этого мало. Зычным голосом кричала на весь ресторан требование ещё принести хлеба. Потом с гордостью рассказывала, как издали узнавали столики уральской делегации по высоким стопкам

хлеба. Выслала сестре пакетик с польскими карамельками.

Но Таисию конфеты не интересовали. У Черноглазой были другие заботы в дальнем городе и с другой фамилией.

***

Папа Степан Кирилович (справа), сестра Степана Варя и дядя Саня (слева), рядом с папой – мама Мария Николаевна?

*Апрель 1945г, Н.Тагил, перед отправкой в детский дом
Н.Асбест. Мачеха Полина Семёновна Мельникова, бабушка
– мама папы, Тася, Толик, Валя.*

*1948г, 3 октября, Н.Асбест детский дом, группа Марии
Харисимовны Дмуховской.*

1949-1950г, Н.Асбест, Детский дом. 6й класс, Ольга Фёдоровна, классный руководитель (учитель истории).

1955г, 4й курс педучилища, Дом отдыха Шишим.

Талица, Свердловская обл, педучилище, 1951-1955 год

1951г, Талица, 1й курс, класный руководитель Владимир Макарович Вельгус.

1952г, Педучилище, наша комната 2й курс, Тома Аксёнова, Валя Цыганова, Люба Дубец, Вера Шутегова, Лена Балбашова, Маша Акишева

Весна 1952 г, г.Талица, Свердловская обл., 2й курс.

1953 год, Талица, 2й курс с Томой Аксёновой.

Август 1954 год. Брату Анатолию 11 лет.

30 августа 1954 года, г.Свердловск, каникулы, с сестрёнкой Валей.

5 июня 1953г, Талица, 3й курс педучилища.

*Июль 1955 год после окончания педучилища Н.Асбест
Свердловская обл.С учителями и воспитателями детского
дома. Анастасия Афанасьевна Медведева – директор.*

ЯХТУРЕННИ
ВЮ ДАТАН

Дом отдыха "Актай" г.Верхотурье. С Лидой Мордвиновой.

*Дорогому другу моей жизни Тасеньке, милой подружке-уралочке, от Тамары, вредного и противного человека.
2 сентября 1956г. Комсомольск на Амуре. (вместе за партией в детском доме и педучилище, в центре).*

Заимка, май 1957г, в саду.

Лето 1958 года, г.Верхотурье. Группа воспитателей на карусели.

Сентябрь 1958г, Н.Тагил, в отпуске.

1958 год. Младшая группа.

Июль 1959 Н.Асбест. После окончания училища. Встреча выпускников детского дома.

На
дочку помяну
сестре Тнасе,
Михашу и Люске
от Анатолия.

2. 7-Тнаши.

11/III-1962г.

Может
встретиться
нам не при-
дётся, знай
какая наступит
пора, пусть на
память тебе остаётся
Не подбуди на нас могов
шай.

Тнашиг.

21.01.1959г, Толя Гужбин 15 лет. Фото на память.

1960 год. От сестрички – Валечки.

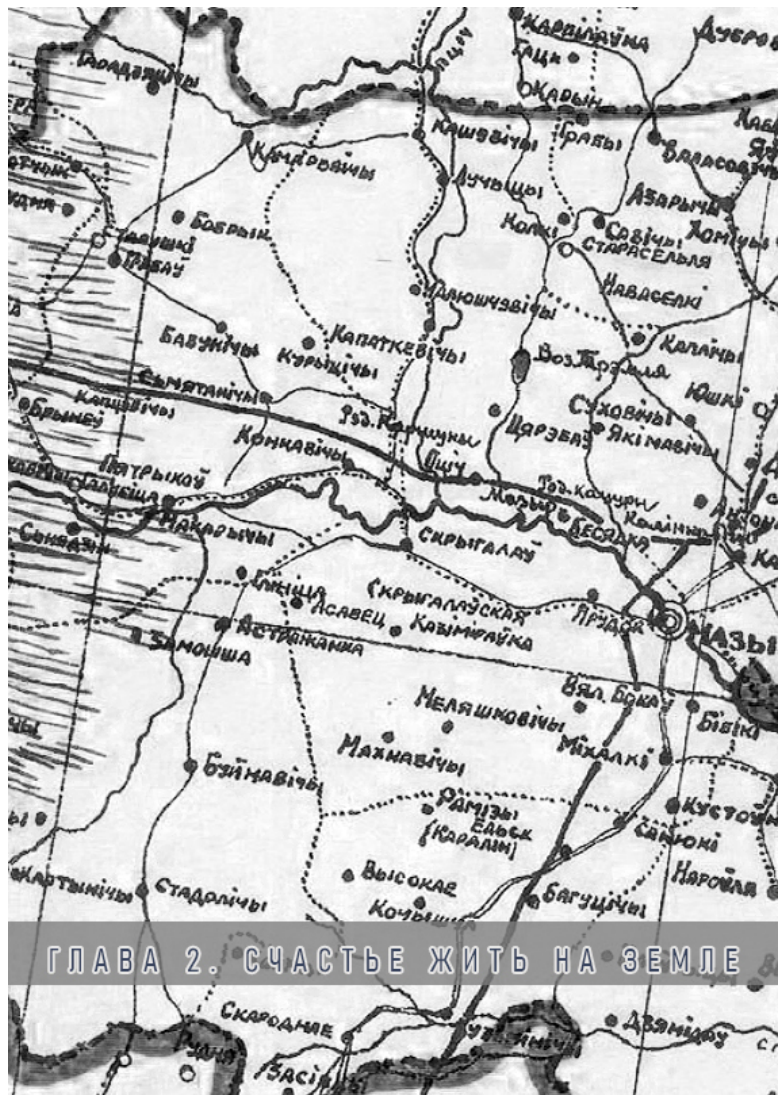
*Новый 1960 год, сотрудники детского дома, Н.Тагил,
п.Висим.*

*Анатолий погиб в 1964-м под
Ташкентом.*

5 февраля 1961г, г.Свердловск. Перед отъездом в Белорусию к Мише.

ГЛАВА 2. СЧАСТЬЕ ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ

Глава 2. Счастье жить на земле.

Никита.

Давно жили его деды на этой земле: и при Киевских князьях, и при Туровских, и при Литве; кучно жили в древней деревне Мехедовичи. Целый посёлок (улица) звалась Глушки, по фамилии его рода – Глушко. Старый дед из их рода говаривал, что пришли их предки со стороны Черниговского Бахмача. А другие рассказывали о селе с названием Глушское (Глушковское), находилось оно раньше в Королевстве Польском, в Киевском воеводстве Овручском повете и звалось на польский манер «Hluzkiewiczze» – Глушковичи. Через Глушковичи проходила межевая просека между Мозырским (к Литве) и Овручским (к Польше) поветам. Но уже больше нескольких десятилетий село – в Туровском казённом поместье, а в 1806 году присоединили приход Глушковичской церкви из унии к православию. Поселение это глухое, вдали от дорог, глухомань, добраться до него очень трудно, непроходимые болота, леса вокруг. Только с юга можно было проникнуть, со стороны Киева. А фамилия у людей такая же, как у нас. Удивительно!

Теперь мы зовёмся Северо-Западным краем Российской империи. Мы православные, мы – русские. При поляках жи-

лось тяжелее. Они ни в грош нас не ставили. Они – паны, мы – мужики. Сейчас (с 1840 года) действует общероссийское законодательство. Только своей земли мало. Барщина составляет шесть человеко-дней с крестьянского двора в неделю. Паны стали зваться на русский манер Дворянами, Помещиками. Как были Бискупский или Измайловский панами, так и остались панами-богатеями, перекупали друг у друга десятины земель в окрестностях Мехедовичей Первых, Мехедовичей Вторых, Бабуничей. (Или, как сейчас говорят, Бабуничей). Русский царь уважал православных магнатов и польскую шляхту, сохранил их права и привилегии. Шляхтичи присягнули на верность России, но православными, родными, не стали. Говаривали, что граф Ходкевич изначально исповедовал православие, но во второй половине 16 века, так же как Радзивиллы, перешёл в кальвинизм. Однако в 17 веке протестанты были ограничены в правах, и Ходкевич вынуждено перешёл в католичество. Знатные «графья на Мыше, Шклове, Ляховичах, Глуске, Чернобыле и Петрикове» были! Небывалые ярмарки в Петрикове на Покров проводили!

Около ста лет, после Второго раздела Речи Посполитой, с 1795 г. Земли вокруг Бабуничей находятся в аренде у стражника Антония Юрьевича Мазаранского. А ещё русский царь разрешил обедневшей шляхте переселяться с западных земель к нам, на Полесье. У леса на восток от Бабуничей новая деревня выросла (17 дворов, 116 жителей) – Боричев.

Шляхтичи. Не смотря на бедность и «пузо голое, але ж сабля» сбоку весит, значит Пан. Фамилия почти у всех – Некрашевич. В 1857 году дворянин Некрашевич владел в деревне 175 десятинами земли.

Южнее Бабуничей и Боричева – деревня староверов Сотнич. Ох, и знатную же церковь деревянную сами староверы построили, освещена была в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Поляки выжили староверов-православных из деревни, а церковь в 1746 году передали униатам?! Недавно, в 1836 году церковь из Сотничей перевезли в Петриков (Петриковичи) – центр волости Мозырского уезда Минской губернии. Хоть и считается Петриков православным, но больше всего там живёт евреев, немного панов. Живут в Петрикове и окрестных деревнях семьи с русскими фамилиями Тимошишины, Клевцовы (может быть это старообрядцы, беженцы от преследования после царской реформы в России в 1667 году); татары, поселённые Ходкевичем в 17 веке. Не известно точно, какие это татары: потомки сбежавших из Золотой Орды в Литву вместе с ханом Тохтамышем, или воины, поступившие на службу к литовским князьям, выходцы из Крымского ханства – Липки. В базарный день в Петрикове много наших братьев-полешуков. А бегают между христианами, иудеями и мусульманами черноволосые дети цыган. Ох, и много их, только и гляди, чтобы ничего не стянули.

Менялись правила владения землёй. Но крестьяне не получали землю. Земля оставалась собственностью помещи-

ков. Крестьяне жили общинами. Даже те крестьяне, которые задумывали по новому закону выкупить землю, считались временно-обязанными (49,5 лет) и должны были за пользование наделом земли, как и раньше, отрабатывать барщину или платить помещику денежный оброк.

Но у русского царя было много земли. Все посмеивались над старым, хотя какой он старый, «перекошенный» от работы, дедом, который говаривал: «Вы знаете сколько у нашего царя земли? Вся вокруг, и даже за Житковичами. Вся земля русского царя».

***

Новоиспечённому женатику Василию не досталось земли в Бабуничах. Решил воспользоваться правом взять земельный надел в паре километров от Бабуничей, южнее леса на пригорке. Земля здесь хоть и песчаная, но не истощённая, не вымученная многолетними посевами. И из тёсаных брёвен поставил хату. И жил с молодой женой по закону Божьему и по Российскому гражданскому: «Муж обязан любить свою жену, как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять её недостатки и облегчать ей немощи». Жизнь мужа и «жёнки» проходила по христианскому учению, согласно которому жена сотворена после мужа – создана для мужа, не только помощница для мужа, но помощница «подобная ему». Общепринято было среди православных считать женщину неполноценным человеком: слабым от природы и менее умной, поэтому подчинённой с

непререкаемой властью мужа.

Молодой муж с мужиками после возведения стен из сухих сосновых брёвен, поставили несколько «крокваУ» (стропил). Затем поверх стропил крышу ладили длинными тонкими жердями – «латами». А уж потом крыли крышу «драницами». Добротная получилась хата-пятистенок: углы на дубовых колодах, пол – деревянный из колотых пополам брёвен. Мастер выложил печь, как полагается, на раме из брусков с опорой на дубовый столбик, с «привалком». Молодая хозяйка сама обмазывала печь-кормилицу и грубу белой глиной; радовалась, что своё! В этом доме родились у молодой пары пятеро сыновей: Михаил, Никифор, Иван, Никита, Исаак. Всех сыновей, так же как и их отца, по-деревенски кликали Шаперины. Не то деда, не то прадеда их дразнили Шаперя.

Хутор расширялся, и в начале следующего века, двадцатого, стал называться Подконоплище.

Жили как все: вставали рано, ложились поздно, весь световой день работали, всегда хотели есть. Была мечта: «Хлеба досыта поесть». Хлеб из ржаной муки, очень вкусный и здоровый. Хлеб был, но мало. Были огурцы, капуста с огорода, была корова и, как следствие, молоко, грибы придавали особый аромат еде. Сало слоями хранилось в кадке пересыпанное солью. Им приправлялись все кушанья.

Тяжело было молодежи Прасковье управляться с пятью сыновьями. Но она была красавица: круглолицая, румяная, с васильковыми глазами, ни одной морщинки на лице. Когда поправляла платочек, то видны были волнистые пряди ру-

сых волос. Чуть выше среднего роста, широкоплечая, плотного сложения. Сильная и здоровая! Больше всех в неё удался Никита: расторопный, злой до работы, на все руки мастер: с ранних лет и косил, и пахал, и ложку, и миску вырежет, и кадку, и стол, и лавку изладит. Зимой ходил в школу в Бабуничи. Легко ему давалась наука: и считал, и читал, а особенно хорошо красиво писал. Читал и хорошо знал Слово Божье, Евангелие. Всея семьёй на большие праздники ходили в церковь в Бабуничи (с 1897 года). Среди прихожан, большинства местных мужиков не утихали рассказы о Киеве. Церкви, соборы там знатные, и мастера-кудесники разных ремёсел творят, и купить можно всё что душе угодно. Очень хотел увидеть древний Киев Никита, да и наковальня очень в хозяйстве нужна.

Глубока была Вера в душе Никиты. Духовная жажда к истории древней обители и её Печерским чудотворцам, нетленно почивающим мощам на месте их духовного подвига позвала Никиту в паломничество. Путь пролегал через Петриков, по Припяти – в Мозырь, дальше Наровля, Вышгород. И вот «Мать городов русских» – Киев. Богатые рынки: чего только нет: невиданные ткани, платки, в кузнечных рядах глаза разбегаются. Но нужна наковальня. Тяжёлая, но и Никита не слабый. После знатного приобретения (точнее вместе с ним) поклонился Никита Андреевской церкви, Святой Софии и Великой церкви – Собору Успения Пресвятой Богородицы Киево-Печерской лавры.

Взрослели братья. Старший брат Михаил собирался жениться. Ему – и дом, и полосу земли и родном Подконоплище. «А вы, сынки, сами шевелитесь», – положение в семье, где пятеро сыновей было очевидным: на пять частей родительский надел делить бессмысленно. Надо устраиваться в жизни каждому из четырёх младших братьев самостоятельно. Пока работали с отцом и матерью.

Все местные крестьяне считали окрестные земли графскими, и нанимались на работу к Графу. В конце весны Никита нанялся на лесоповал. Собственно говоря, сосну заготавливали зимой во время сокостояния. Если срубить сосну «в сок», то материал будет как «пареная репа». После вырубki дерева вылёживались в лесу, приобретая особенную крепость. Зимой лес доставляли к Бобрику и Припяти. Предстояло снести брёвна к реке, связать плоты, и оттуда через Припять до Пинска, а затем через Огинский и Днепро-Бугский канал по Неману, Западному Бугу, Висле на Мемель и Данциг. Говаривали, что много сосны покупали немцы и даже англичане для шпал! Или отправляли сосну в низовые губернии: Киевскую, Екатеринославскую, Херсонскую. Вниз – по Припяти, а там – по Днепру.

Солнце стояло в зените, было жарко, пот заливал глаза, мошка лезла в нос, рот. Хлопцы уже несколько часов носили брёвна к реке. Незнакомые мужики подхватили передний край бревна, Никита схватился за нижний край, но мошка вонзилась в веко, руки вздрогнули и край бревна врезался в песок. Одновременно жгучая, ледяная боль пронзила всю спину. Никита аж присел, чёрные круги пошли перед глазами. Это надсмотрщик плетью хлестнул Никиту. Льяная

рубаха разорвалась, и на спине проявилась кроваво-красная, сине-бордовая змея. Не испугался Никита. Собрал в кулак последние силы, обиду, перешедшую в звериную злость, стыд от намокших портков, ненависть к панам, графам, помещикам и носил брёвна до темноты. К унижениям крестьянские дети привыкли. Добро бы от графа, а то от такого же нищего, но зарвавшегося высокомерного шляхтича. Заработал Никита копеечку: тяжёлую, злую, больную.

Но уже на пороге стояли более суровые испытания для обитателей полесских (и не только) земель.

«МИНСКИЙ ГУБЕРНАТОР.

Юля 19 дня 1914 г.

Начальникам Полиции Минской губернии.

18-го іюля Минская губернія, в полномъ ея составъ, объявлена на военномъ положеніи... Губернаторъ (подписаль) Гирсь».

«18.07.1914 г. Указ Сената о начале проведения всеобщей мобилизации»: «I. Призвать на дѣйствительную службу, согласно дѣйствующему мобилизаціонному расписанію 1910 годанижнихъ чиновъ запаса и поставить въ войска лошадей, повозки и упряжь от населенія».

30 июля 1914 года за два дня до вступления в войну Россия объявила всеобщую мобилизацию – размер русской армии увеличился до 5,3 миллионов человек.

И одним из солдат в этих миллионах был Никита. Поменял льняную домотканую рубаху и штаны на хлопковые ша-

ровары грязно-зелёного цвета и такого же цвета гимнастёрку, очень похожую на крестьянскую рубаху. И шёл он вместе с тысячами таких же обвешанных кожаными ремнями с бляхой, патронными сумками, сухарными сумками, флягами, котелками, нагрудными патронташами, вещевыми мешками, шинелями в скатке, винтовками, но в сапогах. Наступали, отступали, вели ожесточённые бои. В октябре перешли Вислу, в ноябре отстояли Лодзь и Варшаву. Отличился в бою и Никита. Смелый, дерзкий, ловкий, сильный был. Награждён орденом Св. Георгия 4 степени, вскоре выслужился до унтер-офицера. Летом 1915 года войска плотно занимали весь фронт. А в марте 1916 года под снегом, дождём по непроходимому озёрно-болотному краю между озёрами Вишневское и Нарочь приказали наступать. (5 – 17 марта 1916 г.). день за днём шли, прятались, целились и стреляли.

В один из вечеров сзади послышалась немецкая речь. Патроны кончились. Как германцы смогли окружить, Никита не понимал. Жизнь завертелась, как в колесе. Не только его взяли в плен. Хорошо, что Георгиевский крест не сорвали...

Германия или Пруссия...

Длинный барак с нарами. Руки связывали сзади и били, но не убивали. Били, чтобы болело, чтобы мучился. Свои ребята, которые давно в плену, не давали умереть.

Через несколько дней Никиту вместе с остальными стали гонять на работу к бюргеру. Бюргер – название немецкое, а по сути, это тот же крестьянин. Хозяин он добрый, хозяйство большое. Никита в глубине души соскучился по крестьянской работе. Работать он умел: что пахать, что сеять, что в коровнике, что в конюшне управляться. Хозяин с недоверием присматривался к пленному русскому, но вы-

полненную работу оценил по достоинству: то хлеба кусок даст, то молока. Летом несколько раз разрешал оставаться ночевать на сеновале. Никита и резчиком замечательным был. Не только ложку или свистульку, но и ставни резные мог выточить. Язык, немецкий язык, чужой язык стал понимать, запоминать. Почти год Никита был в плену, в рабстве у немца. «Сколько можно на немцев работать? Надо бежать». Несколько человек сбежало утром. Разбежались в разные стороны, не знали куда бежать. Никита спрятался в крестьянском доме за каминной трубой. Вскоре в дом вошёл хозяин, а за ним посланные на поиски сбежавших пленных. Хозяин заметил человека за трубой и всё понял, но выдавать не стал, сказал, что никого не видел и здесь, в доме, никого нет. Немецкий солдат заглянул за камин справа, Никита, не дыша, отклонился влево; солдат наклонил голову влево, Никита – вправо. Старый немец надеялся, что русский пленный поможет ему в работе по хозяйству. Никита оправдал его надежды, но через несколько дней старик испугался, что власти его осудят за укрывательство пленного и предложил Никите уйти. Недалеко Никита отошёл от хутора. Немцы поймали всех сбежавших и вернули в барак. Охрану усилили. Водили на работы на железнодорожную станцию: разгружали и шпалы, и щебень, и рельсы. Можно сказать, строили железную дорогу. Каторжный труд. Часто пленных били.

Гордые, своенравные молодые крестьяне (солдатами и пленными их сделала война) мечтали о побеге. Как-то Ни-

кита понял, что под его настиллом земля. Пригляделся, поразмыслил. Стал палкой копать, а землю – в карманы лагерьной куртки. Выносил, выбрасывал. Рядом оказались верные хлопцы. Стали рыть подкоп по очереди. Никита в тот вечер уже глубоко спустился в яму. Неожиданно вошли надзиратели. Пленные стеной встали на проходе перед немцами. Товарищ метнулся к яме, чтобы вытащить Никиту. Всё быстро замаскировали. Но нашёлся человек с гнилой душонкой, указал на Никиту, как на зачинщика побега. Лаз засыпали. Никиту за связанные руки повесили на крюк на стене барака и били. Глубокой ночью свои ребята сняли и уложили на нары едва живого Никиту. Оклемался. Силы вернулись к нему ещё с большей ненавистью и злостью. Работал спокойно. Осень – в самом разгаре. Пасмурно. Разгружали брёвна с открытых платформ. Часовой лениво прохаживался вдоль состава. Никита и ещё двое пленных подавали брёвна сверху, двое принимали внизу. Надёжные хлопцы. Перешли на разгрузку нового вагона. Никита наверху прикинул: «Толкни одно бревно, и брёвна завалят весь пирон и ...». Часовой поравнялся с его вагоном, Никита толкнул то самое крепёжное бревно, и все остальные в момент полетели вниз, сбивая с ног и накрывая часового. Но Никита не всматривался в происходящее, перемахнул на другую сторону вагона, спрыгнул вниз, часовых не видно. Бегом – к лесу. Пленные – врассыпную. Бежал долго.

Остановился перевести дух, прислушаться и оглядеться. Сзади доносился шум, хруст сучьев. Никита прислонился спиной к старой широкой сосне, пытался успокоить дыхание и вырывающееся из груди сердце. В нескольких метрах от Никиты между деревьями мелькнула куртка пленного, через короткий промежуток – ещё одна. Собрались они, сбежавшие и непойманные, впятером. Никита, знаток леса, сориентировался: где-то там на юго-востоке – их родина, их дом. Шли пока не стемнело. Переночевали в сухой ложбине. Потом шли, шли, удаляясь от лая собак, обходя деревни, городки. Осень, ночью холодно. Удалось на хуторе стянуть головку вялившегося сыра и переночевать на сеновале. Надо торопиться, а одному из товарищей становилось всё хуже и хуже, давало о себе знать ранение. Тяжело было идти по непроходимому лесу под дождём. Беглецы по очереди вели под руки или несли на себе друга. После очередной ночёвки тело пленного солдата обнаружили бездыханным. Надо торопиться, возможно по их следу идут немцы. В ложбине четверо беглецов забросали опавшей листвой горемыку пленного солдата, и пошагали быстрее дальше. Никита хотел было про себя прочитать поминальную молитву, но никак не мог сосредоточиться. Уже в темноте подошли к какому-то селению. Послышались голоса, интонация не немецкая, а знакомая... «Наверное, мы уже в Польше. Вот и стожок, родной, как у нас на Полесье. Никита стал впадать в сон-забытьё, гла-

за сами закрылись. И тут перед глазами возник он – вчерашний друг по несчастью. «Никита, Никита, – стонал покойный солдат, – Никита, холодно мне. Никита, похорони меня, холодно мне». Никита проснулся. Глубокая ночь. Накрапывает дождик. Рядом спят товарищи. Никита закрыл глаза, попытался уснуть, и опять: «Никита, похорони меня». Незадолго до рассвета Никита разбудил беглецов, рассказал о просьбе покойного и о своём решении вернуться и выполнить долг – похоронить друга как подобает человеку и христианину. Товарищи отговаривали, мол, прошли за последние сутки около ста вёрст: «Вернуться, значит погибнуть, не хватит сил проделать такой далёкий путь, да, и поймать прусаки могут». Никиту бывшие пленные солдаты не поддержали. Но Никита осознал, что не сможет жить дальше с таким грузом на душе, Господь его не простит. Никита один отправился в обратный путь. Ориентировался в лесу, как рыба в воде. Нашёл покойника. На дне ложбины разгрёб листву и стал палками копать, руками выгребал землю. И ночь прошла, и день прошёл. Набросал сверху листвы, чтобы незаметно было могилу. Стоя на коленях, молился. Потом сел поодаль под деревом: «Какой день, какой год?». В голове мелькнуло: “Jetzt neunzehnhundert achtzehnten Jahr”, – значит где-то конец календарной эры 1918 года. С рассветом пошёл один по уже знакомому лесу в Польшу, и домой из плена, в котором пробыл два года.

Вернулся живым Никита, домой вернулся, в Подконопли-

ще, с крестом святого Георгия. Отдыхался, огляделся. Жили все вместе, старший брат Михаил уже женился. Тесно стало в родительской хате. Власти особенной в селе не было, но и земли на всех братьев не хватало. Не стал отец делить участки земли в Подконоплище, отдал и землю, и дом Михаилу. Состарившийся Василий считал себя бедным: «Не могу каждому сыну дать надел земли и построить хату. Вы уже, сынки, сами». Никита спокойный, рассудительный, знающий, грамотный, бесконечно работающий, считался мудрым. Женщин, то есть баб, воспринимал как работниц, домохозяек. Мечта была: «Построить крепкое хозяйство и жить в достатке». Страсти его не мучили, поэтому и романтические мысли в голову не лезли. Пригляделся Никита к богатому хозяйству Черепа в Бабуничихах, да и дочь у Черепа на выданье. Договорился с главой семьи, что работать будет на него, и на дочь, и на себя, и скоро посватается к дочери. (Будучи человеком обстоятельным, Никита заранее поставил сруб и накрыл хату крышей из дранки). Череп обрадовался будущему работающему зятю. А дочери не понравился «злой до работы», замкнутый, неразговорчивый, невесёлый мужик: «Не пойду за Никиту». Когда Череп с женой стали увещевать дочь и заставлять выйти замуж за Никиту, она сбежала к любимому молодому парню. Прошли месяцы, дочь не возвращалась домой. Череп разводил руками, Никита не понимал, зачем ему батрачить на Черепа.

Прошёл год после плена. Царь свергнут, а у Никиты ни-

какой определённости.

Анна.

Невысокая, ладная, русоволосая, глаза голубые, большие как блюдца стала бегать с девчонками на вечёрке, стало быть, засматривается на хлопцев. И хлопцы её замечали. Ходила молодёжь на престольные праздники друг к другу в гости. Особенно славилась среди активного населения деревень в Сметаничи, Бабуничи, Сотничи (несмотря, что это деревня староверов) «Куритичская Пречистая», естественно в деревне Куритичи.

Много чад у Фёдора и Ефросиньи Тимошишиных. Ну как много, у некоторых и поболее числом будет. Сыновья: Антон, Исаак, Андрей, Николай; дочери Марья и Анна.

Анна – «фигуристая», уже, наверное, шестнадцать лет. Как-то во вторник во дворе неизвестно откуда возникла незнакомая баба – скаля. Фёдор с женой пригласили женщину в дом, позвали Анну. Хочет свататься к Анне Корней Клевцов из Сотничей. «Нет, нет!», – стучало в голове у Анны, ей нравился совсем другой парнишка. Отец Фёдор знал семью Клевцовых (Клевцы, как их называли в округе), верующие, работающие люди. От возражений и слёз Анны отмахнулся, даже не заметил: «Берут девку, надо отдавать. Пусть засылают сватов». Сватовство, помолвка, свадьба пролетели быстро, а на душе камень. Теперь Анна невестка (рабыня), живёт с родителями Корнея в Сотничах.

И Корней, и родители Корнея понимали, что надо жить молодым отдельно. Как-то Анна и Корней, навестив семью Анны в Сметаничах, возвращались лесом, севернее Сметаничей. И тут... о чудо! Дети Полесья: лесов и болот – Анна и Корней почувствовали особое тёплое, мягкое «испарение», солнечный свет ласкал их и всё вокруг. Ветра не было. Лес сосновый. Здесь они поселяться. Здесь Корней поставит хату, а Анна будет доброй хозяйкой, женой и матерью. Корней с отцом и другими свояками-мужчинами занялся устройством хутора. Быстро этот хутор стали называть Могилками.

Было несколько могил, но далеко от хутора.

***

Говаривали, что могилы остались от войны, от давнего «нашествия галлов» или французов. Но в крестьянской памяти французы не сохранились, а русские солдаты – да! Второй русский резервный корпус генерала Эртеля. 12 тысяч штыков и сабель. Из-за нехватки «постоя» солдаты жили в большой скученности. И косила их эпидемия дизентерии. Медики приписывали болезнь сию здешней воде. «Служивым» запретили пить воду, им привозили квас. В добавок к этой болезни солдаты вместе с хозяевами хат умирали от «гнилой горячки» (сыпного тифа). Спасала незаменимая в борьбе с переносчиком тифа парная баня, которую строили русские солдаты. Когда «служивые» ушли к Бобруйску добивать «Великую армию», эти первые в наших краях парные бани достались местным жителям, по достоинству оценившим преимущество мытья с паром).

***

Пока строили хату (переносили старый сруб из Сотничей), стёпку, хлев, Анна помогала свекрови; похоронила своего первенца – сыночка Андрея, через год – сына Евдокима. Крепкое хозяйство создавал Корней. Выкорчёвывал лес для поля, в хлеву: две коровы, конь, два вола, не говоря о свиньях и кабанах и птичьей живности. Всё было «своё» (своё). Жито и лён родились на поле, лес давал и грибы, и ягоды, и травы. В хате имелось охотничье ружьё, так что и дичью иногда разживались. Только детьми никак не прирастала семья,

поживёт ребёнок год, другой и помрёт от болезни. Умерло ещё трое детей. А тут неожиданно-негаданно войну объявили с «германцем». Но Корнея на войну не забирали. Радовало, что на хуторе поселилась ещё одна семья по фамилии Тимошенко. «Алёж» руки у Ганны только две, а вся «худоба» на ней. Ганна опять понесла. В 1917 году родила дочь Устинью похожую на Корнея. Жили тихо: в труде и работе. Устинья росла весёлой и здоровой девочкой.

На дворе уже стояла (была объявлена) советская власть, но в марте 1918 г. – опять оккупация немецкими войсками. В 1920 году родился сын, и назвала его Ганна Фёдором. К тому времени Корнея забрали в армию. Как понимала Анна, армия была не царская, а новая Красная Армия. Уже два года Анна одна с двумя маленькими детьми. От рассвета до поздней ночи работала: в поле, «ходила» за скотиной, и жала, и пряла, и ткала. Иногда приходили родители помочь, или посеять, или жать. Прошло около трёх лет, прежде чем вернулся Корней. Закончилась война с белополяками, но Россия ещё захлёбывалась в гражданской войне. Соскучился Корней по молодой жене. А уж как в селище нуждались в молодых здоровых руках! Через неделю у Корнея разболелся живот, начались головные боли, лихорадка... «Что принёс с окопов войны зять: дизентерию или тиф?» Ослабленный Корней после приступа лихорадки лежал на «лбжку» сбоку от печи. Ганна поднесла к бледным губам деревянную ложку: «Корнейко, поешь супа». В дверном проёме хаты возникла

мать. «Что ты делаешь?!» – гневно с досадой крикнула она, плюнула и вышла на улицу. Судьба уберегла Корнея на войне, вернула домой в семью, помучила две недели в тифозном бреду и унесла в могилу. Через две недели непонятно от какой болезни умерла мать Анны Ефросинья, ещё не старая женщина. Анна поняла, что «цзярная». На руках у неё маленькие дочь, сын, большое хозяйство: «Как же я одна жить буду?»

Семь месяцев Анна одна управлялась с хозяйством. Становилось всё тяжелее: и работа, и живот. Федя бегал за Устыной; пытался говорить. В один из вечеров во дворе истошно залаяла собака. У калитки стоял мужик выше среднего роста, не молодой. На немой вопрос Анны: «Кто таков? Что пришёл?», крикнув, ответил: «Поговорить!» Анне некогда было вести долгие разговоры, работа стояла.

Никита одним цепким взглядом оценил хозяйство и сложившуюся ситуацию. Предложил себя в качестве «доброто» работника. Анна задумалась, решила внимательно присмотреться и прислушаться к крепкому бородачу с шевелюрой русских волнистых волос. «Если договоримся и поладим с тобой, то хотел бы стать хозяином селища, твоим мужем, и детей вместе глядеть будем». Некогда красивое лицо Анны стало суровым, а в голове застучала мысль: «Мужик будет работать! Работать! Не я одна с баткой буду вытягивать из себя жилы». «Оставайся». Вот так Никита в середине своей жизни неожиданно для себя приобрёл богатое хозяйство:

две коровы, коня, двух волов, хату, поле (участок земли), жену и семью! А главное – работу на земле, на родной «земельке»! Никто: ни Никита, ни Анна, ни их родители, ни дети не представляли себе другой жизни, без земли, без леса, без хаты, без коровы, без свиньи, без «курочек с петухом». Никита, ощущая себя хозяином, решил поставить новую хату. Покойный Корней собрал свою хату из старых брёвен. Брёвна стали трухлявыми. Никита с чувством гордости, превосходства и удовлетворения перевёз свою хату из Бабуничей на хутор. Пусть ни Анна, ни свояки не говорят, что пришёл Никита на всё готовое. Нет, самое главное для семьи – хату Никита поставил свою. В характере Никиты была злость не только к работе, но и окружающей жизни. Быт – очень тяжёлый. Считался Никита в ближайшей округе человеком «вредным». Больше всего доставалось Анне, часто спорили, ругались. Зимовавший в хате у дочери Ганны дед Фёдор вставлял и своё слово в спор. За что получал от разгневанной дочери: «Зачем мы тебе?! Разберёмся без тебя!» «Ах, если бы у меня на языке был мозоль, я бы молчал», – отвечал с усмешкой дед. Анна разрешилась девочкой, назвала её Лидой.

На хуторе уже жило три семьи. Жили одинаковыми крестьянскими близкими к природе интересами. О любви и уважении между супругами никто не говорил, в голову это не приходило. Любимая поговорка из древних писаний «Да убоится жена мужа своего» или «Бьёт, значит любит». Ино-

гда заходили на хутор братья Никиты. И, зная вспыльчивый характер, подтрунивали над ним, рассказывали, что у них многочисленные дети уже большие, а Никите ещё стараться и стараться.

Новая власть, новые налоги. Продналог объявлялся заранее, накануне посевной. Сначала налог был установлен в размере около 20% от чистого продукта крестьянского труда, затем был снижен до 10% от урожая. Собственниками земли крестьяне так и не стали. Земля была объявлена государственной собственностью. Те, кто непосредственно работал на земле, являлись только пользователями без права её продажи, дарения, завещания, заклада. Поле на хуторе в Могилках оставалось прежним: примерно восемь десятин земли. Разрешалась сдача в аренду и использование наёмного труда. Работников можно нанимать, если члены семьи также работают.

Кто же работал? Маленькие дети: Устинья, Фёдор и Лида? К тому же в неурожайный 1925 год у Анны и Никиты родилась первая дочь – Бронислава (Броня). Кто из родителей назвал девочку характерным польским именем, осталось загадкой. И под каким именем крестили малютку?

Никита от рассвета и до глубокой ночи работал сам: и пахал, и сеял, и за скотиной «ходил». Анна хлопотала по хозяйству тоже не покладая рук. Горшки с едой в печи, глянула на младших, старшие и сами поедят, и младших накормят, а она то в огороде, то в поле, то в хлеву. По осени, после сдачи ржи в налог, отвозили оставшуюся рожь на мельницу. Мельницы были в Сметаничах, Бабуничах, Сотничах. Из льняного семени толкли масло, из стеблей пряли суровую нить. Это была работа Анне на осень, а зимой ткала льняное полотно. Что-то из продуктов Никита менял то на серп, то на топор. Однажды вернулся на хутор и рассказал, что видел в Петрикове не только новый рубль, но и червонец! Равный 10 доре-

волюционным рублям или 7,74 грамма чистого золота! Вот бы нам такое заработать!

Никита не знал покоя: развёл овец, в лесу сделал колоды и поднял их высоко на деревьях. Семья осенью лакомилась мёдом, да и родня, и свояки захаживали на хутор к Никите полакомиться, а то всё больше обменять... Братья и старые сябры Никиты заходили на святые праздники не столько за мёдом, сколько за крепкой самогонкой (Никита в укромном дальнем, «за болотом», углу леса смастерил самогонный аппарат) и «смачной» стряпнёй Ганны. Не голодали, жили от весны – к осени, от лета к зиме, от праздника к празднику.

В июне на болоте уже собирали первые стожки. В том году Троица прошла «заранье» – 3 июня. Недалеко от хутора Никита обкосил просеки, и они с Ганной ворошили сено. Солнечно и парит. «Быть буре». Поднялся сильный ветер. Надвигалась гроза. Быстрее в селище. Загнали в хлев овец, коров, коня... К тому же, Ганна стала слабеть и кричать, что рожает. Никита крикнул соседку, та сразу поняла в чём дело. Прибежала, растопила печь, поставила греться чугуны с водой. Детей загнали на полати в дальний угол хаты. На улице ветер поднимал песок выше крыши, и разразилась гроза с ливнем. В эти минуты кричала Ганна, через несколько минут закричала маленькая девочка. Повитуха обрезала пуповину, завязала пуп, вытерла ребёнка, замотала в чистую льняную тряпицу. Соседский мужик зашёл после грозы посмотреть, что за переполох в хозяйстве у Никиты. Из-за «задержки»

ки» вышла соседка со свёрточком на руках. Красное личико девочки совсем не понравилось соседу: «О-о-о. какое-то перекошенное дитя. Накрой его подушкой, чтобы «захлопилось»».

Господи, прости! Большинство крестьян не любило детей. лишний рот, лишняя работа, лишняя забота; пока они вырастут и тоже начнут работать, помогать, то сто потов сойдёт с батьки и все жилы вытянет из себя. Так-то оно так. Но материнский инстинкт Ганны уберёт дочь. Девочка родилась здоровой и крепкой. Записали её дату рождения 12 июня 1928 года и назвали Ольгой. Ольга была на удивление славной девочкой: круглолицая, глаза – синие бусинки, розовые щёки, курносый нос кнопочкой, улыбчивая, в ореоле мягких светло-русых кудрей. Уже немолодой бабушке Прасковье ребёнок напоминал маленького Никитку. (С годами Прасковья в Ольге увидела своё отражение, своё родное продолжение). Как только Оля научилась ходить, стала «хвостиком» матери. Смотрела, запоминала, повторяла все движения, была очень смышлёной. Можно сказать «с молоком матери» впитала в себя навыки и умения крестьянской работы, деревенского быта. В 5 лет, как только скрипнет дверь на рассвете (это вышла доить корову Ганна), Оля просыпалась и бежала следом за матерью доить корову. «А ты что не спишь? Иди на печь, поспи вместе со всеми». Но Оля просила дать ей подоить корову. А Ганна только вздыхала: «Бедная ты, моя доченька, бедная», – понимая, что «бесконечно» тяжела

и горестна жизнь крестьянки, – «Наработаешься ещё».

Лучше всех понимала Олю Броня. Неудивительно, сёстры ближе друг к другу по возрасту. Но Броня любила поспать и была не столь энергичная. У старших сестёр Устыны и Лиды были другие занятия.

Одним пасмурным утром Ганна выгнала детей во двор, только Лида осталась лежать на лавке. Смурной Никита пошёл в сарай и сколотил «ящичек» (гробик). Лида весь день лежала в пустой хате. Оля и Броня набегавшись и наигравшись во дворе, заходили в комнату, подходили к Лиде, трогали за руки и просили: «Вставай!» Следом за девочками входила поникшая Ганна и отгоняла их от гроба, посидит минутку, посмотрит на дочь, и быстрее – работать по хозяйству: работа не ждёт...

А когда стало холодно и выпал первый снег, в хате на печи плакал совсем маленький мальчик. Никита пытался запомнить день рождения своего первого сына. Запомнил, что сын родился в пятницу за 2 дня до Михайлова Дня. А год забыл: то ли 1932, то ли 1933 или 1934? «Главное, чтобы Михаил, Мишка быстрее рос здоровым и сильным». А пока младенец Мишка много и громко плакал. Он простыл, даже не стал сосать грудь. Мать Ганна обмазала тельце растопленным свиным внутренним жиром, завернула в льняные тряпицы, положила в подушки на печь и сказала притихшим Броне и Оле: «Детки, смотрите за ним». Через пару часов

братик проснулся, зевнул. К этому времени мать вернулась в хату, покормила мальчика. Матери Ганне некогда из-за работы в хлеву поминутно успокаивать сына; нажует хлеба, завяжет в тряпицу, и такую соску – в беззубый ротик. Младшие сёстры наблюдали и ухаживали за младенцем. А старшую, Устинью, раздражал и злил плачь: «Заткните ему рот и закройте глаза». Младшая, Оля, вздрагивала от таких слов, пыталась, как могла успокоить братика: качала, меняла мокрые тряпки. Дети подрастали. Следующей зимой мать, как и прежде, из выделанного собственного льна соткала много полотна. К весне – всем обновки, даже годовалому Мишке сшили рубашечку.

Отец Никита с малышами не был ласков. Любил выпить с мужиками, зачастую приходил пьяным, разгонял по полатам детей, обижал Ганну. Упрекал, что не чтут его здесь, как хозяина: «Уйду прочь!» Больше всех за мать болела душа у Оли. Она ластилась к плачущей матери, старалась предопределить, угадать желание или работу матери. Никита, как и все мужики, выросшие в полудиком крестьянском обществе, где за каждое зёрнышко надо было бороться потом и кровью, где только Вера в Бога не позволяла совсем забыть свою совесть, не уважал женщин: ни жену, ни дочерей. Уважения заслуживали только сильные и богатые, боялся людей, наделённых властью.

Анна была благодарна Никите за мастерство на все руки: и пахарь, и жнец, мастерил и лавку, и миску, и ложку. А ещё

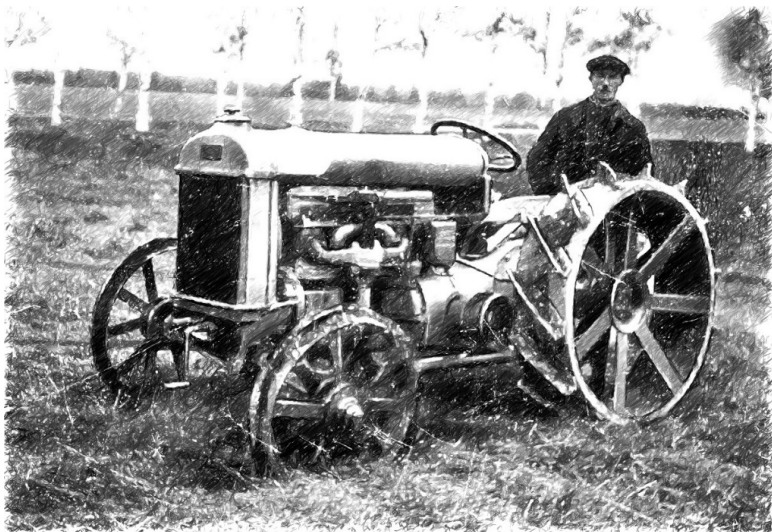
Никита относился к Феде, как к сыну. Не только учил любви к земле, но и грамоте, объяснял арифметику, учил читать, помогал делать уроки (Фёдор ходил в школу в Сметаничи). Тяжело давалась «наука» Фёдору. Бывало, зимой и лучина погаснет в хате, а Никита запальчиво громко объясняет решение задачи Феде. Тяжело ли, нудно ли, но пять лет отходил-отучился Фёдор в школе, посчитал, что пяти классов достаточно, чтобы считаться грамотным, не пожелал терпеть над собой насилие учителей и в добавок – крики Никиты. Хотелось свободы! Свободы хотели все и всегда. Но никто из крестьян её не видел. Уменьшили бы налоги, можно бы больше продавать зерна, да купить бы сапоги, а не в лаптях само-плетёных весь год ходить. Никита всем членам семьи плёл лапти сам. Чуть прохудились – выбросили, сплёл по растущей детской ноге новые. Больше всех ценила, любовалась новыми лаптями Ольга. На рассвете тёплого весеннего дня побежит с маленькой кошёлкой по болоту: в ямке – воды полные лапти, на кочке – вся вода вылилась. Дети в хате только просыпаются, а в полной корзинке у Оли яйца белые (выпь), оливковые в чёрную крапинку (куропатка, перепёлка), зелёные с красно-коричневыми пятнами (коростель), грушевидные неблестящие, коричнево-жёлтые с крупными чёрными пятнами у тупого конца (дупель), длинные узкие матовые песчано-жёлтые с тёмно-бурыми пятнами (кулик). Урожай яичной охоты мать сразу – в чугунок. А потом на завтрак, на обед (ешь, когда хочешь) – красивая россыпь

цвета в тёмные пятнышки. «А птицы без потомства не останутся, вторую кладку сделают», – рассуждала лесной человек Ольга.

Фёдор подрос и, как свойственно молодым, стал интересоваться новым. А в новой советской жизни были колхозы (этим он не интересовался), а вот новая техника – это сила!

В 1936 году организована «Муляровская машинно-тракторная станция (МТС) зернового управления Народного комиссариата земледелия БССР», с 03.1938 – земельного отдела исполнительного комитета Полесского областного Совета депутатов трудящихся, станция Муляровка Сметаничского сельского Совета Петриковского района Мозырского округа (с 20.12.1938 – Полесской области).

Проснулся технический талант Фёдора. Анна, Никита, одноклассники и учителя в Сметаничах недоумевали: прилежания в учёбе и тяги к знаниям не было. А тут и разберёт и соберёт, и заправит, и всё у него работает. И не конь, и не вол, а трактор! И названия какие: «Фурдзон-путиловец», гусеничный трактор СТЗ (сталинградский тракторный завод имени Дзержинского). Горделивый стал Фёдор, деньги стал зарабатывать! Какими восторженными глазами смотрел на него Миша! А Ольга восхищалась красотой «чернявого», с зачёсанной назад прядью волнистых волос, парня, каким стал Федя.

Коллективизация уже «наступала на пятки». Те бедные крестьяне, что в 20-е годы первыми организовались в колхозы, в 1931 и 1932 году выходили из колхозов, а вернее колхозы распадались, непосильными были принудительные хлебозаготовки. Хуторян и работающих крестьян раскулачивали. После чего все голодали...

Волна раскулачивания, честно говоря, грабежа, накрыла семью Марии, сестры Анны. Мария была замужем за «кривым» мужиком по фамилии Корж. (Наверное, выходца из Коржевки). Забрали всё. С нехитрым скрабом, тёплой одеждой, отправили под конвоем в Сибирь. Но у трудолюбивого белорусского крестьянина и на камнях зацветут розы. Ку-

пинский район Новосибирской области. Семья организовала хутор-поселение Коржовский. Ничто не напоминало Полесье, но жаркое лето и плодородная земля позволяли выращивать много пшеницы, сдавать и самим не голодать. И озёр с рыбой много. Работай, шевелись, и всё у тебя будет. А работать полешукам не привыкать.

Устинья уже расцвела. Не удержать её было, часто бегала на вечёрки. Одни ботинки были в семье, схватит их, и быстрее бежит «танчить» то в Сотничи, то в Сметаничи, то в Куритичи. Стала дерзкой, непослушной. Никита только вздыхал: «Не моё дитя, не могу ею командовать». Весёлая, бойкая, голубоглазая, с русой косой и греческим профилем Устинья нравилась многим парням. Но, говоря современным языком, дружила с Ефимом. Ефим ходил вокруг Никиты и плачущим голосом молил: «Не отдавайте не за кого Устыну». За окном темень непроглядная. Декабрь – самые короткие дни в году. Никита приладил посреди хаты каганец с лучиной и плёл лапти. Красноречье Ефима не задело Никиту, он был сосредоточен на деле. Устына слезла с печи и жалобным, полным сочувствия и сострадания голосом заговорила: «Нет, нет, Ефимко, не пойду за Петра, только за тебя». Бедный Ефим надеялся. Бедный не только от недостатка любви и несбывшихся желаний, но и по крестьянским меркам: не было у него ни коровы, ни крепкого хозяйства, только обвалившаяся на углу (подпёртая кольями) хата, да мать с отцом. Через несколько дней забежала на хутор знакомая

баба, поговорить с Анной, Никитой, посмотрела на Устыну. (Это тётка-скалля). Анна и Никита только плечами пожали. Как нынче, при советской власти, отдавать дочь замуж? Но между собой поговорили и Устыне рассказали о мужике из Куритичей. Звали его Пётр. Женат был. Только его молодая жена, ещё будучи девушкой, обещала ждать из Красной Армии своего друга. Но её выдали замуж за Петра. Как только в деревню вернулся красноармеец, молодая жена тут же сбежала к нему. А служивый не отказался от своей первой любви. Пётр остался брошенным мужем, но состоятельным женихом с коровой, свиньёй, курами и домом. Пётр был не просто лучшим столяром в округе, но и мастером с фантазией. Его дом нельзя было назвать хатой. Это был дом с высоким резным крыльцом на зависть всей деревне. «Большой рукодельник, мастер на все руки», – уважительно о нём отзывались односельчане. В один из дней, когда зимнее солнце уже повернулось к лету, на хуторе у селища Никиты остановился возок: полозья загнуты, а над конём дуга с бубенчиками. Устыну уговаривать не пришлось собралась в мгновение ока, и шась в возок. Только её и видели. Пётр повёз Устыну в сельсовет расписываться. На Коляды сыграли свадьбу. Мать Анна упорно занавешивала маленькие окошки, чтобы никто из незваных гостей, отставных «женихов», не украл Устыну или не побили окна.

Тяжело было Анне управляться с хлопотами по поводу свадьбы своей старшей дочери. Была Анна в свои сорок пять

лет на сносях. Через пару недель тёмным холодным зимним вечером детей затолкали в комнате за печь, а у печи кричала Анна, и суежилась соседка. Оля, не понимая происходящего, но жалея и сочувствуя матери, рыдала навзрыд. Федя, будучи уже молодым человеком, дал несколько тумаков Ольге и шипел: «Замолчи». Оля успокоилась, когда услышала плачь ребёнка. Так в семье уже немолодых Анны и Никиты появился ещё сын Иван. С оказией Никита побывал в Петрикове, договорился с бывшим попом о крещении. Крестили Ивана в хате священника.

В начале 30- годов советское руководство спохватилось: «Мало крестьян, работать некому. Некому обрабатывать поля, собирать урожай». Приступили к организации «крупных» колхозов, решено было укреплять деревни за счёт ликвидации хуторов. Центром будущего колхоза был выбран хутор Косище. Основан в начале двадцатого века переселенцами из соседних деревень. В 1925 году насчитывалось 9 дворов. С востока – лес.

По сути, деревенька лесная. Когда Никите выделили участок под хозяйство, в деревне было уже 10 дворов. Выделили участок на западной стороне улицы. В 1937 году в Косище переселились все три семьи и с хутора Могилки. Никита опять разобрал свою хату, погрузил брёвна на подводу и в третий раз построил хату в деревне Косище. Хата стояла на небольшом возвышении, была сухой, с большими тёмными сенями, с входом с южной стороны; с запада, образуя букву

П, к дальнему углу примыкали хлев, стёпка, сарай. За хлевом было поле-огород. Почва песчано-торфяно-болотистая. На своём клочке земли много не посадишь. Сеяли рожь, лён, коноплю; также, как рожь, сеяли картошку, размахивая рукой, разбрасывая семена по дуге. Перед окном, смотрящим на улицу, посадили яблоньки, напротив входной двери вдоль забора с соседями посадил Никита груши, в одной линии с грушами выкопал колодец.

На юге и на западе от Косища чередовались болота с полями, с колхозными полями! Крестьян призывали вступать в колхозы не только для обработки полей, но надо было почти всю живность отдать в колхоз. Становились колхозниками и агитаторами бывшие батраки, весельчаки, балагуры и гармонисты. Ох, и не любил Никита этих «бездельников»! Заставили его уехать с хутора, но в колхоз, работать, батрачить на других, на пресловутое государство его не заставили. Не вступил Никита в колхоз. За это обложили его налогами, посчитали каждую яблоньку, каждую грушу. Достаточно Никита наработался в молодости на графа, барина, а сейчас – на балаболку-лентяя председателя колхоза? Почему плоды своего труда крестьянин опять должен кому-то отдавать? А как кормить свою семью? Приходилось тайком вывозить в лес и там закапывать выращенную картошку, делать припасы из собственного урожая на зиму. Основную часть налога отработывала Ганна. Выращивала лён, жала и аккуратно складывала его в снопы, выбирала каждую соломинку. В ка-

честве налога насчитали несколько тон льна. Никита возом доставлял его в Петриков. Что-то не радостно жилось при советской власти, семья ощущала голод и нужду. Федя уже работал в Муляровке.

Жизнь запомнилась Оле отдельными кадрами. Она помнила запах свежетканного льняного полотна, радовалась новым сшитым рубашкам, а особенно маленькой рубашечке для Вани. Ганна произвольно замечала, как они похожи: угрюмый Никита, весёлая быстрая расторопная Оля и маленький Иван. У Анны болела душа за Уститью: «Как там она, тяжарная, справиться с большим хозяйством?». «Беги, донька, в Куритичи», – просила мать Олю. И девочка бежала через лес, легко перебирая ногами в лапоточках. Никто за неё не волновался, не боялся, что встретит лихого человека (таких не было в округе) или заблудится. Первые роды у Устиньи были не радостными. Она родила близнецов мальчиков мёртвыми.

В июле 1940 года появилась на свет Она – дочь Ольга Петровна! Это был не ребёнок, а кукла; очень похожа на Петра: круглолицая, с мягкими тёмно-каштановыми волнистыми волосами, раскосые глаза – вишенки над высокими скулами; как вскинет вверх полукруг длинных чёрных ресниц, да улыбнётся – сплошное очарование!

В этом же 1940 году был призван в Красную Армию Клевцов Фёдор Карнеевич с присвоением воинского звания «младший сержант» и специальностью «наводчик».

Война

Погода в июле, как обычно, стояла прекрасная: ласковое солнце чередовалось с мягкими дождями. Взошла, но ещё не цвела картошка, разными оттенками зелёного радовало взгляд поле: и рожь, и лён...

В один из погожих дней лица взрослых стали встревоженными. Пришла весть: «Немец напал на Советский Союз». «Опять немец», – думал Никита, в глубине души надеялся, что тот самый немец как пришёл, так и уйдёт.

Председатель колхоза передавал директивы правительства об эвакуации. Для начала решили перегонять на восток скот.

Колхозных коров и коров с крестьянских подворий согнали в стадо. От Косище гнать коров назначили Броню. Совсем девчонка... Никита не пустил дочь. Сам погнал стадо за Куритичи. Вскоре стадо стало объединённым. От Куритичей пастухом был зять Пётр. Доходили слухи, что советские войска отступают. Тревожно и шумно было в округе. Пастухи ждали дальнейших указаний. На несколько дней всё замерло. Никакой суеты: тёплые дни, звёздные ночи, постоянно жующие коровы.

Однажды днём тишину векового леса и маленькой деревеньки разорвал металлический треск. Дети бросились в рассыпную, и все жители затаились. По песчаной улице

быстро передвигались какие-то механизмы, а на них сверху сидели и не падали?!, люди в невиданной одежде и круглых железных шапках (касках). Местные говаривали, что немцы в Бабуничах «были на третий день». Немцы сразу обнаружили большое стадо коров. «Не хорошо получилось», – осознали двойственность ситуации пастухи, как будто для немцев коров пригнали. Немцы обрадовались хорошему молочно-мясному стаду, отблагодарили пастухов. Дали каждому по корове. Никита привёл в своё селище очень хорошую белую корову. Больше всех корове радовалась мать Ганна и Олька.

Немцы ушли дальше на восток. Крестьяне жили в полном неведении. Страх Петра перед наказанием советской властью за то, что отдал (сдал) врагу колхозных коров, понимая, что этот поступок будет расцениваться как предательство, родил в его голове неверный план. Решил Пётр и друг-сельчанин, что пощады от советской власти им не будет, поэтому надо идти, догонять немцев. Поздним вечером Пётр поднял на руки Оленьку, а для Устиньи произнёс: «Ничего не жалей, береги только её – доченьку, только её...». Под покровом ночи, в тайне от сельчан, двое мужчин покинули Куриличи. Через двое суток их остановил немецкий патруль, никто не стал выслушивать их невнятные объяснения, отправили в тюрьму в Бобруйск. Слухи не заставили себя долго ждать. Спустя пару месяцев соседки насоветовали Устинье сходить в Бобруйск и вызволить (или выкупить) Петра.

В один из осенних дней Устинья и жена друга Петра пришли в Бобруйск, нашли не тюрьму, а лагерь пленных. Намцы не желали слушать местных крестьянок. Женщины вернулись в Куритичи не солоно хлебавши. Что случилось с Петром и другими пленными остаётся только догадываться. Их или расстреляли, или заморили голодом и нечеловеческими условиями. Пётр погиб. Устинья осталась одна без мужчины-работника, без мужа – опоры, без хозяина. Первые два года войны немцы сильно не свирепствовали. У них были другие цели: Москва, юг России. Но власть на оккупированной территории укрепляли, для порядка, вербовали в полицаи. Несколько односельчан Никиты с готовностью переоделись в полицаев. И Никите предлагали пойти на службу к немцам по причине ненависти к большевистской власти, колхозам и откровенным грабёжам; радовались: мол, наступило наше время. Никита ответил одному из них по имени Михаил: «Ходил ты в лаптях, в лаптях и останешься». Никита не понаслышке знал немецкий характер, их «щедрость» и жестокость. Но мальчишкам было не усидеть в хате. Бежали везде, где хотели. Зимой, в начале 1942 года, понесло ватагу мальчишек к хоздвору немцев, к отхожей или отбросовой яме, к которую немцы сливали отходы от кухни, бойни коров, свиней. Голодные наивные «хлопчики» думали разжиться свиной ногой. Но немецкие овчарки не потерпели конкурентов, бросились на мальчишек. Миша, как и все побежал, но упал. Собаки, науськиваемые немцами, рвали оде-

жонку хлопчика, пытались прокусить старый кожушок.

Натешившись, фашисты отозвали собак. Ободранный и покусанный Миша пришёл в хату. Никто особого внимания на него не обратил, никто с ним не заговорил. А меж тем, ужас пережитого нападения надломил психику мальчишки, он даже стал заикаться, поэтому больше молчал. Ох, неспокойно было в деревне и на душе у Никиты.

А ещё, некстати, подросла красавица Бронислава. Как на- зло, влюбился в неё полицаёй Игорь: злой и наглый; заявил, что придёт и силой заберёт её. Никита, недолго думая, но- чью собрал всё добро и с семьёй тайком ушёл в лес. Первым из Косище ушёл в лес. Никита построил землянку (курень) и там прожил с семьёй почти год. За это время два двоюрод- ных брата Никиты вступили в полицию, и Никите предла- гали вступить в их ряды. Немцы выдали сапоги, чем братья очень гордились. Но Никита наотрез отказался и выгнал их прочь. В лес стали переселяться многие семьи. Организовы- вались партизанские отряды.

В 1942 году семья уже жила в лесу. Из леса приходили в Косище, вернее Ольгу посылали партизаны. Пропускного режима ещё не было, немцы не отслеживали перемещение местных крестьян. Кого смогли поймать в Косище, тех сго- няли на работу в Оголицкую Рудню. Восстанавливали на- сыпь, шпалы, случалось, ночевали в казармах. Просьба пар- тизан заключалась в подсчёте железнодорожных составов, проходящих через станцию. Оля про себя хмыкнула: «По- думаешь, задание». Сосчитала: «Восемь». Сведения в отряд передавал Никита, или Дед, как называли его партизаны.

Шёл 1943 год. Немецкая армия потерпела поражение под Москвой и Сталинградом. В тыл к немцам стали забрасывать коммунистов для организации партизанской борьбы. 26 мая 1943 года каратели напали на деревню Бабуничи, где разме- щалась партизанская застава 125-ой Копаткевичской брига-

ды. Партизаны приняли бой, но вынуждены были отступить. Гитлеровцы полностью сожгли деревню. Погибла в этом пламени мать Никиты – Прасковья.

27 июля 1943 года отряды Болотникова (И.Н.Глушко) и М.Ф.Бобкова передислоцировались в Петриковский район для организации 130-й Петриковской бригады. (О боевых подвигах белорусских партизан написаны книги). А в военные годы уроженец деревни Бабуничи Иосиф Никифорович Глушко, партийный и хозяйственный руководитель Могилёва, выполнявший поручения Минского обкома партии об организации партизанских отрядов, назвался Болотниковым, чтобы никто не догадался о настоящем имени командира отряда, и не уничтожили родных.

Никите Иосиф приходился двоюродным братом, был сыном Никифора, родного брата Василия. У Никифора, по обыкновению того времени, было тоже много детей: старший Ефим – лётчик, Евпатий – учитель (погиб в Отечественную войну), Иосиф Болотников – командир 130-й Петриковской партизанской бригады, и дочери: Степа, Ольга, Ирина, Ганна, Гаша (долгие годы учительствовала в Бабуничах).

Никита ничего не знал о Болотникове. Взаимодействовал с партизанскими отрядами М. Ф. Бобкова и 133-м отрядом Артюха П. И. Наиболее часто взаимодействие сводилось к поставке провианта для партизан. Никита отдавал, что мог: картошку, хлеб, который пекла Анна. Отрывали от себя, дети постоянно хотели есть.

Однажды, по приезду на своей телеге с гнедой лошастью к партизанам, Никита, как и прежде привёз хлеб, картошку. К нему подошёл командир с мужчиной, одетым в военную форму. Никита смекнул, что это советский командир, высокого звания, и говорил он грамотно на русском языке. Заброшенный в партизанский тыл, командир Красной Армии, благодарил Никиту и дал бумагу с печатью, сопроводив её словами: «Дед, после войны тебе по этой бумаге будет награда»...

В один из дней Никита взял с собой Олю, запряг лошадь, и поехали они в Куритичи поменять сено на какую-нибудь еду. Немцы встретили их в лесу и учинили допрос: «Кто такие, куда держите путь?» Никита с лёгкостью вспомнил немецкий язык, объяснил офицеру, что едут из Рудки (Оголицкой Рудни). Немец достал карту и уточнил маршрут: «Не лгут ли?» Рудка – Яблоня – Каминец, и так до Куритичей. Убедившись в правдивости слов Никиты, офицер выписал им пропуск, солдаты проверили штыками всё сено в телеге; отпустили. Никита с дочерью не выдали свою Яблоню. Но, когда пришли назад в лес, то землянки уже сгорели. Каратели сожгли всё дотла. После того, как Никита с Ольгой уехали в Куритичи, Ганна взялась печь хлеб. Вскоре началась облава. Мать сунула Мише документы и велела бежать. Миша с Иваном бросились на утёк. Жалко Ганне было бросать свежий хлеб, пока она его достала, ребят и след простыл. Люди разбегались в разные стороны, свистели пули, горел лес, зем-

лянки. Случилось так, что мать и Броня побежали в противоположную сторону от Миши и Ивана. Мальчишки бежали по лесу изо всех сил. Слышался лай овчарок. Страх гнал ребят, лай всё ближе. Братья чувствовали, что выдохлись. Миша сунул льняной мешочек с документами под пень, чтобы немцы не схватили их с уликами. Братья пробежали ещё немного, попали в какое-то болотце с раскидистыми соснами и елями, залезли на деревья и замерли. Собаки лаяли неистово. Каратели шли цепью. Буквально в нескольких метрах прошли от мальчишек. Долго братья сидели на деревьях. Уже стих лай собак. Стемнело. Мальчишки слезли с деревьев, и не понимали, где они находятся, куда идти. Сели на корточки, прижались друг к другу и тряслись от страха и от холода. Вода в болотных «копытцах» покрылась тонким льдом. (Ноябрь 1943 года). После облавы люди стали возвращаться к своим пепелищам. Крадучись подошли Анна и Броня. Никита стал осматривать землянку: «Где-то надо переночевать». Землянка не обвалилась, все туда забились. Но нарастала тревога: «Где же сыновья?». Никита не выдержал, пошёл искать. Много часов Никита бродил по тёмному ноябрьскому лесу: «Неужели сынков разорвали собаки, или их забрали каратели?» Никита кричал, звал Мишу и Ваню. В какой-то момент в ледяном лесу по-звериному чуткий слух Никиты услышал слабый стон. По звенящей ледяной земле Никита быстро дошёл до места звука. Мальчишки не шелохнулись. Никита стал причитать, схватил их на руки и,

не помня себя, пошёл к Яблоне. Их встретила полу обезумевшая от страха и тревоги мать Ганна. Мальчишек отогрели, но взгляд Миши оставался по-прежнему неподвижным, ужас пронзил всё его тело. Спустя время у Миши спросили: «Где документы?» Неуверенно, заикаясь, Миша рассказал, что сунул мешочек с документами по пень. Когда расцвело, Никита с Мишей пошли по пути бегства искать документы. Ничего не нашли... пропали метрики детей, благодарственное письмо от советского командира. Решили, что овчарки выкопали мешочек, а немцы забрали документы.

Оккупанты отчаянно искали партизан, считали партизанами всё местное население, жгли деревни. В мае 1943 года немцы сожгли Куритичи. По деревне быстро разнеслась весть об облаве. Устына схватила дочь Вольжечку на руки и через люк спустилась в подпол. Мастеровой покойный Пётр ещё, когда строил дом, прокопал подземный ход из подпола за хлев, в огород. Там, в яме, и сидела Устинья с Оленькой. Слышали, как пришли немцы, как искали людей, как выгоняли корову, как трещит горящее дерево, чувствовали, как пахнет гарью. Шум и пожар продолжался несколько часов. К счастью, без малого трёхлетняя Оленька всё время молчала. Потом наступила звенящая тишина. Устинье в страхе безмолвие казалось бесконечным. Она прислушалась: «Кажется кто-то ходит рядом с их подвалом, наступил на крышку, заросшую травой». «Только бы не нашли немцы», – Устинья знала, что в марте в соседнем Людвинове в колхозном хлеве

заживо сожгли 125 жителей. Послышались голоса, разговор двух людей. Устинья прислушалась: «Наши, местные говорят». Односельчане осмотрели пепелище и искали Устинью с дочерью. Устына на свой страх и риск толкнула вверх заросшую травой крышку: «Я тут». После того, как закончилось пожарище (оккупанты сожгли 385 дворов, убили 73 жителя) и ушли фашисты, сельчане, кто остался в живых, стали обходить пепелища и, в первую очередь, искали живых. (Многие в начале облавы смогли убежать в лес). Какова же была радость крестьян увидеть живых и невредимых Устинью и Олю.

Пепелище, некогда красивый дом Петра, ещё дымилось, в центре стояла чёрная труба. Горе перемешивалось с радостью; за спиной слышалось мычание. Это родная коровка сбежала из стада, «из фашистского плена», и пришла домой. Вскоре о сожжённых Куритичах узнала вся округа. Ганна отправила Никиту в Куритичи, откуда Никита привёз дочь и внучку Ганны, и привёл хитрую коровку. Устинья и Оленька вернулись в свою большую семью.

В землянке жили почти год. Но заболели тифом мать и Броня. Знакомые полицаи приказали отцу вести детей (и всю семью) в Косище. Немцы отправили больных мать и Броню в больницу в деревню Новосёлки. Недалеко от Новосёлок – Ванюжичи, где жил двоюродный брат Ганны. Он тайком навещал их в больнице, приносил кое-какую еду, и потом на какое-то время забрал их к себе.

Тем временем старосте Косище немцы приказали отправить детей, в том числе и собственных, на принудительные работы. Староста своих детей спрятал, а схватили Олю, подругу Полю, сестёр Веру и Антолю, и других подростков. Отправили под Куритичи на строительство дороги. Вера и Антоля сбежали раньше, незаметно для остальных. Сильной охраны на строительстве не было, Оля и Поля тоже сбежали в лес, наткнулись на землянку, где с семьёй жил Михаль. Рядом сбежавшие подростки соорудили себе подобие шалаша. В низине из поваленных брёвен сделали пол-настил, сверху

на раскидистые большие ветки набросали мохнатых сосновых веточек, сена. Там встретили 1 Мая 1944 года. Означивали эту дату дракой между мальчишками (они выкручивали друг другу пальцы). Немцы накрыли эту компанию на рассвете. Все ещё спали, а «дежурная» Поля, что-то варила в кипящем котле на костре. Не то с перепуга, не то от отчаянья Поля перевернула котёл с кипятком на себя. Немцы схватили четырёх девчонок, шесть парней. Из них две дочери и два сына Мехалёвых. Поле сделали перевязку. И погнали.

Гнали через село, мимо хат, в стены которых буквально вросли родители подростков. Но никто из детей не повернул головы, не выдал своих... Загнали подростков в Людвинов.

Были допросы, требовали сказать, где партизаны. Но дети ничего не знали. Двое суток они пробыли в Людвинове. Ночью погрузили в машины и повезли в Новосёлки. Через Новосёлки проходила железная дорога. Пункт прибытия – Бобруйск. Довезли до Старушек, а дальше дорога была заминирована. Вагоны с пленными отогнали в Новосёлки в распоряжение карательного отряда.

Тринадцатилетнюю Ольгу вместе со всеми бросили в подвал. Вши бегали по её тельцу на перегонки, не было от них спасения. Допросы проводились два раза в сутки, пытали сведения о партизанах, сильно били. Ничего девчонки не знали о партизанах. Своя боль отходила на второй план, когда детские глаза видели, как бросали в подвал после допросов подпольщиков. Ольге запомнилась девушка, которую привезли из Могилёвской области. Пытали её страшно. Молодая подпольщица повесилась на собственном лифчике. Пленных опять погрузили в вагоны, отправили в Бобруйск. Кормили один раз в сутки: конский суп и сто граммов хлеба. В лагере для пленных в районе Бобруйска Ольге исполнилось 14 лет, но она и не думала об этой дате. Подругу Полю расстреляли в Бобруйске...

Приблизительно 21 июня 1944 года пленных погнали в направлении Минска. Начались бомбёжки, наступали Советские войска. Пленных гнали колонной, по 5 человек в шеренге. Знакомые девчонки (Ольга, Лида и ещё одна Ольга) держались вместе; смекнули, куда исчезают люди из послед-

ней шеренги. Их, как немощных расстреливали у обочины. Во время стоянок (примерно 30 минут) девчонки не отдыхали, а шли вдоль колонны, чтобы не быть последними. К некоторым пленным, среди них были и мужчины, и женщины подходили фашисты, тыкали дулом автомата под рёбра – это был знак на выход из колонны. Куда исчезали эти люди никто не знал. (Или их заставляли толкать немецкие обозы, или отводили за пригорок и расстреливали). Советские лётчики бомбили «аккуратно»: немецкую пехоту, немецкие обозы, немецкие машины. Во время налётов пленные пытались сбежать. При переходе через реку по мосту Ольга видела, как мужчины прыгали в воду. Может кто-то спасся, а кого-то настигла пулемётная очередь.

Через несколько суток колонна пленных и отступающих фашистов вошла в Марьину Горку. Пленным раздали лопаты и приказали копать ямы-окопы на десять человек. Ночью во время бомбёжки пленные по десять человек стояли в ямах. Земля тряслась, шевелилась. Кто выжил, а кто погиб. Танки, артиллерия, пехота – всё прошло через них. В ночь на 3 июля Красная Армия освободила Марьину Горку и всех пленных. После жуткой бомбёжки ночью, ужаса, пережитого в яме, девчонки огляделись, увидели необыкновенной красоты дом с колоннами, аллеи. Решили, что это старый панский дом. Русские солдаты обнимались с ними, в накидках, чёрные от грязи и копоти, одни только белые зубы виднелись. Своих убитых солдат русские тут же собирали и хоро-

нили; собирали немецкие трофеи: оружие, сапоги с немцев. Русские военные приказали накормить пленных. Ольга отметила, что дома, где их кормили были целыми и еда была у людей. Изголодавшихся пленных накормили. Что тут началось! Кто ж знал, что после длительного голода надо начинать есть понемногу. У большинства пленных случился «заворот желудка»: боли, рвота. Отмучались. 3 дня были в Марьиной Горке. Фронт покатился дальше. Освобождённых пленных на машинах советские солдаты отправили в Бобруйск. Там, в особом отделе, им выдали документы, свидетельствующие о том, что они были в плену, и наказали беречь эту бумагу. Военные сказали, что дальше добираться пешком и идти только по железной дороге, так как обочины заминированы.

Идти было тяжело, практически невозможно. Жара. Все дороги, казалось, завалены трупами немецкими. Смерд стоял невозможный, девочки платками пытались закрыть лица. Через несколько суток пути воздух стал чище (осталась позади операция «Багратион»).

Шли по шпалам. Хотели есть. Как назло, справа и слева такие большие ягоды черники, земляники висели на кустиках. Одна из подружек зацепила растяжку, крикнула, все успели упасть на землю. Осколки никого не задели. Страх охватил детей, больше по сторонам не смотрели. Пару раз слышали в звенящем летнем зное далёкие взрывы. Леденели детские души: «Неужели кто-то подорвался на mine?»

Истерзанные, голодные они вернулись... 12 июля 1944 года
Ольга вернулась в Косище.

Первые послевоенные.

Когда измождённая Ольга после немецкого плена вернулась домой, особой радости никто не испытал, потому что другая беда пришла в дом. Мать Анна слегла от непонятных болей в животе. Мишка считал, что мать ранили немцы. Ольга жалела мать, хваталась за любую работу. Никите было страшно остаться без хозяйки. Прослышал, что в Петрикове есть врач. Ранним летним утром 1944 года запряг лошадку, в телегу перенёс свою Ганну, и пошли тихим шагом в Петриков. Врач осмотрел Анну и развёл руками: «Нужна операция, но никакого инструмента нет». Никита привёз Анну домой умирать. Устинья, проходя мимо «ложка», на котором лежала Ганна, кривилась и с досадой вскрикивала: «Что вы жмётесь к ней. Она скоро умрёт». Мать руками прижимала к себе головы Ольги и Брони: «Как же вы будите жить без меня, доченьки?» Ольга плакала, уткнувшись в плечо матери.

Воскресенье, 12 ноября, потемнело уже днём. Односельчане ходили в гости, согревались «чем Бог послал», из некоторых хат слышалось пение... Отмечали, вспоминали Параскеву-Пятницу, бабью заступницу.

Никита нанялся сторожить колхозную ферму. Ольга со двора забежала взглянуть на мать, и поняла..., всё внутри оборвалось. Мама не дышала. Ноги заплетались, но Ольга бежала по деревне к отцу, обидно и горько было слышать ве-

сёлые голоса из хат. Анну Фёдоровну похоронили 13 ноября 1944 года на кладбище близ деревни Сотнич. (При Косище погоста не было)...

Никита, недолго думая, позвал себе хозяйкой одинокую женщину. Детям она не понравилась. Ольга считала, что чужая баба готовит невкусно, Мишу возмущало не только присутствие посторонней тётки, но и подчинение её указаниям: «Ещё чего... Не буду её слушаться», – злился Мишка. Отец пытался вразумить сыновей: «Она и приготовит, и постирает». «Больно надо. Мне и Ольга постирает», – категорически отвечал, сжав зубы, Миша. Ивану было всё равно: дурачился, бегал, некого не слушал.

Мальчишек определили в школу. В Косище в начальную школу приходила учительница из Бабуничей. Миша был переростком, учёба ему давалась с большим трудом. На «девок» взвалили домашнее хозяйство. Ольге было стыдно ходить во второй класс, четырнадцать – пятнадцать лет – иди работать. Никите было уже много лет, в Советскую Армию его не призвали, за помощь партизанам ничего не дали. Дети были при нём.

По Косищам и окрестным деревням бродили полные сироты. Одним из таких был Володя. Мать его убили в начале войны. Зашёл как-то в хату, а у Ольги в печи целый чугунок картошки вариться. Бедный ребёнок попросил картошечку. Мишка вспылил: «Чего ты здесь ходишь? Картошку я и сам съем!» Ольга выхватила из чугуна картошку и вынесла Володе; жалко ей было мальчонку. Потом Володю через сельсовет отправили в детский дом. Он приезжал на каникулах в Косище. Был одет в брюки, рубашку и ботинки... У Миши от зависти перехватывало дыхание: «Мне бы ботинки. Видать в детском доме не так и плохо. А я в лаптях в школу хожу и овец пасу». (Сирота Володя прожил долгую жизнь в деревне Бабуничи. Создал хорошую семью. Добросовестно работал в колхозе, слыл человеком спокойным, серьёзным, добрым. Умер в двухтысячные годы.)

Никита только и думал: «Как жить? На что растить детей?»

Возвращались угнанные в немецкий плен односельчане. Кто-то из них работал в сёлах, кто-то на заводах, кто-то изголодавшийся пришёл к родному порогу, а кто-то привёз с собой шубы. Рассказывали, что в Западной Белоруссии деревни не жгли, людей не уничтожали. Крестьяне и горожане живут сытно, есть коровы; многие строятся... Никита вместе с кумом взяли сохранившуюся пилу и для начала отправились на заработки в Давид-Городок. Работы было много, ходили и по окрестным деревням. Из первой поездки Никита привёз мешки зерна и муки. Тяжело было с детьми управляться, а ещё Устинья не хотела работать на большую семью, постоянно ругалась с Никитой. В результате этой «войны», Никита построил в конце улицы маленькую хатку, где Устинья поселилась с дочерью Оленькой. Но дорогу к отчиму она не забыла. Забежала как-то в сени, а там почти полный мешок муки стоит, схватила Устинья его и «попёрла». Дорогу преградил Никита, грубо потребовал поставить мешок на место. Устына кричала и оскорбляла Никиту, но главный аргумент заключался в том, что ей нечем кормить ребёнка. Никита выгнал воровку, думающую только о себе... Закон дикой природы: укради, но не голодай. Никита сам чужого не брал, и детей воспитывал в труде и ответственности: «терпение и труд – всё перетрут». Дочь Ольга была особенно трудолюбивой и доброй, могла дать кусок хлеба нуждающемуся. Из очередной поездки «в заработки в Западную» Никита привёл в дом корову! Вот когда дети стали есть, но сытыми

никогда не были. Мише не хватало внимания, он ревновал всех взрослых и старших к Ивану, видел, что его жалеют как самого младшего, а Мишкой понукали, то одно иди делать, то другое, то корову паси... Работа всегда находилась.

Ольга неоднократно ездила на заработки в Кобрин, вместе с подругой. Девушки долго не могли найти работу, а голод не тётка... Днём увидели, как в одном из дворов хозяйка повесила головку сыра стекать и сушиться. Ольга терпела голод, а подружка срезала головку. Ели вместе... «Господи прости». Работу Ольга нашла. Была ловкая, умелая, быстрая, всю работу по хозяйству знала и умела делать лучше некоторых хозяек. Заприметил её соседский парень. Подходил к Ольге, пытался заговорить, расположить к себе. Но молоденькая девушка не общалась с чужаками, не общалась с парнями на чужбине, да и не влюблялась. Как-то поздним вечером к Ольге подошла встревоженная хозяйка: «Собирайся, девка, и езжай домой». Дальше поведала подслушанный разговор соседей. Те соседи были пришлыми на заработки или бежавшими от войны людьми. Утром следующего дня они собирались переезжать не то в Польшу, не то на границу с Польшей, не то на Украину. А Ольгу хотели украсть и увезти с собой. Ольга сбежала... (А может зря? Дома тоже был тяжёлый рабский труд). В следующую поездку Ольга нашла семью, которая её приютила. Сложно назвать трёх малолетних детей семьёй. Родители их умерли, а дом и хозяйство были хорошими. Днём Ольга ходила подрабатывать к

другим хозяевам, а уж утром и вечером хлопотала по хозяйству для детей: и за коровой ухаживала, и доила, и еду вкусную готовила; полюбила их как родных. Оля вечерами вязала красивые кружевные скатерти. Отбоя от заказов не было, и платили местные хозяйки хорошо. Целую зиму Оля прожила вместе с детьми. Её нашла сестра Броня: «Чего ты здесь сидишь?! Дома – дети (братья), батька. Работы невпроворот».

Ещё осенью Броня рассуждала о замужестве: «Матери у нас нет. Кто возьмёт нас замуж?» Пыталась найти поддержку и отклик в душе у молоденькой Ольги. А сама Броня рассуждала о своей жизни про себя, не посвящая в подробности других. С Пашкой у Брони была взаимная симпатия. Но Павла как призвали в Красную Армию в 1944 году, так уже прошло почти два года: и война закончилась, и Победа пришла, а о нём ни слуха, ни духа: «Наверное, погиб».

Зато с войны вернулся сосед Григорий; взрослый мужчина, с 1914 года рождения; высокий стройный, каштановые волосы зачёсывал назад, подчёркивая симметричные залысины на высоком лбу; взгляд блестящих карих, почти чёрных глаз пронимал девчонок до самого сердца. А придёт на деревенские танцы в гимнастёрке с медалями, в блестящих сапогах, да как выйдет танцевать полечку, так от этой красоты спасения никому не было.

***

Григория Ефимовича Полторана призвали в Красную Армию ещё до начала Отечественной войны. Успел принять

участие в зимней финской войне. Служил срочную службу связистом, протягивал телефонный кабель, бегая с катушкой. Зима, болотистая земля промёрзла и звенела под ногами как камень. В тот морозный день тянул кабель по полю и на его пути возник большой сарай. Обойти сарай связисту было сложно, могло не хватить кабеля. Григорий открыл ворота и от увиденного потерял сознание. Сарай доверху был набит голыми телами мужчин, русскими (советскими) солдатами. Они погибли или были расстреляны финнами, но в мёрзлой земле их никто не хоронил. Великую отечественную войну Григорий окончил в Австрии. Когда советские войска заняли маленький австрийский городок, вино текло рекой по улицам из разбитых бочек. К целым бочкам бежали солдаты с котелками, флягами. Григорий тоже устремился к одной из бочек, но его окликнули и приказали явиться к командиру. Григорий так и не попробовал вино. Очень многие солдаты, которые пробовали вино, умерли. Вино было отравлено. Воротясь домой, Григорий не раз говорил, что он «родился в рубашке», считал себя везунчиком.

***

Глянулась Григорию соседка Броня, миниатюрная, молоденькая, шустрая и дерзкая. Проходу он ей не давал. Не любил Никита Певней, как называли по-деревенски семью Григория. (Наверное, называли Петухами за сублищность, высокий рост, длинные шеи, цепкие взгляды и бойкие характеры). Броня или влюбилась в Григория, или замуж хотела

выйти, или не могла отвергнуть повышенное внимание, или боялась остаться в девках, но для себя решила, если зовёт Григорий замуж, надо идти. Никому ничего не говорила, но Ольгу с Западной Белоруссии пригнала домой. В свои планы даже намёком не посвятила отца Никиту.

10 февраля 1946 года – первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР, «Всенародный праздник!» Своим правом голосовать воспользовалась и Броня. Поехала вместе с молодёжью Косиц в Бабуничский сельский Совет голосовать. Проголосовала... Заодно празднично расписались

Григорий и Бронислава. По возвращению домой Броня объявила отцу, что вышла замуж за Григория. Отец кричал, возмущался, а после ухода Брони долго плакал, очень сильно не хотел, чтобы его дочь ушла жить, породнилась с родом Певней.

Не вернулся с войны Фёдор. Ничего о нём неизвестно. Никита писал лично в Управление по учёту потерь. А в ответ – тишина.

Все заботы, вся домашняя работа легла на плечи Ольги: и корова, и свиньи, и куры, огород, хата. Она была настолько умелой и работающей, что успевала и в колхозе поработать за трудодни, за «палочки» в ведомости бригадира, и приготовить еду, и постирать. Пока братья учили уроки, Ольга готовила ужин и быстрее Миши запоминала стихи. Мише учёба не давалась, а Иван учился легко. Никита тоже много работал: заготавливал сено, пахал, сеял, занимался бортничеством. Сам делал колоды и подвешивал их в лесу, собирал мёд. С ведром мёда Ольгу и Мишу отправлял в Петриков на рынок. Дети выходили затемно, шли пешком, надрываясь несли ведро мёда. На рынке продавали стакан мёда за пять копеек. И за такую цену редко кто покупал мёд. Несли ведро с мёдом назад.

Ушлые люди посоветовали Никите обратиться в сельсовет за помощью, дескать твой сын Фёдор погиб, семье полагается помощь. Было Постановление Совета Народных Комиссаров СССР №2436 от 21 сентября 1945 года «О меро-

приятнях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидов Отечественной войны и семьям военнослужащих». Никита был отчимом, но вырастил и воспитал Фёдора. Помощь распределялась на детей. Все детские метрики были потеряны. Чтобы дольше получать помощь, Никита при получении новых документов на детей убавил им годы. Мише дату рождения записали 1 октября 1935 года, Ольге 1 января 1929 года. Никиту освободили от налогов и давали крупу, даже одежду и ботинки Ивану и Мише. В средние классы Миша и Иван ходили в школу в Бабуничи. Уже стала школьницей Оленька, дочь Устиньи. Зачастую Миша носил на спине племянницу в школу. Устинья сошлась с Иосифом. Иосиф был партизаном, левая рука прострелена в локте, носил протез. С первой женой разошёлся, оставил сына и полдома жене. Был бригадиром в колхозе.

В середине июля 1947 года Бронислава родила дочь Валентину. Григорий стал строиться. Для новой усадьбы выбрали место в начале улицы, недалеко от родового, уже опустевшего (остались только яблони) хутора. У Брони и Григория родился сын Коля. Броня без помощи родных жить не могла. Григорий требовал от Брони быть расторопной в большом хозяйстве. И, конечно, за помощью обращалась к сестре Оле. Оля была для детей мамкой-нянькой. Кормила и из ложечки, и из соски, и хлеб жевала, и по старой традиции завязывала его в льняную тряпицу и давала сосать Коле. Коля родился в августе, наверное, 1950 года. 22 марта 1953

года родилась дочь Светлана!

Весной Никита брал ружьё и ходил в лес на токовище глухарей. Там у него был заранее подготовленный шалаш, откуда он наблюдал и стрелял по глухарям. Приносил по 5-6 штук за раз. К Филлиповому Посту ловил на канаве и коптил угрей-выюнов. Жирные были, за что особенно ценились крестьянскими желудками. Целыми кадками заготавливал угрей.

Никита, как и прежде, не вступал в колхоз, соблюдал Веру, детей приучал к Вере. Ольга с подружкой почти каждую субботу ходила в Петриков на исповедь. Службы проводи-

лись в старой деревянной церкви Покрова Пресвятой Богородицы и в церкви Святителя Николая. На церковную службу в Петриков и обратно ходили после трудовой недели в своём хозяйстве и в полевой бригаде в колхозе за «палочку» – трудовень. Даже не за трудовень, потому что Ольга была ещё малолетним работником и по закону не должна работать. А в реальности – «работать всем, спасать колхозный урожай». На собраниях Ольгу хвалили, но ничего не платили. Но ей нравилась похвала. Умудрялись ходить по воскресеньям вечером на танцы в Сотничи. Не долго танцы продолжались для Ольги. Как-то в хату, где собиралась молодёжь на Вечёрки, заглянул местный мужик. (Местным, как считали подружки, он стал недавно: говорил по-русски, значит из России). Мужчина заметил девушек в церкви на причастии, и был возмущён, увидев их на танцах: «После причастия можно делать всё, что полезно для спасения души. Нельзя проводить день в праздности. Нужно помнить, что «всё мне позволено, но не всё полезно». Девушек в мановенье ока сдуло с танцев.

***

7 июля 1949 года с грифом «Секретно» Петриковским райвоенкомом майором Мартыненко был подписан «Именной список военнослужащих рядового и сержантского состава, погибшего, пропавшего без вести в период отечественной войны по Петриковскому району Полесской области», где напротив записи «1. Клевцов Фёдор Васильевич» было

напечатано: «Нет известий с 1941 года».

У Миши была своя жизнь. Учился плохо. Стихи запоминать, но долго их талдычил. Из математики хорошо помнил привычный голос учителя: «Садись, кол». Зато руки были золотые: и стругал, и колол, и даже коньки (полозья) из дерева выпилил, пытался кататься на замёрзшей канаве. С горем пополам окончил 7 классов. И с ребятами из своего класса поехал ни в какой-то там Гомель («Что там делать?»), а в Минск. Поступил в ФЗО, учился работать на токарных и слесарных станках. Нравилось. Но уставал физически очень сильно. Минский тракторный завод строился, выпускал первые гусеничные тракторы. Одновременно строился посёлок тракторного завода. Труд был каторжный, но ради квартиры люди продолжали работать. Курили все, и знакомые Миши тоже. Миша пробовал вместе со всеми. Но после первой же папиросы ему стало плохо, возникло стойкое отвращение к табаку, папиросам и сигаретам.

Ориентировался в обществе слабо, хотя задатки лидера были. А ещё точнее сказать: руководить не мог, но и над собой давление терпеть не очень-то хотел. Хватит, что им сёстры в деревне понукали. Унижало, когда его с друзьями на улицах Минска называли «деревней». Как ему хотелось быть городским! В это понятие он вкладывал аккуратность, чистоту, отглаженный костюм, начищенные до блеска ботинки, модную стрижку с зачёсанными назад волосами, образование, грамотность и умение говорить на русском языке.

Иван – умный, сообразительный и бесшабашный. Учился легко и на «отлично», внешне копия Никита: высокий, худощавый, с копной светло-русых волос, разделённых по центру головы прямым пробором, с подвижной мимикой. Он был похож на Леля. Многих девчонок в Бабуничах и окрестностях одаривал своим вниманием. Относительно длинные волосы ученика десятого класса не соответствовали образу советского ученика. Три учительницы, вооружившись ножницами, закрылись в классе с Иваном; пытались его поймать и остричь. Но не тут-то было. Иван перепрыгивал с парты на парту и сбежал из школы. По-деревенски Ивана и Мишу звали Ольгиными, отца Никиту никто не вспоминал. После школы Иван поступил в Пинск в техникум, наверное, в гидромелиоративный Министерства мелиорации БССР.

Никита понимал, что дети выросли. Особенно его волновала Ольга – 24 года, молчит, а, наверное, замуж хочет. Пар-

ней после войны было мало. Тех, кто жив остался, в период с 1946 года по 1948 год призывали не в армию, а направляли на восстановительные работы на шахты, стройки.

Широкие проводы в армию были в Бабуничах: столы ложились от яств, гармошки, песни, танцы. С одним из парней Ольга договорилась переписываться. Среди хлопцев, уходивших в армию, был Пётр Примак. Все знали его трагично-романтическую историю. Ещё подростком ушёл в партизаны, но в отряд Болотникова не попал, хотя Болотников-Глушко был его родным дядей, братом его матери Анны. Пётр на родственника-командира обиделся. Остался в отряде местных партизан. В отряде была девушка, помогала партизанам всем: готовила, стирала – обеспечивала быт партизан. И случилась между этой девушкой и Петром первая страстная любовь. Но война жестока. Петра свалила простуда. Приютили его в одном из домов Петрикова. Немцы карательного отряда подняли парня в бредовом состоянии с печи и по снегу и зимнему холоду погнали к вагонам – а дальше в Германию. Лагерь пленных находился на западе Германии. Пётр оклемался. Свою настоящую фамилию утаил, назвался Новиком. Освободили пленных американцы. Немало времени прошло пока американцы-союзники передали пленных советской стороне. Пётр успел запомнить несколько английских слов, самое главное – «Ок». Вернулись ребята из плена в родную деревню, а любимая девушка Петра пропала. И надо такому случиться, что именно в день проводов в армию,

в Бабуничи вернулась та самая девушка. Пришла к Петру, но он отверг её, закатил сцену ревности и учинил допрос на предмет её отсутствия в Бабуничах в течение нескольких лет. Не стал слушать её оправданий, выводы сделал сам: была не верна мне. Девушка просила его вспомнить их взаимную сильную любовь и пожениться. Но мужская гордость победила. Пётр отверг её, и ушёл, как он думал, в армию. А попал на Донбасс, и стал трудиться шахтёром. Тяжёл шахтёрский труд: пыль, грязь, постоянная нехватка воздуха, риск обвалов и тяжёлый молот в руках. Но работали по сменам, жили в общежитии. Было время и для отдыха, и для новой любви. Влюбился Пётр в дочь бригадира. Они даже пару лет жили вместе. В том же донбасском посёлке жила сестра Петра – Виктория. Не просто жила, а приехала туда за своим мужем, бабуничским парнем Михаилом (Бардыга). На Донбассе родился их первенец, названный в честь брата Виктории Петром. Дочь бригадира ушла от Петра, детей у них не было. В то же время мать Петра и Виктории стала писать слёзно-приказные письма. В её понимании жизнь на чужбине не могла быть хорошей, только рядом с ней, в Бабуничах, все будут сыты и довольны, и ей «на старости лет стакан воды подадут». Муж то её, «отец ваш», не вернулся из немецкого плена. Хату новую поставили, «рабі і живі». Вернулись в родную вёску и Виктория с семьёй, и Пётр. В послевоенной деревне работа нашлась всем: Пётр – в трактористы, Виктя на ферму выхаживать телят. Младший брат Иван женился и

переселился в деревню Куритичи. Мать Анна стала пилить Петра по поводу женитьбы, требовала, чтобы он нашёл себе «жонку». Девушек в округе было много. Пётр вылавливал девушек на «вечёрках», знакомился и сразу предлагал выйти за него замуж. Трёх или четырёх предложил, но они не позарились на перспективу стать невестками Колосинка. (Мать Петра так называли с раннего детства, когда, будучи ещё очень маленькой девочкой, она ходила по убранным полям и искала упавшие колоски, приговаривая: «Мне бы только колосок»). Пётр стал «осваивать» окрестные деревни. В один из осенних дней, возможно на Покров, он с парнями шёл по улице Косищ, заметил во дворе ладную девушку и деда. Во двор вошёл невысокий парень, худой, с прямым заострённым носом, серо-голубыми глазами на выкате. Снял фуражку – почти лысый, только на затылке полоса из кудрявых золотисто-рыжих волос. Представился, разъяснил чей он сын, объяснил цель своего визита, познакомился с Ольгой. Дед Никита снисходительно-равнодушно посмотрел на Олю: «Если хочешь – выходи». (Парень, которому Ольга писала письма в армию, давно вернулся из армии, но решил погулять и догулялся... Его женили силой на опозоренной девушке). Ольга, конечно, хотела замуж. Ей до двадцати четырёх лет надоело жить с деспотичным и суровым отцом, хотелось своё селище (да ещё в больших Бабуничах!), минимум четверых детей... Она дала согласие. В приданное дед Никита отдал дочери корову, и, как полагается, всё, что на-

ткала и вышила сама Оля. Свадьбу сыграли в начале Филипова Поста (возможно, 29 ноября) в 1952 году.

Никиту все уже называли Дедом, и жил он один.

У Миши не складывалась работа в цехах тракторного завода. Попала как-то металлическая стружка в глаз Михаилу: кровь, боль, страх перед слепотой. Но всё обошлось, металл попал в склеру (белок по-народному полесскому), поболело, поболело, да и зажило. Но в скором времени – новая напасть на Михаила. Заболел: температура, кашель. Где лечиться? Не в больницу же идти. Махнул на всё рукой, и поехал домой в Косище, отлёживаться на печи. Всю зиму болел: и лихорадило его, и спал сутками, и впадал в беспамятство, не ел, не пил. Ольга поила его тёплым молоком с мёдом, но пневмония долго не отступала. К весне выздоровел, поправился и потихоньку окреп. Вернулся аппетит. Пока болел в Белоруссии произошли административные изменения. С 08.01.1954 года город Петриков стал районным административным центром Гомельской области, название «Полеская область» ушло в небытие. И осенью 1954 года Михаилу пришла повестка из Петриковского районного военного комиссариата (райвоенкомат).

1954 год. Армия...

Героическая Армия – победительница. Мальчишка, как и все люди, уважал и восторгался героями-освободителями и понимал службу в Советской Армии как почётную обязанность. Прошёл медицинскую комиссию – абсолютно здоров. Мише порой так хотелось есть, что ему казалось, что он в состоянии «переваривать гвозди».

А дальше всё, как во сне. Бритоголовые, молчаливые, замкнутые ровесники. Детей войны призвали в армию. Поезд в ночи, потом пересадки. Вокруг незнакомые люди, немолодой офицер, которому безоговорочно подчинялись все. Между тем поезд ехал на юг. Ноябрь снега нет. Бескрайние чёрные поля. Место прибытия. Дождь, серо, сыро, грязно. Солдатская форма: трусы, майка, брюки галифе (!), гимнастёрка (!) и ... кирзовые сапоги! Добротная одежда! Не знал солдат, что у него в армии будет ещё много необычной одежды, и не только одежды.

352-й гвардейский стрелковый парашютно-десантный ордена Александра Невского полк 107-й гвардейской воздушно-десантной Первомайской Краснознамённой ордена Суворова дивизии.

Дислокация: г.Никополь Днепропетровской области, УС-СР. Утро неизменно начиналось с пробежки. Независимо от того, какая погода на улице: жара, дождь, метель – бежать на-

до всё равно. И началось: кроссы, подтягивания, отжимания; и «три темы»: 1. Материальная часть; 2. Укладка парашютов; 3. Наземная обработка элементов прыжка. Круг подготовки (предпрыжковая укладка, вышка, вращающееся колесо) не замыкался, было много других «знаний» – портянки наматывать, воротнички подшивать. А с вышки каждый должен совершить пять прыжков. Перед первым прыжком купол укладывали целый день, потом два, два с половиной часа, потом – норматив на укладку сорок пять минут. Наступило 16 января 1955 года. Михаил, в числе сотен других однополчан, торжественно произнёс: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну...». В военном билете появилась запись: «Военную присягу принял, 16 января 1955 год при войсковой части 71229. Воинское звание –разведчик».

С весны и до осени полк в полном составе находился в летних лагерях под Кривым Рогом (где в этот период находилась вся дивизия), в каждом батальоне – разведвзвод. Ещё в послевоенном 1948 году на вооружение принят парашют ПД-47. Купол, изготовленный из перкаля, имел квадратную форму площадью 71,8 квадратных метра; вес парашюта – 16 килограммов. Некогда было рассматривать в небе удаляющиеся самолёты Ли-2 или Ил-14. Страх от прыжка оставался где-то там вверху или в пятках, или в сердце. «В момент отделения от борта (прыжка) захватывает дыхание от вида, который открывается перед тобой, а три секунды свободного падения кажутся бесконечными. Вокруг тишина, поток воздуха подхватывает тебя и начинает вращать...».

Запасной парашют впереди. А за спиной главное – РД-54, рюкзак десантника образца 1954 года, советский десантный рюкзак, «предназначенный для размещения и транспортировки предметов боевой выкладки парашютистов-десантников как во время высадки парашютно-посадочным способом, так и в условиях боевого столкновения». Основным назначением рюкзака РД-54 являлось размещение в нём носимого боекомплекта, взрывчатки, индивидуальных средств химической защиты, небольшого запаса продовольствия (у Михаила были сухари), походного котелка с ложкой и туалетных принадлежностей десантника, чехол для пехотной лопатки, сумки для двух ручных гранат, сумки для двух автоматных магазинов.

При подгонке рюкзака к прыжку максимально увеличивали длину плечевых ремней, чтобы при его надевании ранец оказывался на уровне ягодиц. Основной парашют одевался после РД-54 и занимал место на спине выше ранца. После приземления десантник освобождался от ремней подвесной системы парашюта, укорачивал под свой рост длину плечевых ремней и приводил его к походному положению (ранец на лопатках). Мало удачно приземлиться, впереди – выполнение боевой задачи, причём разведзвод, и Михаил в том числе, должны быть впереди всех... «Бегом марш!» по пересечённой местности. Бежали долго. Утренний чай болтался в желудке (кормили плохо). Сержант даёт команду: «Остановиться и ждать остальных десантников». Разведзвод падал лицом в горячую чёрную пыль, на гимнастёрках проступали белые круги солёного пота. Через пять минут подъём: «Бегом марш!». Далеко не все хотели служить с риском для жизни. Ещё в первые месяцы службы некоторые парни, понимая, что не преодолеют страх перед прыжком с парашютом, прыгали с возвышенностей и ломали ноги. После госпиталя такие солдаты, конечно, отправлялись в другие части дослуживать. А были действительно страшные трагические случаи. Михаила трясло от увиденного, от ужаса смерти, когда на его глазах разбился однополчанин «в лепёшку». ЧП в дивизии. В памяти Михаила осталась леденящая душу картина: барахтающийся в небе, запутавшийся в стропах «му-

равей»-человек. Никакой надежды. И нет парня...

Жизнь в боевом коллективе заставляла быть серьёзным, дисциплинированным, внимательным, аккуратным, быть одним из лучших десантников. Неоднократно посещал дивизию в летних лагерях под Кривым Рогом и в полку в Никополе командующий ВДВ генерал-лейтенант Маргелов В.Ф. Михаил с глубочайшим уважением относился к герою Советского Союза, почти земляку (родители Маргелова В.Ф. – белорусы) Маргелову В.Д. и к Министру обороны СССР маршалу Жукову Г.К. Именно фамилия Жукова была на слуху у белорусов. Жуков координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов в ходе проведения операции «Багратион». (В ходе операции «Багратион» из плена была освобождена сестра Ольга. А ещё Миша помнил, как в течение нескольких суток стрельба южнее родного Косища. Правильно предполагал отец Никита – фронт (1-й Белорусский, операция «Багратион») проходил через деревню Хусное. В полях не осталось живого места, погибло 866 советских солдат и партизан).

Почти год отслужил Михаил в степях Украины. «Командировка?» Обычная полевая форма и новые красные погоны, которые стали называть в 1954 году повседневно-полевыми. Едут с пересадками, как тогда Мише казалось, через всю Россию, «наверное в Сибирь, может в Новосибирскую область, где живут родственники по матери?». Проехали синюю Волгу, красную Каму, Уральские горы. «Стоп. Вы-

гружайся. Стройся.» Урал. Ноябрь 1955 года. Снег. Мороз. «Прибыли для заготовки леса для Киевского военного округа». К тому времени леса Украины нельзя было назвать лесами. За несколько сот лет их основательно вырубали. Осталась полоса Чёрного леса. Но Армия нуждалась в топливе. Угля в Донбассе добывали недостаточно, чтобы помимо металлургии, использовать уголь для отопления ещё Армии.

Новое место службы парня из Белоруссии – уральская тайга, лесоповал. Что лучше: парашютные прыжки с крос-

сами с полной боевой выкладкой или рубка леса в снегу по пояс в 30-40-градусный мороз. (Командование на Михаила возлагало большие надежды как на слесаря, как на плотника, ему было поручено сколачивать плоты). Часть бревенчатых барачков уже построена, другие достраивали сами. Кирзовые сапоги на раскатанной лесовозами промёрзшей заснеженной дороге звенели, как стекло. Выдавали телогрейки, шапки-ушанки, и даже рукавицы и валенки. От работы солдаты разогревались, никто не отлынивал. Бытовые условия были не хуже, чем в Никополе; и всё-таки каждый день «не надо рисковать жизнью». Уставали страшно, но были и увольнения, и дежурства дневальными. Успевали оценить красоту и суровость скалистых берегов Туры, вековых елей, нелюдимость местных жителей. Приходилось и паромы строить, и мосты. Совсем другая природа, о Полесье напоминали кустики черники и брусники. А ещё в этой таёжной глуши ниже по течению Туры, за деревней Глазуновкой, жили девчонки. Совсем не похожи на своих деревенских: городские, интеллигентные, образованные. В Глазуновке в клубе устраивали танцы. Настоящие танцы, не деревенские вечёрки. Танцевали вальс, падеспань. Это вам не белорусская полечка-трясуха. Миша, как большинство десантников-лесорубов, танцевать не умел, оттаптывал девушкам ноги. Девушки шутили над ними, больше всего доставалось солдату по фамилии Кисель. Но он был весёлым балагуром. Белорусский язык удивлял русских девушек, не похож даже на

уральский?! Несколько километров по таёжной дороге стояли танцев (общения с девушками) в избе-клубе деревни Глазуновка. Глянулась Мише одна девушка: невысокого, подходящего, роста, худенькая, стройная, двигалась легко, как бабочка. Приятно было на неё смотреть: две толстые чёрные косы опускались ниже пояса, лицо чистое, без веснушек (не то, что в Петриковском районе – половина девушек рябых). Но самым главным был взгляд: Миша утонул в этих чёрных, немного испуганных, огромных, обрамлённых пушистыми длинными ресницами, глазах. Ничего красивее он не видел. Взгляд проник в самую душу, и, как говорил Миша, «задел за живое». Тёплые, доселе не известные чувства охватывали Михаила, хотелось заботиться, беречь «чёрненького пугливого оленёнка».

Как-то назначили Михаила дежурным (дневальным) по казарме в субботу – день танцев в Глазуновке. Все солдаты ушли. Мишу от зависти и, не побоимся этого слова, страсти разрывало на части. Честь, долг... «Не военный объект охраняем...», – куда-то улетучились долг и ответственность. Миша быстро дошёл до Глазуновки, влетел в танцевальный зал. И «О, ужас!», в дверном проёме мелькнула военная форма командира. Настал момент проявить себя, вот, когда Михаилу пригодилась натренированность в марш-бросках в разведвзводе.

По морозному, обледеневшему таёжному тракту Миша прибежал в казарму быстрее, чем командир приехал на УА-Зике: «Рядовой, я вас видел в клубе в Глазуновке». «Никак нет», – пульс ещё сильно стучал в висках Михаила. Командир был немало удивлён...

В конце ноября солдаты-краснопогонники (как их называли воспитатели детского дома, не подозревая, что их знакомые солдаты принадлежали к элите Советской Армии – Воздушно-десантным войскам, рисковали жизнью при вы-

полнении боевой задачи, и ежеминутно помнили призыв генерал-майора Маргелова В.Ф. «Никто кроме нас!») покинули «уральскую военную точку». Опять по заснеженной холодной России вёз поезд Михаила в далёкую, так не похожую на Урал, Украину. Миша уткнулся лицом в стенку верхней полки, и в полудрёме вспоминал и лесоповал, и горы, и ровистую Туру, в которой чуть не утонул, и паромы, и мосты, и порхающую Бабочку или Оленёнка с чёрными глазами.

Слёзы увлажнили ресницы бойца; никого и никогда он так сильно не любил, даже мать. Стало жалко всех и сразу: и мать, и Тасю, и себя.

Начало декабря 1956 года. Отряд «лесорубов» из мирной, почти гражданской жизни окунулся в боевую. Полк был в боевой готовности. Ещё 1 ноября 1956 года с территории Украины 114-й и 381-й гвардейские воздушно-десантные полки 31-ой Новоград-Волынской дивизии приземлились на аэродромах Венгрии и участвовали в подавлении Венгерского восстания. 107-я гвардейская воздушно-десантная дивизия успешно тренировалась. Позже в Никопольском полку узнали, что маршал Г.К.Жуков «за подавление венгерского контрреволюционного мятежа» получил четвёртую звезду Героя Советского Союза. Всего звание Героя Советского Союза было присвоено 25 советским военнослужащим (13 из них получили это звание посмертно). Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1956 года – «За успешное выполнение боевых заданий Правительства СССР», было произведено сотни награждений. Награждены офицеры и солдаты, танкисты, десантники и пехотинцы, многие посмертно. (Потери Советской Армии, по официальным данным, составили 669 человек убитыми, 51 пропавшими без вести и 1251 ранеными).

Не легко быть героем. Страшно погибать. Михаил понял цену зависти героям войны, свою подростковую наивность. Слишком высокую цену надо заплатить, чтобы идти по деревне с орденом или медалью на груди. Надо заглянуть смерти в глаза, не испугаться, выполнить боевой долг и остаться живым. Жаль ребят, которые погибли в Венгрии. (В краткой

исторической справке полка уже значилась запись: «Указом ПВС СССР от 26 апреля 1945 года за образцовое выполнение заданий командования при овладении городами Сомбатель, Капувар, Кесег 352 гв.сп награждён орденом Суворова 3-й степени»).

В 1957 году продолжались учения, не только прыжки, но и АК (Автомат Калашникова) стал родным. Учения проходили в Кривом Роге, совместно с 301 гв. парашютно-десантным полком, дислоцированным в Кировограде. Степные городки похожи друг на друга; частный сектор. В Кировограде мелькнуло, но запомнилось большое двухэтажное старинное здание из красного кирпича через улицу от комендатуры.

***

На далёкой Заимке черноглазая Таисия получала письма с обратным адресом: УССР, Днепропетровская область, г. Никополь, в/ч 71229. Непременно отвечала. Михаил задумывался о будущем. Можно сказать, ему посчастливилось попасть в ремонтную часть дивизии. В мастерской он увидел, как ремонтируют самолёты. Глаза загорелись, вот бы ему здесь работать, в Минске-то закончил ФЗО, «знаем слесарную и токарную работу». Командир предложил вариант: можно остаться служить сверхсрочником. Михаил мечтал, что будет жить в городе и привезёт в этот город свою черноглазую танцовщицу с далёкого Урала.

В то же время Михаил писал письма домой, в глухую лесную деревню Косище. Отец (дед) жил один, держал корову

и кабанчика. Сёстры писали «слёзные письма» об одиночестве отца с требованием скорейшего возвращения Мишки в отчий дом, дескать: «Батьку некому смотреть. Ты, Мишка, должен досматривать и батьку, и селище». Смущали эти письма Михаила; душу разрывали противоречия между мечтами, любовью и сыновьем долгом.

Шёл 1957 год, летом – лагеря под Кривым Рогом, новые боевые задачи, появились десантируемые парашютным способом боевые машины и самоходные артиллерийские орудия. Парашютные полки стали способными выполнять широкий круг боевых задач в тылу противника. В начале осени в степи под Кривым Рогом одна из рот 352-го полка участвовала в испытании парашютной системы. Изготовитель Анатолий Доронин испытывал собственную конструкцию парашютной системы с мягким вытяжным парашютом (медузу). Он совершал свой 1442-й прыжок. Произошёл зацеп за руку, которая была слабая от полученного на войне ранения. Запаску не смог открыть. Инженер-подполковник Доронин Анатолий Дмитриевич разбился. Как потом отчаянно рассказывал Михаил – в лепёшку. Миша не мог смотреть на останки разбившихся парашютистов, ему становилось плохо, смешивались страх, боль, ужас смерти: «был человек, нет человека». Михаил становился нервным, вспыльчивым, невнимательным, большим усилием воли успокаивался, уравнивал свои нервы, опять становился ответственным, добросовестным, внимательным и зорким бой-

цом. В декабре 1957 года был уволен из Советской Армии с записью в военном билете: «Воинское звание – разведчик, воинская должность и звание по штату – старший автоматчик. Командир 352 гв. ПДП гв. полковник Андреев. Начальник штаба полка гв. подполковник Пайтеров. (352 гвардейский парашютно-десантный полк в составе 107 гвардейской воздушно-десантной Первомайской дивизии дислоцировался в Киевском военном округе. 30 апреля 1958 года 352-ой гвардейский парашютно-десантный ордена Суворова полк расформирован. Военнослужащих перевели в тульскую дивизию в Рязани, Дашки).

Уволился из Армии. Сёстры требовали возвращения домой. «Надо ехать домой», – Михаил наступил на горло своей мечте и своей любви.

Миша вернулся в родное Косище.

Зима: снежно, морозно. Родная калитка, прочищена снежная дорожка от калитки к хате. Дед Никита грелся на печи, и, конечно, был один в хате. Обрадовался возвращению сына несказанно. «Есть в селище работник!». К выходным в хате собрались сёстры с мужьями, друзья деда. Подвыпившие свояки наперебой рассказывали Михаилу, как счастливо он будет жить в Косищах: хата, можно сказать, уже есть, или можно построить; главное – жениться, а там – своё хозяйство (вкалывай, ешь-пей сколько хочешь). «Не жизнь, а малина», – думал скептически Миша. Но, что делать – надо жить. Здесь он был среди своих. Сёстры довольны тем, что столкнули ответственность и заботу об отце на Мишу. Жизнь сестёр в своих семьях тоже не была лёгкой и радостной из-за мужей-деспотов. Григорий своей целью в жизни поставил крепкое хозяйство: две коровы, телята, свиньи и много другое. Работал Григорий водителем в колхозе, уходил на весь день, а в страду – почти на сутки. Всё хозяйство было на Броне, маленькой худенькой женщине. Она выбивалась из сил, звала на помощь Ольгу. Ольга прибежала в Косище и в хате отца пол помоев, и в хозяйстве Брони и корову подоит, и свиней покормит, и детей посмотрит (накормит, спать уложит). Броня с годами становилась всё суровее, замкнутее, злее.

У Ольги жизнь не ладилась. Не было у них с Петром детей. После того, как однажды летом Ольга оказалась в больнице, потеряв сознание из-за внематочной беременности, она вернулась в хату свекрови. Пётр Ольгу не навещал. Зато Григорий собрал в полуторку Броню и Устинью завёз их в больницу в Петриков. Ольга была не довольна свиданием с сёстрами: «Зачем кричать, гомонить. Ничего не измениться». Свекровь Ольгу ела поедом: «Были бы у меня внуки, я бы их смотрела, а так, Петро, гони её, заведи в лес и брось». Петро отмалчивался, или невнятно отвечал, что его Ольга устраивает: «Смачно готовит». Но однажды «крепко выпив», поддался на упрёки матери, схватил ружьё и кинулся к Ольге: «Убью!». Гонялся за Ольгой, пока та не спряталась за сараем. Утром Ольга побежала через лес в Косище. Забежала со своим горем к Устинье. Сестра ей посоветовала не терпеть, а вернуться в хату к отцу. Ольга возразила: «А, твой Есип мне прохода не даст! Ты же первая меня прибрьёшь». «Да, Есип одинокую молодую бабу не пропустит», – раздосадовано молвила Устына. Старик Никита выслушал дочь и со вздохом вымолвил: «Бывает...» Ольга вернулась в Бабуничи, жалея себя: «Куда мне бедной деться?» Пётр сделал вид, что ничего не было, потому что он ничего не помнит.

Строг был Никита с внуками, детьми Брони. Валю и Колю отправлял назад домой помогать своей матери. А к младшей, Светке, относился по-особенному. Девчонка – егоза. Не похожа ни на кого из родственников, что-то в ней было цы-

ганское: тёмно-каштановые волосы, круглые карие красивые глаза, а нос курносый – кнопочкой; активная, непоседливая, разговорчивая, своенравная и даже при тяжёлой жизни капризная. Только её брал Никита с собой, когда шёл доставать мёд из бортней. Сам залезал на дерево, отрезал кусочек мёда и спускал на верёвочке вниз. Светка сидела под деревом и наслаждалась мёдом диких пчёл.

Хотя Никита с хозяйством справлялся сам (иногда Ольга навещала отца, Никита особенно стал ценить вымытую чистую подлогу). Отец Никита был категорически против вступления Михаила в колхоз. А никто его и не спрашивал. Жители Косищ должны были обрабатывать несколько гектаров земли. Живёшь – работаешь. Побывал Михаил на МТС, посмотрел на колхозные тракторы и полуторки. Пошёл учиться в Муляровку на водителя полуторки. Нравилось ему водить машину. В колхоз не пошёл: грязные какие-то они все. На косищских гектарах работал: и пахал, и сеял, и жал, и копал. Падал от усталости. В свободное от сельхозработ время ремонтировал хату. Бревенчатый дом был старым, перевозили его несколько раз, брёвна местами крошились, образовывались дыры. Михаил замешивал глину, и отчаянно вбивал её в стены. Удалось вместе со свояками перекрыть крышу. Миша чувствовал, что не обладает недюжинной силой, которой обладал отец, и которая нужна для крестьянской жизни. Предложили Михаилу машину с киноустановкой. Не просто крутить баранку, а ещё показывать фильмы,

правильно заправлять, собирать деньги за киносеанс, выполнять план. Киноаппараты старые, ленты старые, деревенская молодёжь вечером всегда навеселе. А потом ночью приходилось ехать домой. Платили копейки. Уволился. А ещё какая-то странная болезнь подкинулась. Нет, Миша чувствовал себя нормально, но отец поутру вёл с ним странные расспросы: «Как спалось? Вставал ли? Помнит ли куда ночью ходил?» Миша спал и ничего не помнил. А дед не раз наблюдал, как сын вставал, выходил во двор, подходил к хлеву, возвращался и ложился спать. Миша в «лунатизм» верить не хотел. Сёстры, узнав о необычном поведении брата, решили, что болезнь возникла от ужаса, перенесённого на службе в армии. Дед Никита водил сына к бабке-шептухе. Больше ночных выходов не было, но вспыльчивость Михаила стала проявляться всё сильнее.

Не нравилась жизнь в деревне: непосильная физическая работа, грязь, пьянство, нужда. Большую часть заработанных денег (как правило от продажи мёда) старик отдавал Ивану. Иван иногда приезжал из Пинска, любил погулять, обязательно выпить. «Вот, где Ваши деньги», – гневно говорил Михаил, указывая на Ивана. Отец Никита молчал, жалел младшего сыночка и, наверное, понимал желание выпить. Никите в Мише нравилось трудолюбие, «ловкость на все руки», рассудительность, даже особенная серьёзность (с кем бы из детей старик Никита хотел жить, так это с Мишей), но, к удивлению Никиты, рюмочка самогона не достав-

ляла Мише радости, хмель у него был дурной. А Михаила возмущало капризное, конечно неумное, пьяное состояние старого отца. Как-то приладил дед далеко в лесу самогонный аппарат. Пришло время забирать спасительную влагу. Дед, конечно, не устоял, напробовався «первака». Миша погрузил бидон с «горящим заработком» на санки, рядом сел захмелевший «весёлый» дед. Всю самогонную конструкцию по неглубокому снегу потащил Миша. Дед без умолку говорил, Миша упирался изо всех сил, тянул лямку. Деду надоела безучастность, серьёзность, равнодушие Михаила, пьяная злость овладела им, толкнул он бидон с самогонкой. Водка разлилась и быстро впиталась в снег. Природная безалаберность взяла верх в пьяном сознании Никиты. Он чувствовал себя отомщённым за трезвость, правильность, серьёзность Михаила. Конечно, Миша не бросил пьяного отца зимой в лесу, но обида росла в душе.

Жить так, как прожил свою жизнь отец Никита, Миша не хотел. За трудодни, «палочки», в ведомости, Миша считал, работать бессмысленно, надо деньги зарабатывать. Прослышал Михаил, что в Березняках, что в 10 километрах от Петрикова и в 8 километрах от железнодорожной станции Копцевичи, на осушённом болоте ведётся добыча торфа; с рабочими расплачиваются деньгами. Миша рванул туда. Березняки полностью были сожжены оккупантами во время войны. После войны было восстановлено несколько «селищ», жило около 60 жителей. В одной из хат Миша и снял угол.

Миша почувствовал свободу: ни командиров тебе, ни строгого отца, ни претензий сестёр. Днём вкалываешь, вечером отдыхаешь. Отец справлялся сам. Ивана призвали в Армию, и служил он в Ленинграде!

А Михаилу глянулась дочь хозяйки Мария. Хозяйке-вдове очень нравился работающий парень, хотела бы она заполучить такого зятя. Мария – молоденькая, симпатичная русоволосая, голубоглазая девушка, которая недавно проводила любимого парня в Армию, и обещала ждать его возвращения. Но Мишка приставал со своей любовью, мать давила. И сыграли свадьбу (не просто свадьбу, а расписались по советским законам), столы накрывали в Косищах. Сёстры были довольны, что Мишка осядет в Косищах в родной отцовской хате, да «будет батьку доглядать», да и «свои» будут рядом. (Броня нуждалась в помощи. Господь или родители не наградили её такой силой, как Ольгу. Никита был «бесконечно строг» с внуками, по словам старшей внучки Вали, не разрешал бессмысленно бегать по двору или сидеть на лавке. Броня считала долгом Ольги помогать ей, потому что дед не хотел помогать, матери не было... «Хорошо, чтобы и Мишка помогал», – рассуждала Броня). Но Мишины сёстры не повеселились всласть, не поиздевались традиционно над Молодой. Ольга и Броня притихли, потому что Мария всю свадьбу проплакала. Сёстры пожали плечами и разбежались по своим хозяйствам. Мария грустила, но своё приданное (особенно выделялся «венский» шкаф) перевезла в родовое

гнездо Михаила. Тем временем, Мише предложили работу продавца в сельпо в Куритичах. «Нормальная работа», – считал Михаил, – «Не надо пуп надрывать. Только будь серьёзным, всё правильно считай».

Мишино тщеславное самолюбие уже шептало ему о том, что может он поймал Жар-птицу в торговле? Молодая жена приходила в магазин, как в свою собственную лавку, брала рулоны ситца, полотенца, платки, буханки хлеба. Часть вещей оседала в фамильном шкафу, часть пропала неведомо куда. Михаил доверял молодой жене, был уверен, что никуда она не денется. «Вон, сёстры терпят своих мужиков, о семьях думают, о хозяйстве». Но Мария ненавидела Мишку, хитрила, воровала из магазина, что могла; переписывалась с любимым; тайно сделала аборт. Однажды, заранее зная, что в хате в Косищах никого не будет, договорилась с водителем бортовой машины. Поставили машину во дворе и взялись грузить всё имущество Марии. Погрузили «венский шкаф». Дед Никита издалека увидев открытые ворота, почуял недоброе. Прокрался за машиной к хлеву, метнулся к двери и закрыл дверь снаружи на замок. Ох, Мария и голосила, кричала, обзывала деда последними словами, пыталась выбить дверь, но окна бить побоялась. Дед прикрикнул, что вызовет милицию из района. Осень. Уже стемнело, когда с работы, из магазина в Куритичах, вернулся Михаил. Выпустил из хаты Марию с шофёром. И поехали они втроём: водитель, бывшая жена и «венский шкаф»; растворились в темноте навсегда. Миша готов был провалиться сквозь землю. Беда не пришла одна: в магазине – ревизия. Объявилась большая недостача. Условие ясное: или возместить недостачу, или суд и тюрьма. Миша вернул в магазин всё, что не увезла Мария. Но этого было

мало. Дед продал и мёд, и сало. Мало денег.

Незадолго до Мишиной свадьбы, Ольга купила себе шикарную, по послевоенным временам, вещь – плюшевый жакет. (Плюшевый жакет в простонародье назывался «плюшкой», в некоторых сёлах Украины «манаркой»). Он шился из плюша, хлопковой или шерстяной ткани с ворсом, подбивался ватой, имел полукруглый воротник и большие пуговицы. Достать «плюшку» было чрезвычайно трудно, их продавали по спискам лучшим дояркам, свинаркам. Особой популярностью и сельским шиком, модой, считалась баба в штапельном платке, плюшевом жакете, длинной юбке и валенках (или бурках). Ольга ради родного «браточка» наступила на «горло» своей красоте, продала «плюшку», а деньги отдала Мише. Этих денег как раз хватило, чтобы покрыть недостачу в магазине. Миша был напуган, обижен, подавлен и совершенно свободен.

Забегала как-то Ольга к отцу в хату, за обедом состоялся откровенный разговор. Ничего кроме как: «Женись», – крестьяне посоветовать не могли. А Миша рассказал, что любил девушку, которая осталась жить на Урале, хотел жить и работать в авиационных мастерских, как слесарь, в городе Кривой рог. Мечтал в этом городе построить семью с черноглазой уралочкой. «А куда я сейчас её привезу?», – спрашивал родственников Миша: «Она образованная, сирота, городская, крестьянскую жизнь даже не видела, ничего не умеет делать». Ольга негодовала: «Надо брать свою девку. Девок

незамужних полно. Хата батькова – считай твоя». Всем было понятно, что Иван в Косище не вернётся. В Ленинграде он поступил учиться в техникум на топографа, работал.

Миша подался искать работу в городе, вернее в посёлке районного значения, Петрикове. По переписи населения в 1959 году в Петрикове проживало (уже!) 7,2 тыс. человек. Низина, заливаемая весной разливами реки Припять, и холмы были застроены крестьянскими одноэтажными домами со своими огородами и садочками. Уклад жизни горожан ничем не отличался от деревенского. Но в окрестностях Петрикова не всё было спокойно.

Своя семья.

Михаилу предложили зайти в военкомат. Конечно, офицер военкомата уже изучил личное дело сержанта-десантника.

Миша с трудом представлял, что за жизнь его ожидает. Главное – он будет жить в городе, конечно, ездить к отцу в деревню помогать по хозяйству. И ещё, он свободен от ужасов прежней неудачной жизни: от сбежавшей жены, от недостатка, от давления сестёр. Мише думалось, что теперь он будет самим собой, будет любить ту, которую выбрал сам, будет обут, одет, будет зарабатывать деньги, вырвется из нищеты и грязи. В январе 1961 года в военном билете появилась новая запись «В/часть 92801, командир взвода» (не было указано, что взвод военных строителей).

Миша написал очень сумбурное, с множеством ошибок письмо на Урал.

Тем временем, после инструктажа в особом отделе, машины со строителями с железнодорожной станции Муляровка двигались в лес, оставляя справа дорогу на Петриков. Уже был спилен вековой сосновый лес, расчищена площадка под строительство, построены первые бараки-казармы. Предстояло строить много и качественно: арочные бетонные сооружения, огромные гаражи (ангары), командные пункты, узлы связи и многое другое. Как стройка была не похожа на

службу в ВДВ. Никакой военной или строевой подготовки, бывшие зеки или разгильдяи. Мишу слушать никто не соби-рался, тяжело было организовать людей для работы. А план никто не отменял. Опять Миша в подчинении, и без особо-го уважения. Уставал сильно морально и физически, днями, сутками работал в холоде и грязи.

Пришло письмо от Таси. Она, как и прежде жила на Ура-ле, работала в детском доме. Миша быстро написал ответное письмо со своими планами на будущее. Написал, что служит в Армии, живёт в городе! Писал, что, летом у него будет от-пуск, он обязательно приедет и заберёт Тасю с собой! Тася ответила, что обязательные годы по распределению уже от-работала и может сама распоряжаться своей судьбой. Ми-ша от неожиданности впал в смятение. Но собрался и напи-сал, как он думал, письмо настоящего серьёзного мужчины: «Приезжай, пора вступать в законные супружеские отноше-ния». Написал, как доехать до станции Муляровка. В выход-ной съездил к отцу и рассказал, что «выписал» себе невесту. Дед Никита только хмыкнул: «А что она умеет делать?», «Танцует хорошо», – ответил, вспоминая нежный образ, Ми-ша. «Танцами каши не сваришь», – махнул рукой разочаро-ванный отец.

Приблизительно в середине февраля 1961 года на станции Муляровка Миша встречал с поезда Тасю. Приехала она в бостоновом тёмно-синем пальто с каракулевым воротником, в фетровой круглой шляпке, ботиночках, с чемоданом.

Миша снял комнату в доме на улице Первомайской, 2. (Выше располагался Дом Культуры). В комнатке помещалась кровать с никелированными спинками – её уступили Тасе, и раскладушка, на брезенте которой спал Миша, укрывшись шинелью. Тася присматривалась, раздумывала, а не поехать ли ей в Узбекистан к Клаве? Удивила Тасю погода. Когда на Урале в феврале трескучие морозы и метели, здесь, в Белоруссии, светит солнце, тает снег у журчат ручейки. Долго раздумывать Тасе не пришлось. В один из вечеров, придя в комнатку, Миша объявил, что подал заявление в ЗАГС:

«Через 2-3 дня распишемся». Тася, «ни рыба, ни мясо», подчинилась воле энергичного, быстрого, решительного молодого человека. Наступило воскресенье 19 февраля 1961 года. Тася и Миша шли по подтаявшему снегу в центр Петрикова. Зашли в раймаг. Тася предложили купить что-нибудь на память: «У нас ведь сегодня такой день!». Купили две овальные настенные картинки-фотографии тропических пейзажей побережья Сочи, вино и три рюмочки. Расписал их немолодой мужчина, явно инвалид войны. Тася предложила Мише открыть бутылочку вина, поблагодарить работника ЗАГСа и поздравить их, новобрачных. Тасе этот жест казался очень городским, интеллигентным. Таки, рюмочка вина на ветерана войны произвела впечатление, никто и никогда его не угощал на рабочем месте. Он поздравил молодых.

Таисия и Михаил вернулись в дом на улице Первомайской. Миша пригласил двух сослуживцев-сверхсрочников. Хозяйка накрыла на стол и ушла к соседке. Тася была тронута вниманием хозяйки и побежала за ней к соседке. Молодые мужчины пригласили за стол хозяина – деда Ивана Петровича, инвалида без ноги. Пришла и хозяйка. Тихо и тепло посидели. Хозяйка выдала молодым в эксплуатацию две подушки.

Хозяева были, по мнению Таисии, людьми интересными, впрочем, как и большинство в Петрикове, говорили с акцентом, на распев, с ударением на последнем слоге, «гэкали». Например, спрашивали у хозяйки: «Как Ваша дочкá?». У четы хозяев были две взрослые дочери, работали в торговле, одна из них – в обувном отделе. Хозяева: Иван Петрович и Александра Моисеевна Финдюкевич.

Таисия целыми днями была одна. Пользовалась хозяйским керогазом. За водой – к колодцу через несколько домов. Александра Моисеевна ходила с большим трудом, сильно болели ноги, вёдра с водой не могла носить, но провожала Таисию к колодцу, говорила, говорила и говорила, «фи-

лософствовала» о жизни: «Человек, как цветочек: растёт, как стебелёк, тянется вверх, крепнет. А потом распускается и цветёт. А позже вянет, гнётся к земле». Таисию удивляли эти рассуждения, с людьми старшего поколения не общалась, мудрости жизненной не знала и не понимала. Мишу не понимала. И Миша не чувствовал в себе той влюблённости, которая у него была на Урале. Уехать бы к подруге Клаве в Узбекистан, но молодая женщина поняла, что беременна. «Куда теперь я одна?!»... Пыталась устроиться на работу, но учителей начальных классов в единственной школе хватало. Мишу несколько удивляло, как человек с образованием не может устроиться на работу? Тася была предоставлена сама себе. Как-то в марте забрела на рынок, и первый раз в жизни увидела мочёные яблоки. Купила одно. Очень понравился освежающий кисло-сладкий вкус яблока. Купить продукты и приготовить нормальную (вкусную, полноценную) еду, было негде.

Тася иногда обедала в столовой. Но мясо здесь, в Белоруссии, было отвратительным, отдавало тухлостью, не то, что на Урале, в детском доме Верхотурья – там мясо было свежим и вкусным. Не понимала бедная девушка, что у неё токсокоз. Миша смекнул, что молодая жена не знает откуда берутся дети. В районной библиотеке взял учебник «Акушерство и гинекология» и подсунул его Таисии для изучения. Миша находил время для поездки к отцу, виделся с сестрой Ольгой. «Как там твоя жена?», – бойко спрашивала Ольга. «Забьётся

в угол и молчит», – морщась, отвечал брат. Миша не рассказывал Тасе о своей большой семье. Как-то шли Тася и Миша по Петрикову, и Миша поздоровался с мужчиной. «Кто это?», – спрашивала Тася. «Муж моей сестры». «У тебя есть сестра?» – удивлялась Тася. «Целых три», – мысленно ответил Миша. Тася пыталась наладить семейные отношения с мужем. Этот самый молодой муж принёс мясо. Таисия расстаралась и приготовила пельмени, настоящие уральские пельмени! Миша их съел, и недовольно сказал: «Зачем мясо в тесто завернула?». Тасю обижала неблагодарность, непонимание. По весеннему теплу привёз Миша Таисию в Косище, показать отцу. Ольга – тут как тут. (Помогала и Броне, и отцу по хозяйству). Встреча прошла молча. Ольга, увидев такую не похожую на местное население, черноволосую и черноглазую девушку, не замедлила подумать: «Жидовка».

Время шло. В одно из воскресений, в качестве развлечения, Миша повёл Тасю в Фотографию. Это было их первое семейное фото: юное открытое лицо сержанта и серьёзное с надутыми губами и чёрными глазами лицо восточной красавицы в чёрном платье с белым широким воротником.

Всё очевиднее становилось, что в семье молодых людей будет пополнение, и в маленькой комнатке Финдюкевичей третий человек не поместится. Летом молодая семья переехала ближе к Припяти на улицу Набережную. Место низинное, почти каждую весну Припять разливалась и затапливала фундаменты домов и приусадебные участки. Хозяева

недавно закончили пристройку к старому дому, её и сдали квартирантам. Семья хозяев жила очень бедно, все деньги уходили на строительство. Утром в школу отправляли старшего сына, средний ждал, когда вернётся брат и даст ему штаны, чтобы и он мог сходить на уроки. Хозяин работал завхозом, а хозяйка с тремя детьми (младшая дочь Рая) занималась домом; держали кабанчика. Но поросёнок не успевал вырасти до больших размеров. Очень хотелось есть! За комнату брали 10 рублей. Но хозяйка начинала клянчить деньги по 1 рублю уже в начале месяца: то на хлеб не хватает, то тазик новый купить, то ботинки детям нужны... К концу месяца, к дате расчёта за комнату Тася все деньги успевала выдать авансом. Молодая многодетная мать не отличалась особым тактом: «Вот ты, Таисия, из России, а говоришь по-русски не так красиво, как сестра соседки из Москвы». (Московский и уральский говор отличались сильно, но Тася этого не замечала).

Миша купил шкаф, трёхстворчатый! С зеркалом посредине! Шкаф с закруглёнными углами, обшитый шпоном под орех на четырёх широких массивных ножках.

Чем дальше, тем больше к Тасе приходило осознание того, что у неё будет ребёнок, её ребёнок. Дитя, о котором она должна заботится больше, чем о себе. Груз ответственности за маленького человека осознавался Черноглазой всё больше. Между размышлениями Тася ела много моркови. После 1 сентября, своего двадцатипятилетия, время для моло-

дой женщины полетело стремительно: сентябрь, октябрь, ноябрьские праздники. Миша после очередной поездки в Кошице рассказал, что женился Иван на коренной ленинградке. Пошёл в примачи, и живёт с женой Евой и тётшей в комнате коммуналки. К ним в эти дни поехала Ольга, хочет попасть на приём к профессору. Очень сильно сестру мучил вопрос бездетности.

В воскресенье, 19 ноября, Тася почувствовала себя некомфортно. Выпал первый снег. Миша пришёл со службы. А Тасе становилось всё хуже. Миша решил отвести Тасю в больницу. Стремительно темнело. Шли по петриковской грунтовой улицей. Тася перед собой видела только серые доски старого забора.

Таисия, конечно, помучалась, но недолго. Опытные акушерки взяли её в оборот. Черноглазая «вспоминала» маму: «Неужели и мама так мучалась, когда нас рожала?». Около девяти часов вечера Тася родила. «Девочка!», – крикнула акушерка, и следом раздался плач. «Почему она плачет?», – простонала новаяявленная мать. «Так должно быть. Радуйся! Здоровый ребёнок!». Тася увидела красного, некрасивого ребёнка.

Утром принесли ребёнка на кормление. Весила девочка два килограмма сто граммов. Бывалые мамы рассказали, что и как надо делать, чтобы пошло молоко, как кормить, как держать ребёнка. Все женщины были местные, из больших семей, их навещали под окном, что-то передавали из еды.

Зато вечером 20 ноября дверь палаты резко распахнулась, женщины закричали, Тася медленно повернула голову и увидела в приоткрытом дверном проёме прямоугольник чёрного пальто и огромные серые мишины глаза. Его отталкивала санитарка с криком: «Мужчина, Вам сюда нельзя. Как Вы сюда вошли?». Дверь закрылась. Женщины стали перешёптываться: «К кому такой шустрый приходил?». Тася молча натянула на себя одеяло. (Миша, недаром служил в развед-взводе, пробрался через запасный вход истопника). В начале декабря молодую маму с дочерью выписали. На улице было снежно и холодно. Миша и Тася принесли ребёнка в такую же холодную, непротопленную комнату. Миша растопил «грубу». Он заранее купил детскую кроватку-«колыску» из лозы, куда и положили дочь. Хозяйка дома очень трепетно относилась к малышам. Как только Михаил вышел из комнаты, подскочила к нему и умоляющим, плачущим голосом шептала: «Ты не обижайся на неё». Знала, что все мужчины хотят сына, и как хорошо, когда есть дочь! Вот у неё два сына школьника-сорванца, а радуется сердцем малышка Рая.

Тася была вымучена. А Миша посматривал на ребёнка и никак не мог понять на кого он похож, и какого цвета будут глаза: голубые или карие. Миша для себя решил: «Если глаза будут как у меня – серо-голубые, назову дочь Алкой, если карие, как у Таси, – Галкой». Через неделю цвет глаз у ребёнка определился. Миша в среду 13 декабря, сменившись после трудового дня на стройке, «записал» в бюро ЗАГСа

дочь Аллу. Сам, как решил, так и записал. Тася какое-то время удивлялась этому неслыханному имени, называла ребёнка иногда Алей. Черноглазая и предположить не могла, что её жизнь, семейная жизнь, будет настолько тяжёлой: ребёнок занимал всё время, а ещё дом, муж, на себя совсем не было времени. Дочь всё ревела и ревела. Миша после трудовых суток носил ребёнка на руках, качал, пел песни. Одна из них «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...». Ребёнок успокаивался под мелодию революционной песни гражданской войны, и Миша начинал дремать.

Тася вела переписку с сестрой Валеёй. Сестра поздравила Тасю с рождением дочери и восторженно писала: «У неё такие же чёрные волосы, как у тебя! У неё такие же чёрные глаза, как у тебя!». Тася ответила: «Дочь похожа на Мишу». Валеёя недоумевала, как такое может быть: у черноволосой красавицы сестры дочь похожа на белоруса Мишу?

Приблизительно через месяц ребёнка навестила не то патронажная медсестра, не то детский врач, и ужаснулась: мамаша выглядела худенькой девочкой с впалыми чёрными глазами, а ребёнок был худой и не набирал вес. Отругала молодую мать. «Если, – говорила врач, – не хватает своего молока, прикармливайте, иначе вы потеряете ребёнка». Тася чувствовала себя на этом уроке жизни двоечницей. Её никто не учил быть матерью младенца, и в книгах об этом не писали. Миша приходил в отчаяние от бестолковости жены. На следующий день Миша принёс рисовой крупы, стали готовить

отвары и давать сосать ребёнку. Девочка стала поправляться, расти, меньше плакала.

Приехала из Ленинграда Ольга, решила навестить брата. Привезла две батистовые распашонки. Осталась ночевать. Для неё принесли какую-то лавку от хозяев. Ночью, когда супруги крепко спали, младенец захныкал, замёрз наверное. Ольга подхватила, взяла девочку к себе в постель, ребёнок успокоился и уснул. (Как сильно Ольга хотела иметь своих детей! Да так и не случилось...). Вдруг в темноте кинулась к кровати Тася, пошарила руками в пустоте. Громкоголосо спросила: «Где ребёнок?! Нет!» Как ошпаренный вскочил Миша. Только Ольга спокойно, вкрадчиво произнесла: «Не кричите. Она у меня, спит сладко». Навестила однажды Таисию с дочерью (Миша, как обычно, был на службе) Броня. Побыла совсем недолго, осмотрелась. Но по прибытию в Косище, незамедлительно доложила деду Никите: «Плохо Мишка живёт. Даже мешка муки в доме нет». При первой же встрече Никита с горечью и болью в голосе спросил: «Как же так, Мишка, ты живёшь?». «Мы уезжаем из Петрикова». Наступил март 1962 года.

Но уже в июле 1961 года закончилось интенсивное строительство сооружений БСП-1 (боевая стартовая позиция) и БСП-2, что позволило ввести в строй стартовые площадки и сооружения, котельные, артезианские скважины, теплотрассы, водопроводные сети, электро-кабельные и телефонные линии, ограждения, здания караульных помещений. (12 ки-

лометров от Петрикова). «Заказчики» торопили строителей. Работы велись ежесуточно в 2-3 смены.

«Заказчики» – 33-я гвардейская ракетная дивизия и входивший в неё 396 инженерный полк, и 981-я передвижная ремонтно-техническая база с дислокацией в посёлке Мышанка. Жилой городок в Петрикове не строили. Строители работали до конца 1961 года. Вскоре 396 ракетный полк заступил на боевое дежурство (командир полка полковник Логинов П.Н. ракетный полк со стратегическими ракетами средней дальности Р-120).

Семьи офицеров-строителей расположили в домиках военного городка на юге городского посёлка Калинковичи, крупного железнодорожного узла. В городке уже были построены дома, госпиталь. (Позже в этом военном городке разместят инженерно-сапёрный батальон 33 дивизии РВСН).

Строительная рота, в которой служил старшиной Михаил, уже построила казарму-барак близ железнодорожной станции Голевицы в 13 километрах от Калинковичей.

Стояла настоящая зима. Тася к вечеру собрала чемодан с необходимым бельём, приготовила бутылочку со смесью, завернула в одеяло дочь. Пришёл Миша вместе с солдатом. Молча потянулись от Набережной вверх к автобусу. Солдат нёс чемодан, Миша – свёрток с дочерью, Тася – сумку. Автобус маленький и битком набит сельскими бабками и дядьками с клунками, проход занят. Тася пробралась на свободное место в конце автобуса. Миша на руках с ребёнком и солдат с чемоданом зашли последними. Ни встать, ни сесть негде. Миша гневно сверкнул глазами в сторону жены: «Ничего добиться не может. Сама села...». Пол ночи сидели в деревянном строении, называемом станцией. Миша с Тасей бурно обсуждали сложившуюся ситуацию пока рядом сидящая женщина не прикрикнула на них: «Ребёнок и то молчит, а вы кричите!». Пассажирский поезд с деревянными полками в ночи довёз необычную компанию до станции Голевицы.

Голевицы. 1962 год.

Трое взрослых, ребёнок и чемодан стояли в крошечной темноте и не знали куда идти. Миша побегал вдоль железной дороги, увидел колеи в снегу. И пошли они по снежной дороге через лес. Когда подошли к казарме, уже занималось морозное утро. Миша завёл всех в деревянный дом. Дом был недостроен: стены не оштукатурены, печь сляпана на скорую руку. «Хорошо, что крыша есть». Миша и солдат убежали в казарму, что через дорогу, скоро «Подъём!». Холод, ни дров, ни воды. Тася вышла из дома. Кругом лес. Вытащила из-под снега несколько сучьев, растопила ими печь. К ночи Миша принёс матрасы. На одной кровати спала дочь, на другой – супруги. Дом на четыре входа с верандами, но пока в доме была «прорабка». Тася заворачивала ребёнка, шла вместе с ним в лес и собирала сучья. Бросала их у печки, и потихоньку растапливала. Однажды Тася услышала сильный гул, бросилась к ребёнку, но гул шёл от окна. На стекле сидел (до селе невиданный) огромный жук: коричневый с усами и полосатым чёрно-белым брюхом. «Только бы не укусил ребёнка!». Вечером Миша смеялся: «Это хрущ, майский жук по-русски. Вместе с ветками принесла в дом». В конце мая Миша привёз из Петрикова оставленные там пожитки: шкаф и детскую кроватку. После разлива Припяти, затопления Набережной улицы, шкаф «зацвёл». Миша в свободное время

его чистил, красил.

Прописана Тася была в сельсовете деревни Малые Автюки. (Малые Автюки, а в особенности Большие Автюки, известны в Белоруссии как место необычных людей, со своеобразным укладом жизни, мышлением, смекалкой, темпераментом, юмором). Рядом, в трёх километрах, была деревня Александровка, куда в баню однажды летом ходила Тася. Одно мучение было ухаживать за длинными волосами, но косу не обстригала.

До Малых Автюков, если пешком, то очень далеко. Между автомобильной и железной дорогой была маленькая лесная деревенька, скорее хутор, Песчанка. Дорога в хутор шла с юга и связывала обитателей с Малыми Автюками. Север-

нее – лес, никаких дорог. Местным жителям запретили ходить в северную часть леса. Военные и гражданские строили базу горючего. Провели железнодорожную ветку от станции Голевицы. Периметр из двух соединённых прямоугольников обозначала широкая нысытть и столбики колючей проволокой. Военные этот объект называли Песчанкой, доподлинно не зная, где расположен хутор Песчанка. «Песчанка» – база хранения ракетного топлива (жидко-топливная: керосин и окислитель).

В декабре 1962 года роту, в которой Миша числился старшиной, срочно отправили на другой объект. Как выяснилось позже, уехал весь строительный отряд вместе с семьями из военного городка посёлка Калинковичи. Почему-то о семье старшины никто не позаботился. В срочном порядке Тасю с чадом и семью мастера по фамилии Закусило повезли в маленький, как большинство полесских, городок Ельск. Закусило, как мастеру, работающему с военными «заказчиками» дали хороший дом с верандой. Тасю с ребёнком засунули в недостроенный дом. Дом был на четыре семьи. Но только в одной дальней боковой квартире жила семья «снабженца» (интенданта): жена, сынок лет пяти, мать жены. Надо думать, питались они хорошо, и заметно было, как «тряслись» над чадом. Опять зима, промёрзшие стены, убогая печурка. Дрова? Обледеневшие чурбаки валялись рядом с баракком. «Коли как хочешь!» Но самое ужасное – не было продуктов. В сельском магазине – водка, селёдка, хлеб. Тася укладывала

Аллочку спать, а сама бегала по деревенским улицам, стучала в ворота каждого дома и просила продать молока. Коровы зимой запущены, не доились. Так продолжалось изо дня в день. Тася была в отчаянии: ладно сама голодная, но ребёнок, её доченька голодала. Девочка уже ходила, умудрялась самостоятельно вылезать из кровати. Как-то Тася открыла обледеневшую дверь, а перед ней стоит её крошка, голодная, холодная, мокрая, с синяками под глазами от непрерывного плача, всхлипывает и икает. В тот день Тася принесла крупы и сварила кашку. Ещё однажды она принесла полстакана молока. Её обуревал страх за жизнь ребёнка. Так Тася не голодала даже в своём военном детстве. Она, как ей казалось, решительно пошла в военный штаб и спросила у командира, где её муж, объяснила, что кончаются деньги. Ходила Тася так не единожды, но каждый раз ответ был один: «С Вашим мужем всё нормально, он служит».

В начале весны приехала сестра Миши Ольга. Привезла гостинцы. Тася смотрела на неё страдальческими глазами, но восхищалась её красотой. Ольга молодая, «сбитая», «кровь с молоком», румяные щёки, васильковые глаза в тон цветочкам на платье и на платочке. Оказывается, Миша написал письмо Ольге с просьбой навестить Тасю с дочерью в Ельске, очень просил не отказать в просьбе: «Как мои там выживают?». Весной на душе у Таси стало легче то ли от проглядывающего сквозь облака солнца, то ли от того, что коровы стали доиться.

В один из дней Тася возилась с дочерью. Вдруг солнечный свет за окном перебила тень, промелькнул мужчина в военной форме. Тася выскочила в коридор. Коридор показался бесконечно длинным. Дверь резко распахнулась. Яркое солнце, свежий воздух ворвался в убогое жилище. Лучи солнца били в глаза, делая силуэт человека нечётким. «Миша! Всё, кончился ужас! Я и малышка живы! Мы дождались его! Миша вернулся к нам!». Миша обнимал Тасю, прижимал к себе дочь. Ребёнок отстранялся: «Дядя». «Собирайся. Мы уезжаем на север». Мише дали отпуск, небольшой, чтобы перевести семью. Мише последние полгода тоже было несладко. Он требовал от командира, чтобы его отпустили в Ельск забрать семью, но все просьбы были тщетны. Тогда Михаил написал рапорт на увольнение. Нет, начальники не собирались его увольнять, уговорили дожждаться отпуска. Карибский кризис и «холодная война» диктовали высокие темпы строительства новых военных объектов.

Миша отправил багажом шкаф, кроватку. Мешочек с мукой, около пяти килограммов, Тася планировала отвести деду Никите, но Миша раскричался, мол и так чемодан тяжёлый, ребёнок на руках. Тася оставила муку следующим жильцам.

Через пару дней семья уехала из Ельска навсегда. Тася оставила муку, но увозила чудесное приобретение – голубой трикотажный костюмчик из четырёх предметов и фотографии. Тася специально ходила с дочерью в фотографию. Фо-

тографии чёрно-белые, но Аллочка на них в новом голубом костюме с большой куклой. (Куклу прислала сестра Валя из Свердловска ещё в Голевицы на первую годовщину племянницы!).

Летом 1963 года на 20-м километре к югу по дороге Мозырь – Овруч в районе местечка Осовы Ельского района боевые расчёты 398-го ракетного полка несли боевое дежурство уже на ракетном комплексе Р-12.

Молодые люди ехали все вместе в Косище навестить отца Никиту и родню. Подъезжали к Мозырю. Остановились у столовой перекусить. Тася только беззвучно усмехнулась, когда услышала местное название «Тёщина столовая». Двухколейная дорога то опускалась на дно оврагов, то выскакивала на зелёные просторы, и тогда казалось, что конца и края нет полям. Когда проехали деревню Бобры, дорога из оврага резко пошла вверх. Мозырь. На окраине на холме стоял штаб.

***

Дед держал корову. Тася худая, как палка, с благоговением снимала сливки с отстоявшегося молока и давала их доченьке. Та ела и на глазах щёки розовели. Сытый и довольный, спокойный и радостный ребёнок ходил несмело по двору, а дед Никита через набегающую слезу смотрел на него и приговаривал: «Мишка, мой Мишка, коханий». Брал, сильно похожую на сына Мишку, внучку на руки. Девочка осторожно касалась широкой серой бороды. «Я дам тебе цукер-

ку», – шептал дед. Тася устремляла испуганный ястребиный взгляд на деда: «Что он хочет дать?» Дед достал из кармана конфету-карамельку. «Ах, цукерка, значит конфета!», – с облегчением вздохнула Тася.

Тася была счастлива: все живы и здоровы, все вместе, Миша – опора рядом. А вспоминать или, ещё хуже, обвинять кого-то в том, что она чуть не потеряла дочь, не стоит. Жизнь научила её ценить настоящее. Перед отъездом Миша извинялся за неловкость Таси: мол не корову подоить, ни с другой деревенской работой быстро не справляется. Никита улыбнулся в густую бороду: «Не к тому жизнь идёт, что корову всем доить. Ничего, что крестьянской работы не знает, главное, что за всё берётся: и картошку чистит, и чугуны моет, и в печи шурудит».

Заканчивался июнь, и с ним отпуск. Отец Никита довёз Мишино семейство на возу с лошадкой до станции. Вперёд. Железнодорожные станции Муляровка, Калинковичи, Гомель. В Гомель приехали под утро. Ожидая поезда, сидели в скверике на привокзальной площади. Первые солнечные лучи растворялись в утренней прохладе. Ребёнок в голубом костюмчике бегал, гоняя голубей. Редкие прохожие улыбались голубым, как плоски, детским глазам.

В Москву приехали под утро на Белорусский вокзал. Не могли дождаться, когда вынесут на продажу горячие сосиски. Наконец-то, в 7 часов дородная работница привокзального буфета вынесла 10-литровую кастрюлю-бадью с горя-

чими сосисками. По первой сосиске съели все вместе с удовольствием. Потом ребёнку покупали ещё и ещё сосисочки (уж очень их мягкая консистенция нравилась Тасе). Успели молодые люди съездить в ГУМ. В детской секции в самом конце штанги, прижатом к стене, Тася нашла детское пальтишко: тёмно-синее с отстроченными-вышитыми зигзагами. Молодая мать не переставала радоваться и подкармливать дочь сосисками. Поезд отходил ночью с Ярославского вокзала. После ночной сосиски глаза дочери стали квадратными. Стало ясно, что ребёнок объелся сосисками первый и последний раз в жизни.

Поезда отходили в северном направлении: Сыктывкар, Воркута. Приблизительно в 0 часов 30 минут отошёл поезд на Вологду. Проводницы в форменных чёрных шинелях, крепкие, круглолицые, веснушчатые (мордатые), рыжие. Пассажиры в массе своей тоже были не похожи ни на уральцев, ни на белорусов, разговор их был окающим.

Чёбсара.

Утром выпрыгнули из поезда на станции Чёбсара (Чёбсарское – сельское поселение или рабочий посёлок: деревянные дома, похожие и на белорусские хаты, и на уральские избы.) и бортовая машина ЗИЛ-157 повезла молодую семью подальше в лес южнее (точнее юго-западнее) станции на 30-40 километров. «Здравствуй, войсковая часть 42687». Кругом всё перерыто, траншеи, грязь, глина. Комната на два человека. В ней полгода и жил Миша с земляком (д. Дрозды Мозырского района) Васей Мишотой. Через пару дней семья

переселилась в ДОС (дом офицерского состава), вернее в барак офицерского состава с комнатами: сырая штукатурка, причудливые следы от подтёков воды под окном, там же, под окном, дрова. Но уже все вместе с семьями офицеров и старшин строительного отряда. Но были и сарайчики. И Шеболдасовы разводили «курёй». Дочь Аллочка воевала с петухом, вернее он с ней. На всю жизнь девочка запомнила этого агрессивного петуха и ужасные пугающие разводы побелки под окном. А ещё игрушечную голубую машинку с кузовом (подарок сослуживцев Михаила). Зимой девочка за верёвочку катала машинку по комнате. Тася в очередной раз писала сестре Вале об изменении адреса. Для Таси опять не было работы. (А Миша гордился грамотностью, образованностью жены). Михаила раздражала и злила неустроенность, безработица жены; высокомерное отношение командиров и начальников. Михаил всё же пошёл к командиру своей части и ударил кулаком по столу с требованием взять жену на работу. Через пару дней Таисия Степановна явилась на собеседование в штаб части к «чекисту» (офицеру Особого отдела). Офицер продиктовал незамысловатое предложение, взял лист с текстом и охарактеризовал Таисию с неожиданной для неё стороны: «Вы медлительны». Ещё хотел добавить «Размазня», но отправил работать в штаб инспектором по учёту личного состава. Из положительных сторон офицер вскоре отметил аккуратность и скрупулёзность. Люди – есть люди, кто-то бескорыстно помогал, кто-то злился и завидо-

вал. Штабные, а вернее их жёны, были недовольны этим назначением, потому что сами метили на канцелярское место в штабе.

Детского сада не было. Дочь оставляли одну дома, иногда брали с собой на работу попеременно: то в штаб, то в казарму.

Жизнь в гарнизоне кипела. «Самодеятельность – наше всё». Из жён офицеров и старшин организовали хор, пусть небольшой, 10 человек в одну линию, но хор. Тася втянулась в самодеятельность. Её музыкальный абсолютный слух страдал, но получал пищу. С шефскими концертами хор выступал в близлежащих деревнях Леоново, Царёво.

Осталось в этой воинской части и боль, горе. Зимой солдат из роты старшины Михаила ушёл в самоволку, возможно в Леоново.

Пьяный ночью возвращался в часть, заблудился, провалился в сугроб и замёрз. На Мишу было больно смотреть. Было жалко бестолкового солдата, и страшно было за себя: «Почему не досмотрел? Как солдат смог сбежать? Что теперь будет со мной? Трибунал?» Мишу оставили служить.

Ещё Тася думала, как бы её Алёнка не отморозила в этом северном краю кисти рук. Зима здесь суровая, ничуть не слабее, чем на Урале. А дочь упорно снимала рукавички. Но всё обошлось.

***

Конец августа 1964 года. У Миши и Таси отпуск! Друго-

го варианта никто не предполагал, «едем только к отцу в Белоруссию». Тёплый спелый август! Время пролетело быстро. Те же станции: Муляровка, Калининчи, Гомель, Москва. Москва – это ГУМ для транзитных пассажиров. Молодые люди купили Мише костюм

серый с голубым оттенком. Как сильно костюм шёл Мише! Особенно его голубым глазам! Какой Миша красивый! Потом стали мерить шубу Тасе. Увлёклись. В какой-то момент Тася спохватилась: «Где ребёнок?» Ей уже и шуба не нужна. Родители бегали по этажу и спрашивали покупателей, продавцов, не видел ли кто девочку в голубом костюм-

чике? Нет, никто не видел. Родители в полуобморочном состоянии оборачиваются, и «О, чудо!» Из подсобки выезжает тележка, доверху заложённая пальто, а на вершине восседает их «незабудка» – Алёнка! Оказывается, работница склада видела, как молодая пара примеряла шубы, а голубоглазый ребёнок скучает, предложила: «Хочешь покататься?» Девочка с радостью кивнула. И её повезли... Шубу тоже купили: чёрную «под котик».

Приехали в свой гарнизон. Сентябрь. Выпал первый снег. Миша, как крестьянский сын, в июне посадил на клочке земли картошку. Теперь хозяину с хозяйкой пришлось выковыривать мёрзлую картошку из грязи, и они ничего лучше не могли придумать как помыть её. Картошка стала быстро портиться. Но сколько успели, столько съели.

К октябрю всё построено: военные объекты, 2-х этажные казармы для батальона охраны, школа, детский сад, госпиталь, 2-х этажные благоустроенные многоквартирные дома, клуб. Строительный отряд войсковой части 42687 приступил к формированию эшелона. Много утекло воды в реке Чёбсаре, пока войсковая часть между Вологдой и Череповцом получила адрес: Вологда-20, ул. Кутузова,...

***

Глушко Никита Васильевич

1954

МАГАДЕТСАНИТНИК В ДАЛЕКИХ КРАЯХ
ПРИЕМТ ТЕБЕ ШЛЮ ДОРОГАЯ МОЯ
ПУСКАЯ ТЕБЯ НЕ ТРЕВОЖИТ ГРУСТЬ
СКОРО К ТЕБЕ Я ВЕРНУСЬ.

Глушко Михаил Никитич. Служба в ВДВ. 1954год.

Военную присягу принял, 16 января 1955 год при войсковой части 71229. Воинское звание – разведчик

1961г. Тася и Миша. Первое семейное фото. Мои родители. Гужбина Таисия Степановна и Глушко Михаил Никитич.

1963 год. г.Ельск. Белоруссия. А это – я, Алла.

1963г, в/ч 42687 ст. Чёбсара, ходили с концертом в соседнюю деревню Леоново.

23 февраля 1964 года выступление в солдатском клубе в/ч 42687 ст. Чёбсара, г. Вологда.

7 ноября 1964г, г.Вологда-20, ст. Чёбсара, концерт

2 декабря 1966г, служащие “СА” в штабе в/ч 42687. Кировоград-25, Украина

7 ноября 1966 года, Кировоград-25, Украина. Алёнка с флажком. 5 лет.

*Группа офицеров и прапорщиков 2-го отдела В/ч
14427. Кировоград-25, 1970г.*

Средняя школа №161, построена в 1963 году, Кировоград-25, 2005г.

Магазины военторга (“Молоко”, “Мебель”, “Хлеб”). Кировоград-25, 2005г

Глушко Михаил Никитич

- 1954-1957 г.г. служба в ВДВ, разведчик.
г.Никополь, Украина;
- 1961-1962 г.г. военный строитель.
Строительство полка РВСН г.Петриков;
(В 1976 г. 396-ракетный полк, 33-ракетной дивизии (Петриков) первый в РВСН получил на вооружение ракетный комплекс «Пионер»).
- 1962 г. п.Голевницы Гомельской обл.
Строительство базы хранения ракетного топлива (ТСМ).
- 1963-1964 г.г. строительство объекта «С», Вологда-20.
- 1964-1966 г.г. строительство объекта «С», Кировоград-25.
- 1966-1983г.г. служба в в/ч 14427,
12-управление МО СССР;
361-Краснознамённый объект «С»,
Войска ядерно-технического обеспечения.
Зам.командира роты, техник ядерных боеприпасов, зав. секретной библиотекой 2-го отдела, Кировоград-25

Глава 3. Жизнь налаживается.

Войсковая часть 14427.

23 июня 1961 года выпускник Артиллерийской академии (г. Ленинград) полковник Мельников А.Л. был вызван в отдел кадров для дальнейшего назначения. «Из беседы с кадровиками я узнал, что мне предстоит формировать «соединение особого назначения на Украине. Я был предупреждён о строгой секретности полученных сведений. 25 июня 1961 года, отдел кадров Ракетных войск стратегического назначения в Москве». (Материал на допуск оформлялся полтора месяца!?).

По решению ЦК КПСС и правительства СССР укомплектование РВСН офицерскими кадрами осуществлялось, в основном, в 1960-61 г. г. за счёт выпускников учебных заведений других видов вооружённых сил. «Ракетные войска стратегического назначения», ЦИПК, 1998, стр.55.

***

Из книги Александра Мельникова «Перевернутые страницы»:

Беседу начал генерал Болятко:

—

коротко о ваших предстоящих задачах. Соединение, в ко-

торое вы назначены, в стадии формирования. Строительство ведёт Центральное управление спецстроительства Министерства Обороны. Вам предстоит вникнуть в строительство. В этом вам помогут во 2 Управлении. Теперь о перспективах. Соединение 14427 предназначено для технического обеспечения войск. Но для этого следует создать необходимые условия: построить технологические здания и сооружения, укомплектовать подготовленными офицерами инженерно-технической службы, сформировать части и подразделения обеспечения, организовать учёбу и обеспечить боеготовность соединения. Со временем вы пройдёте подготовку по номенклатуре специзделий. В соединении введён строгий секретный режим первой категории. Допуск на территорию соединения только по разрешению Министра обороны, его первых заместителей и начальника Главного управления.

После беседы в кабинет вошёл офицер по режиму и предложил познакомиться и подписать обязательство о неразглашении военной и государственно тайны. Состоялась беседа с генерал-лейтенантом Тимошенко.

—
Товарищ генерал, в каком состоянии войсковая часть 14427?

—
Идёт строительство, личный состав части и 533-е строительное управление располагается во временных по-

мещениях.

—

Сколько личного состава в части?

—

Чем меньше в период строительства, тем меньше забот, — ответил генерал, умудрённый службой и жизнью.

—

Я люблю солдат, их непосредственность, подчас наивность. Эти чувства к ним связаны с моей командирской службой с первых дней, после окончания училища в 1941 году.

—

Это хорошо, но со временем при определённых обстоятельствах это изменится.

Какие обстоятельства, Тимошенко не уточнил. И далее продолжил:

—

Основная задача — качественно строить городки, коммуникации, объекты энергосбережения. Личный состав будет поступать по мере готовности казарм, жилых домов. По всем вопросам строительства, обеспечения соединения обращаться ко мне и генералу Тютюнникову.

***

14 августа 1961 года приказом Министра обороны полковник Мельников А.Л. назначен командиром 14427 воинского формирования на Украине.

По директиве Министра и начальника Генерального штаба началось строительство и формирование войсковой части 14427 в 1960 году. На 15 августа 1961 года в части имелось 19 офицеров, 120 сержантов и солдат, 10 человек служащих Советской Армии. Жили в домах-мазанках бывшего лесничества, которое выселили в другое место. Строительные работы выполняло 533 строительное управление, велись работы по созданию производственной базы, прокладывались бетонные дороги и железнодорожная ветка от станции Цыбулёво в расположение части. Форсировались работы по ограждению технической территории, жилого и военного городков, строительству караульных помещений. В декабре 1961 года к зданию управления строители сделали пристройку на четырнадцать рабочих комнат, предусмотрев размещение банка, кассы финотдела, секретной части. Каждое сооружение на технической территории имело автономную систему обеспечения жизнедеятельности и предусматривало проведение регламентных работ со специзделиями. В военном городке, кроме казарм, штаба, столовой, клуба и различных складских помещений, закладывался защищённый командный пункт соединения. В жилом городке планировалось возведение семнадцати жилых домов, здание “Дома офицеров”, магазинов, стадиона, спортзала. Отдельно располагались здания штаба, госпиталя, школы, детсада. В октябре 1961 года планировали начать строительство капитальных объектов, но не предусмотрели сложную геологию под

будущими зданиями, долго уточняли технические вопросы по закладке фундаментов, особенно под многоэтажные здания. Но в конце октября всё-таки приступили к строительству основных капитальных сооружений для ИТС. В конце ноября в войсковую часть стала поступать бронетанковая техника для легендирования: десять танков.

В 1961 году строители создавали производственную базу и возводили помещения для размещения прибывших строительных отрядов.

***

Прощай, Вологда. Впереди – новое место службы. Ехали долго. Эшелон строительного отряда войсковой части 42687 тянул на себе всё: платформы со строительной техникой, кухни, бытовки, мебель и имущество семейных офицеров и старшин, вагоны с солдатами и вагоны с семьями, которые напоминали не то общежития времён гражданской войны, не то коммуналку времён НЭПа, не то караван-сарай, не то Ноев ковчег. Везли эшелоном и детей – большинство малышей, но были и школьники. Состав шёл объездными путями, пропуская все поезда по расписанию. Бывали случаи, когда состав и его жители стояли в заснеженном лесу сутки, подальше от людских глаз. Куда тянули состав знали командир и машинисты, а пёстрая толпа из жён и детей могла только догадываться. Звёздными ночами догадливые и ушлые пассажиры распространяли слухи: «Едем на юг от Вологды». Через неделю подтвердились догадки; исчез мороз, потеплело;

шёпотом в вагонах передавали друг другу: «Едем на Украину». Тихая радость охватила пассажиров загадочного эшелона: «Уезжаем от морозов туда, где тепло».

Две недели в пути. Опять стоит эшелон. Поздний ноябрьский рассвет «Почему за окном бесконечная чернота? Что это?», - растерянно думала Таисия. Старшие боевые подруги объяснили: «Это чернозём. Бесконечная украинская степь». Дождь. Грязь. «Вагоны не открывать!» Проедет состав, остановиться. Так дёргались двое суток, потом круто повернули от маленькой станции «Цы..., Цы...», – в сумерках и тумане никто не прочитал название. Среди бескрайних чёрных полей стояли ещё двое суток. Потом состав медленно пополз, о чём можно было судить по стуку колёс, потому что пейзаж за окном не менялся. Откуда не возьмись появился лес с высокими дубами, потом лес с левой стороны отступил, возникла холмистая степь, затянутая прошлогодней серой травой. «Стоп! Эшелон – под разгрузку!».

***

«Какая чёрная грязь! Ноги разъезжаются и проваливаются. Югославские ботиночки превращаются в два комка неподъёмной грязи,» – ужасалась Тася. Солдатская казарма-барак перегородена на комнатки. (Сидели, не распаковываясь, на ящиках и чемоданах 10 месяцев). Через три дня после прибытия эшелона девочке Алле исполнилось три года. На всю жизнь она запомнила холодную комнату с окном, стены, покрытые ромбиками из дранки: «А ещё помню, как

зайдёшь в барак, то видишь длинный, длинный коридор с дощатым полом, по бокам двери в комнаты. Кажется, наша дверь была второй или третьей с левой стороны». В конце коридора тоже кто-то жил. И этот факт не давал Алле спокойно заходить в барак. Она мучила маму Таисию вопросами. Однажды получила ответ: «Бабушка Дубивка», и встрети­лась с этой бабушкой. Приветливая улыбка, платочек на голове, фартук. «Так вот значит, что из себя представляет Бабушка». Бабушка Дубивко была вольнонаёмной рабочей в войсковой части, которая уже с 1960 года строила и казармы, и железную дорогу, и бетонный завод. Родом Дубивко была из близлежащего села Подлесное. Часть Чёрного леса заняли военные. Многие солдаты были уроженцами Закарпатской, Тернопольской, Львовской области; венгерские и польские имена, не знали русский язык. Жили непосредственно в солдатском городке. Солдаты маршировали мимо барака. На окраине был госпиталь. Семьи вместе с детьми ходили в кино в солдатский клуб. Дети радостно бегали в проходах между стульями. На праздник 8 Марта Миша в военторге (магазинчик находился в «посёлке» блочных домиков, называемых Финскими) купил немецкую (производства ГДР) статуэтку. Очень необычную и красивую: гнедая лошадь и подпрыгнувший жеребёнок. Миша шутил, глядя в родные глаза дочери: «Большая лошадь – для мамы, маленькая – тебе».

Таисия Степановна продолжила работу в штабе. В одной комнате с ней работала машинисткой Исупова Мария. Ма-

рия -родом с Дальнего Востока, из семьи переселенцев с Украины (с неполным средним образованием). Мария недолюбливала Таисию, потому что более престижную должность обещали ей – жене офицера. Таисия была ответственным инспектором, готовила ежедневно списки солдат для прохождения на стройку секретного военного объекта. Мария печатала пропуска, но нет-нет да и сделает ошибку. Скандал! Но Тасе работа с документами нравилась. Детского сада не было. Дочь Аллу приходилось брать на работу. Когда Марии не было на работе, девочку как магнитом тянуло к пишущей машинке. Тася напечатала несколько букв, но ей хотелось самой «поклацать». (Не предполагала Алла, что большую часть своей трудовой жизни она будет “давить на клавиши”). От безделья ребёнок не знал куда себя деть. Мама Тася разрешала выйти погулять у за решётчатого окна своего кабинета: «Так, чтобы я тебя видела». Мария раздражённо возражала: «Почему вы свою дочь называете Алёнкой? Алёнка – это сокращённое от Лены, Елены, как зовут мою дочь». Тася молчала: «Всё равно моя дочь – Алёнка». В штабе работали и другие женщины – жёны военнослужащих, принимали участие в художественной самодеятельности, пели вместе с солдатами. А Алла-Алёнка запомнила свой первый диафильм. Как-то к себе на «работу» взял дочь Миша. Голубые глаза дочери от страха перед необычным помещением становились неподвижными. Она была в казарме с двухъярусными железными кроватями. Но отец пощадил онемев-

шего ребёнка, и отвёл его не то в канцелярию, не то в красный уголок. И началось чудо. На белом большом экране появлялись солдаты в фас, профиль, в пилотках, в касках. Аллочка спрашивала: «Это немцы?» Удивлённый Миша отвечал, глядя на очередные картинки: «Нет, не немцы. Обыкновенный диафильм по строевой подготовке».

Летом 1965 года столкнулись со зноем и въедливой пылью украинских степей. С того лета Алла стала впитывать в себя «дух Украины».

Негласно основной целью строительного отряда в/ч 42687 была «достройка». В 1963 году ввели в строй школу. В 1964-65 годах – первые четырёхэтажные двух и четырёх подъездные дома. Офицеров-«заказчиков» переселили из сборно-щитовых домиков в дома со всеми удобствами. В начале осени 1965 года семьям военнослужащих строительного отряда дали отдельное жильё в Финских домиках: коридорчик, просторная кухня и большая комната. Удобств не было, зато был палисадник. Дом был рассчитан на четыре семьи. Домов было двадцать, между ними были бетонные, неширокие, метра два, дорожки. Правее, по диагонали, от дома стояла старая (временная) деревянная барачного типа школа. Правее старой школы – такой же одноэтажный детский сад-ясли. Удобно. Вышли из дома, повернули на право, перешли дорожку и Алла – в детском саду.

19 ноября 1965 года пришла срочная телеграмма. Умер дед Никита. Миша с дежурства (в форме, с табельным ору-

жем) торопился через Киев в родное Косище.

***

Поздним осенним днём Света, ученица шестого класса, смотрела в школьном актовом зале фильм «Гибель Помпеи». Ольга в приоткрытую дверь позвала Свету. Долго, бесконечно долго ехали на подводе. Дед лежал посреди комнаты, одна сторона лица была обезображена. (Поговаривали, что кто-то толкнул Никиту, когда он был за оградой в свинарнике. Никиту нашли значительно позже, когда он окоченел и лицо покусал кабан). Света испугалась, залезла на печь, забилась в угол, и, почему-то, ей хотелось смеяться. Но она закрыла рот руками и пыталась успокоиться. Когда прощались с Никитой, она спокойно подошла к бабушке...

Миша вошёл в Косище, когда Никиту уже выносили из хаты. Похоронили Никиту в голове его Ганны на погосте близ деревни Сотнич. Никита пережил Ганну на двадцать один год.

Ольга и Пётр пригласили Мишу переночевать у себя в Бабунич. Утром Петро проснулся рано и вытащил пистолет из кобуры, конечно, спрятал его. Миша подхватился после тяжёлого сна и первым делом схватился за кобуру. Чуть умом не тронулся от испуга, что потерял оружие. Пётр снисходительно отдал пистолет Михаилу, и весь день подшучивал и подтрунивал над шурином, дескать, какой ты военный, если проспал оружие. Вот он, Пётр, не проспал бы. Откуда столько высокомерия у крестьян?

***

Вся культурная жизнь городка сосредотачивалась в школе. (Трёхэтажную современную школу сдали в 1963 году). Магазинов ещё не было. Военторг устраивал разовые распродажи в фойе школы. Тася приобрела себе импортный гарнитур. Алёнка запомнила удивительные, как живые, розочки на комбинации. Зимой Тася повела дочь на первый в её жизни мультфильм. Перед входом в актальный зал стояла тёмно-синяя стена с маленьким окошечком кассы, под ним – толпа орущих и прыгающих детей.

– Постой здесь, а то тебя затопчут, – и Тася ринулась в толпу к амбразуре.

После просмотра «Тимошкиной ёлки» Алла шла всю дорогу в Финский городок молча с глубокой грустью, можно сказать, с камнем на душе: «Как можно собственноручно вышвырнуть такого милого щенка на улицу в ночь в лютый холод?» От жестокости Тимошки долго болела душа девочки. А потом всей группой детского сада, да что там группой, всем детским садом переехали в новый детский сад! В детском саду была «цивилизованная городская» жизнь с прогулками на участке, занятиями, утренниками. «Там-тара-рамтам-там-там», исполняла на пианино Галина Валентиновна, а дети шли по периметру музыкального зала приставным шагом. Алла этот шаг не любила, не получался он у неё. Тася расстраивалась: «Как может не получаться приставной шаг? Почему у меня, одной из лучших учениц по

хореографии, дочь не может двигаться грациозно? Почему у неё нет не то, что музыкального слуха, но даже чувства такта?» Но ещё больше раздражала Тасю картина после рабочего дня. Алла одна сидела за столом, все дети поели. «Пока не съешь всё, из-за стола не выдешь», – изгалялась воспитательница. Тася багровела в открытом дверном проёме: «Как можно не хотеть есть? Как бы эта каша или булочка пригодилась дома. Ещё надо зайти в магазин и что-то приготовить на ужин». А по лесной дороге шли танки...

Алла детский сад тихо ненавидела. (Говоря языком двадцать первого века, социализация ребёнка проходила плохо). Девочка предпочитала играть одна дома, изредка с соседями. В доме напротив жила Марина Лотакова, а в квартире по соседству – Толик Трегубенко. Мальчик маялся в очках, одно стекло заклеено белой бумагой. Однажды у порога девочки затеяли игру. Одинокий Толик долго ходил вокруг, просился играть, девочки не обращали на него внимания. Наконец мальчик спросил напрямую: «Во что вы играете?» «В дочки-матери», – последовал ответ. «А можно, я буду вашим папой?», – нашёлся Толик. За дверью прыснула смехом Тася.

Жизнь как-то стабилизировалась, потихоньку обживались. Приобрели электродуховку. Тася пекла пироги со смородиновым вареньем. Миша взялся делать мебель. Сделал диван из пружин старых солдатских кроватей, обтянул обивочной тканью из сине-бежевых квадратов. Диван получился

высоким. Алла с разбега на него взбиралась и сидела, как на троне. Случалось, что Алла болела. Тася отчаянно укутывала свою девочку. Под зимнюю цигейковую детскую шапочку повязывала хлопковый белый платочек. Но не уберегла. У Аллы случился отит. Высокая температура, ребёнок бредил. Много бессонных ночей провела Тася у постели дочери, девочке кололи уколы. Ребёнок сопротивлялся как мог. По выздоровлении детский врач вынесла вердикт: «Ещё раз такое – сильное воспаление, и девочка может оглохнуть». С тех пор голова Аллы зимой была не просто замотана платком, а туго замотана.

Проходя ежегодную медкомиссию Таисия Степановна получила совет от гинеколога: «Если хотите ещё детей, то не откладываете». 19 ноября 1966 года исполнился год со дня смерти деда Никиты. Но жизнь продолжалась. Алёнке исполнилось пять лет. Тася заказала в столовой торт. О! это был первый торт в жизни Аллы: бисквитный, с кремовыми розами. Алла онемела от восторга: «И это всё мне?» И приступила к поеданию розочек. Тася еле оттащила её от торта: «Подожди, придёт папа с работы, будем пить с тортом чай». Но восторг Аллы сменился на разочарование: внутри розочек был кусочек чёрствого хлеба. Первый жизненный опыт: не всё, что красиво – вкусно. Вечер скрасила подаренная кукла. Конечно, не такая симпатичная, как пупсик в коробке с набором одежды, из-за которого Марина Лотакова упала на кафельный пол магазина, дрыгала ногами и требовала купить

коробку. Мама Тася схватила Алёнку за руку и вывела из магазина. Новые магазины недавно открылись. Туда завезли товары из Москвы. Магазины были со стеклянными витринами, как в городах; не то, что обитый досками магазинчик в Финских домиках, через дорогу от дома командира части Мельникова А.Л. Кукла была средних размеров, с обозначенной в пластмассовой голове стрижкой из каштановых волос. Но Алле новая подружка понравилась. Алла стала укладывать новую куклу рядом с собой на подушку. «Как ты её назовёшь?», – спросила мама. «Галина», – неожиданно для Таси, выпалила дочь.

– Как Галину Валентиновну, вашего музыкального работника?

– Да.

– Тогда называй её просто Галей.

Когда Алла уснула, Тася проконтролировала ситуацию: «Кукла

не должна поранить ребёнка», и убрала куклу.

Объект сдан.

Объект сдан. В первых числах декабря 1966 года как снег на голову новость: в/ч 42687 убывает на новое место службы. Тасе стало не по себе. Она беременна, и опять ни кола, ни двора, никаких условий жизни с двумя маленькими детьми. Решено, Миша попытается перевестись к «заказчикам» в/ч 14427. Получилось, хотя пришлось даже идти на приём к полковнику Мельникову и долго беседовать с подполковником Лесовским. Михаила перевели старшиной в батальон. В военном билете появилась запись «В/ часть 65152, начальник мастерской, январь 1967». Тасю уволили «по собственному желанию». Алла запомнила трагедию, разыгравшуюся в тёмной кухне. Худое, с зачёсанными назад волосами, почерневшее и опухшее от слёз лицо мамы. Папа Миша в форме, в сапогах сидел на солдатском табурете напротив и пытался успокоить Тасю, а она сквозь слёзы рыдающим голосом говорила: «Опять я без работы. Опять беременная. Опять не получу декретные. Есть работа посудомойкой в солдатской столовой». «Нет, нет, только не посудомойкой. Проживём как-нибудь на мою зарплату», – успокаивал Миша. Осталась одна рота строителей достраивать жилой городок с управлением справа от бетонного завода. «До свидания, дружный коллектив строительного отряда в/ч 42687: командир майор Рукомойников Виктор Петрович, началь-

ник штаба Тимошенко Владимир Иванович, старший лейтенант Шеболдасов, заместитель командира по МТО Будейко Михаил Исакович (уроженец Минска) и его черноволосая жена Екатерина Степановна (уроженка Беслана, имела высшее математическое образование, но дети их жили и учились в Беслане), командиры рот лейтенанты Моркович, Кидалов и подруга Дина Иосифовна Кидалова, уроженка Бобруйска. (Тётя Дина как-то подарила Алле форфоровую статуэтку гуся!») Строительный отряд перевели в Ивано-Франковскую область, кажется рядом была Коломыя (Коломыя – древний город Галицко-Волынского княжества). Дина писала Таисии, что опять живут в бараках, и каждый день идут дожди. Позже до Таси дошли сведения, что строительный отряд в/ч 42687 после Ивано-Франковской области (Ивано-Франковск-16) переехал в Тулу или Тульскую область.

***

Из книги Александра Мельникова «Перевернутые страницы»:

«Благодаря умелому руководству начальника 533-го строительного управления Н. А. Ветелкина, к августу 1966 года основные здания и сооружения были построены. К этому времени отделы ИТС были укомплектованы опытными кадрами во главе с главным инженером Н. А. Шестокowym. Полностью была укомплектована железнодорожная база. К тому времени база получила спецвагоны и два локомотива. Из промышленности автомобильная база получи-

ла более двухсот большегрузных автомобилей (Урал-257у, Кразы, МАЗы), которые переоборудованы ремонтно-механической мастерской под транспортировку специзделий... Ещё в середине августа 1966 года в часть прибыла комиссия Главного управления... После расширенного совещания членов комиссии, строителей и заказчика в акте записали: «Войсковая часть готова к основной деятельности». Чтобы оборудовать места для хранения специзделий и рабочие места, потребовалась напряжённая работа личного состава отделов ИТС и ремонтно-механической мастерской под постоянным руководством Б. П. Готовцева... За сентябрь-октябрь 1966 года из промышленности в часть поступило большое количество специзделий. Войсковая часть 14427 получила оперативное задание и тем самым стала на обеспечение боевого дежурства».

***

Горячее солнце светило прямо в глаза Алле. Освещённая солнцем шла по дорожке от соседки мама: «Какая-то мама большая в белом платье в большие голубые контурные цветы». Соседки из бывшей школы задавали странные вопросы: «Кого ты хочешь: сестрёнку или братика? Маме будешь помогать...». «Никого я не хочу. У меня сосед Толик. Да и не понятно, как помогать маме», – насупившись отворачивалась от женщин Алла. Воскресенье. Папа Миша разбудил Алёнку. Она выпалила: «А где мама?» «Мама в больнице», – ответил настороженный отец. С понедельника жизнь для Аллы полетела по обычному сценарию: детский сад, дом. Рядом подружки Таня Турта, Марина Лотакова. Солнечным июльским вечером папа Миша пришёл забирать Аллу из детского сада. Миша был в форме, рядом с ним стоял в светлой (гражданской) рубашке строительный мастер – отец Марины Лотаковой. Девчонки радостно подбежали к своим отцам. Миша, пытаясь быть спокойным, шепнул Алле: «Дома мама с братиком». Алла побежала через лес мимо бассейна, за ней бежала Марина и доносился голос отца: «Не беги одна через лес». «Да я здесь сто раз ходила», – тяжело дыша, мысленно отвечала Алла. Она вбежала в комнату. На высоком диване в пол-оборота сидела поникшая усталая мама. Ситцевый белый платочек был завязан на затылке, какая-то синяя кофта дополняла мрачный образ. Рядом с мамой на высоком диване в белых пелёнках лежал Он – ребёнок со сросшимися

на переносице чёрными бровями. Мама Тася предупреждающе отвела руку с сторону, чтобы Алла близко не подходила. Через секунду лицо младенца покраснело, и раздался плачь. Жизнь Аллы круто изменилась. Всё, Алла стала самостоятельной, или сама по себе. Родители бурно с благодарностью обсуждали, как живущая через дом от них, жена командира части Анастасия Петровна не отказала в просьбе и попросила мужа Александра Леонтьевича срочно выделить машину и доставить роженицу в Елизаветградку. На рассвете яркого солнечного воскресного дня 23 июля 1967 года Таисия родила черноволосого, чернобрового и черноглазого сына! Какое-то время выбирала имя между Валерием, Игорем и Олегом. Михаил имя Игорь даже слышать не мог, потому что имя Игорь носил полицейай в Косище. Миша согласился с именем Олег: «Алла и Алег». Не знал, что имя Олег происходит от имени Ольга – Ольг. Перекупили старую коляску фасона 50-х годов с низкой посадкой. Миша катал коляску с сыном по лесной бетонной дорожке вдоль Финских домиков. А там, в конце аллеи, новая баня, напротив – новый госпиталь, за ним – настоящий город. Уже построено десять четырёхэтажных благоустроенных домов. строились ещё дома. Ещё в Вологде (Чёбсаре) запрещали говорить и писать родным, что «вы куда-то переезжаете, что меняется климат», адрес один: войсковая часть 42687 или 14427. В 1966 году городку был присвоен почтовый адрес: Кировоград-25, улица Титова. Так как Кирово-градов в Советском Союзе было

несколько, то Тася в письмах мачехе писала обратный адрес, начиная с указания республики – Украина или УССР.

В сентябре стали расселять семьи из Финских домиков. Домики перестроили, из временных сооружений получились нормальные благоустроенные домики со всеми удобствами и всего не две семьи. В сентябре сдали очередную кирпичную четырёхэтажку – дом номер 206. Михаилу выделили квартиру номер 11 на третьем этаже, двухкомнатную с северо-западной ориентацией комнат, с балконом. Это была классическая «хрущёвка», но новая, со всеми удобствами, с газовой плитой и, практически, неограниченной возможностью использовать сжиженный газ пропан-бутан из резервуара, стоящего через двор, напротив 206-го дома. В такой же квартире этажом ниже поселилась семья Толика. Из окна открывался вид на степь, перемежающуюся холмами и залитую солнцем. Слева виднелись хатки и зелёные садочки. Село называлось Беляевка. При более пристальном рассмотрении метрах в ста от дома в поле виднелись белые бетонные столбы и колючая проволока. В двадцати метрах от дома в два ряда высажены деревья. Деревья оказались диковинные, доселе невиданные Таисией. С гроздьями белых ароматных цветов в мае – белая акация! Таисия видела только кусты жёлтой акации, скромно теснящейся у госпиталя. Красота! Но в день переезда родители Аллы были на взводе. Полуденное сентябрьское солнце ещё припекало. Раскрасневшийся Миша в форменной рубашке с расстёгнутым воротом, вместе с

солдатами носил вещи: кривоногий шкаф из Петрикова, маленький красный диванчик, «тронный» самодельный диван, кухонный стол-шкаф, тюки с одеждой и домашним скарбом, телевизор. Алла не знала куда ей встать, где сесть. Таисия тоже была раздражена: ей надо было где-то сесть в уединении, чтобы покормить младенца-сыночка. Но закончился и этот суматошный день. Через какое-то время в квартире появился раскладной диван и большая настольная лампа с жёлтым абажуром. Алла в детский сад не ходила. Воспитательница по фамилии Алябина покрикивала на Аллу: «Что ты здесь ходишь? Твоя мать не работает, дома сидит. И ты сиди дома». Уже был обустроен большой двор между домами 204, 206, 205. Дети дошкольного возраста собирались в песочнице. В нагрузку Алле выдавалась коляска с братом. Таисия периодически выбегала из квартиры с северной стороны дома в подъезд, на южную сторону и кричала через открытую фрамугу: «Как ты поставили коляску?! Ветер метёт песок прямо в коляску!» Долго это не могло продолжаться, Тася выбегала во двор и забирала коляску и сыночка. (Ветры в степи знатные: сильные, сухие, горячие).

Куда и зачем солнечным полднем Алла и мама ходили, Алла не помнит. Помнит, что строились дома 211 и 213. Кругом грязь, горы рыжей глины, кирпич, стройматериалы, кабели, шланги. По спирали лежащего в грязи шланга ходила девочка, как из детских книжек Агнии Барто: красное пальто, такой же красный берет, две русые косички. «Мама, смотри, какая девочка! Она ходит...», – Тася не дала договорить дочери: «Девочка старше тебя, идёт со школы. А тебе так ходить не надо».

Миша получил долгожданный отпуск. Решено было разгрузить Тасю – оставить её один на один с плачущим днём

и ночью сыном, а Миша забрал с собой Аллу, и вперёд – в Косище. Добирались долго. Алла запомнила (раз и навсегда!) пустые деревянные полки вагона, отца Михаила и себя, сидящую напротив. Папа с такими же ясными глазами, как у Аллы, вёл странные речи, пытался объяснить, но больше получалось запрещать говорить, где мы живём, как мы живём. Немногословная дочь замкнулась. Из дороги помнила солнечный и холодный день в Муляровке, огромный грязный самосвал, с водителем которого папа Миша договорился «подбросить» до Косище. В деревне они вошли в дедовский дом. В пустой залитой солнцем комнате стояла красивая, лакированная скамья со спинкой и подлокотниками. Михаил разрешил присесть Алле на краешек скамьи, сам долго стоял у окна... Потом пошли на другой конец деревни к Броне. Собралось много взрослых дядек и тёток. Алла отвечала на единственный вопрос о своём имени. Хозяйка заметила, что девочка не ест из общей тарелки: «Городская». Принесли отдельную миску и ложку. Но девочка, как зачарованная смотрела в общую тарелку с супом и плавающее там чёрное большое пятно: «Что это?» За столом разразился смех: «А как это вы живёте, Мишка, что ребёнок гриба не видел?» За едой и общими разговорами про Аллу опять забыли. Ей было скучно, она слегка дёрнула за рукав сидящую рядом Ольгу (тётю Олю): «А у нас мальчик есть». У сидящего по правую сторону от дочери Михаила ложка застыла в руке. «Да, у меня родился сын», – сильно смущаясь доложил Миша сво-

ей родне. Ещё несколько дней Миша с дочерью прожили у Ольги в Бабуничихах. Ольга не могла нарадоваться племяннице: тискала её, водила за руку на луг показывать пасущихся лошадей. А Мишу задели прощальные слова Брони: «Где бы ты и сколько бы ты не ездил, всё равно вернёшься в родную хату». Миша думал иначе. Он был и обут, и одет, сыт, получал денежное довольствие, жил с семьёй в квартире со всеми удобствами, был военным, человеком государственным, знал и свято хранил военную тайну.

***

Любая информация, связанная с 12-м Главным управлением Министерства обороны имеет высшую степень секретности. Вплоть до середины 90-х годов за одно упоминание можно было понести уголовную ответственность и угодить за решётку. Двенадцатое ГУМО отвечало за разработку, охрану и боевое применение самого мощного оружия – ядерного. Объекты под литерой «С» – арсеналы с сотнями единиц хранения ядерных боеприпасов, где осуществлялась работа ремонтно-технической базы, обслуживание и хранение специзделий. Серьёзный, ответственный Михаил Никитич не остался без внимания командиров, начальников РТБ. В мае 1968 года он был переведён в войсковую часть 14427 техником боеприпасов.

Михаил шёл по бетонным коридорам, поднимался, опускался вниз на этажи. Воочию видел результаты труда «своих» солдат-строителей, понимал теперь для чего строились

эти сложные бетонные сооружения.

«Чтобы оборудовать места для хранения специзделий и рабочие места, потребовалась напряжённая работа личного состава отделов ИТС и ремонтно-технической мастерской».

У Михаила дух захватывало от знания военных тайн и от собственной значимости.

«Из промышленности стали поступать боевые части ракет ракетных войск стратегического назначения (РВСН) для оснащения 46-й и 19-й ракетных дивизий».

За годы службы офицерам ИТС, и Михаилу в том числе, приходилось бывать лично или работать со специзделиями в Первомайской 46-й ракетной дивизии (города Балта, Умань), в Хмельнице (19-я РД); с более мелкими изделиями для сухопутных войск – в районах населённых пунктов Сарата, Колбасная, Веселовка, Хировка Кировоградской области; для военно-воздушных сил в Канатово (г.Кировоград), Тирасполе, Вознесенске; для войск противозенитной обороны в районе Николаева и Котовска. Не редкими были «военные тревоги». Прибегал солдат, звонил в дверь и убежал, следом за ним убежал папа Миша. В один из вечеров февраля 1969 года по тревоге ушёл Михаил, Таисия с двумя детьми сидела дома в кромешной тьме. Командиром было приказано всем жителям городка соблюдать светомаскировку. Алле казалось всё таинственным. (В последующие годы, когда объявлялась тревога, Алла ждала, что прикажут

выключить свет; но не было в этом необходимости).

***

Зима 1969 года выдалась снежной и холодной. Двор между домами 204, 206, 205 превратился в одну большую снежную долину высотой около полутора метром. Мальчишки-школьники прокапывали в этом огромном сугробе ходы, целые катакомбы. Кто-то из мальчишек снисходительно разрешил зайти в лабиринт. Алла сделала несколько шагов, но осознала свою неповоротливость в цигейковой шубе и дала задний ход. Пришла домой. Мама Тася уже узрела катакомбы и назидательно наставляла дочь: «Ты хоть не вздумай заходить в вырытые проходы, снег обвалится и задохнёшься». Алла мысленно ответила: «Я там уже была...». Появились подружки во дворе Таня Турта и Юля Воробьёва. Семья Воробьевых (отец Виталий, мама – тётя Шура, брат Саша) приехали из Семипалатинска. Им дали трёхкомнатную квартиру в 204 доме в третьем подъезде на третьем этаже. Юля была похожа на казашку: раскосые глаза и смуглая кожа; шустрая девчонка, но добрая. Юля рассказывала, что там, где они жили прежде, в Казахстане, часто были землетрясения небольшие, звенела посуда в шкафчике. Только спустя годы стало понятно девочкам, что являлось причиной землетрясения в степях Казахстана близ Семипалатинска.

К зиме сдали 211-й дом с высоким парапетом, со ступеньками, с тремя магазинами на первом этаже: молочным, мебельным, хлебным.

В высоких стеклянных витринах от пола до потолка вертикально висели огромные пенопластовые буквы «МОЛОКО», «МЕБЕЛЬ», «ХЛЕБ». Зимой мама отправляла Аллу в молочный магазин. «Чего тебе, мальчик?», – спрашивала из-за голубого прилавка продавщица в белом халате и таком же белом колпаке. Комок обиды застыл в горле, через минуту, когда женщины в очереди начали громко шептать: «Говори», Алла выдавила из себя: «Я не мальчик». «Хорошо, девочка, давай бидончик», – быстро наливала молоко продавец. Со временем Алла выучила набор продуктов: две бутылки молока, бутылка кефира, триста граммов масла. Иногда покупала сметану в забавной, с точки зрения геометрии, баночке.

Зимой ходили в подготовительный класс. Не нравилось это мероприятие Алле. Командование части организовало вечернюю школу для тех, у кого не было полного среднего образования. Ходил в вечернюю школу и Михаил.

Поездка в Свердловск. 1969г.

Запомнилось Алле лето 1969 года. В июне всей семьёй поехали навестить «мою Валечку». Михаил: молодой интересный мужчина, в новом тёмно-синем костюме, кремовой нейлоновой рубашке, галстук, в кожаных туфлях. Таисия: на голове невысокая «Бобетта», укороченная узкая юбка, короткий жакет с карманами-клапанами, четыре большие перламутровые пуговицы, – и всё это исполнено в тёмно-синем плотном трикотаже; на ногах – светло-серые «лодочки». (Прямо скажем, не дорожный вариант). Ехали через большие города – столицы Киев, Москву. К красивой семейной паре прилагалось двое детей и совершенно новый пластиковый чемодан. С Киевского вокзала на Казанский – на метро. Миша нёс чемодан, Алла должна была держаться за ручку чемодана (правда, за неё держался папа Миша). Алле строго-настрого приказали не отставать и не потеряться. Тася несла на руках двухлетнего сыночка с круглыми надутыми щеками и круглыми чёрными глазами. На Казанском вокзале Михаил определил своё семейство в зал ожидания для военнослужащих. («Это вам, деревенские родственники, не в деревянной станции с мешками на полу сидеть»). Поезда в Свердловск ожидали целый день Алла иногда подходила к окну.

За окном из низкого серого неба моросил дождь; при-

вокзальная площадь вся заставлена легковыми машинами. Олежка кочевал из одних родительских рук в другие. Маялись до вечера. Наконец сели в отдельное купе фирменного поезда «Урал», все почувствовали и оценили комфорт и высокий уровень обслуживания.

Ехали больше суток. По приезду удивило то, что время было на два часа больше. Мама долго объясняла Алле про часовые пояса. Алла пыталась понять, но потом пришла к выводу, что лучше принять всё на веру. Новые виды, как и новые впечатления менялись быстро: трамваи, двухэтажный деревянный дом, деревянная лестница на второй этаж, коммунальная квартира, общий коридор и кухня, маленькая комнатка с окошком, печка в углу, шкаф, диван и чёрное, блестящее пианино, рядом крутящийся стульчик. Мама Тася сразу приступила к расстановке запретов: не крутиться на стуле, не стучать по клавишам пианино, ничего не трогать – всё чужое. Первую ночь Алла не спала, ей мешал шум большого города, особенно звон трамваев. А утром следующего дня разразился скандал. Тётя Валя вечером сварила целую кастрюльку мяса (дефицитного продукта!) и оставила остывать её на общей кухне. Утром она испытала ужас, увидела пустую кастрюлю. Всё съел сосед-пьяница. (Нет совести у пьяниц ни при Советской властью, ни при царской, ни перед Церковью; превращаются в животных. Сосед работал сантехником. По пьяни гонял своих двух дочерей и жену, корпулентную женщину-повара по квартире со словами:

«Отес-с я вам или не отес-с?». Однажды зимой Валя, будучи девушкой плотного телосложения, спустила невысокого субтильного соседа с лестницы; застучала его в момент воровства её цигейковой шубы из общей прихожей).

Валя, «моя Валечка», была активным человеком. Пока Таисия создавала семью, Валя бросила тяжёлую посменную работу на хлебомакаронном комбинате (параллельно училась в вечерней музыкальной школе при Свердловской консерватории), поступила в художественное училище. Но через две недели бросила, так как в процессе обучения требовалось покупать холсты, кисти, краски. Дорогое обучение. Денег на это у Вали не было. Поступила в педагогическое училище, где активно преподавали фортепиано.

Ночью работала в кафе: пекла булочки. Валию подкармливали, оставляли ей и кусок сыра, и кусок масла. Учёбу и работу совмещать тяжело, училась через пень колоду, стипендию не получала, была дерзкой, наглой, пропускала занятия. После окончания училища не долго работала воспитателем, потом попала в свою стихию, её перевели музыкальным работником детского сада. Подруга по училищу по фамилии Лерман помогла получить комнатку в коммуналке. (Великое счастье своё жильё!) На первую зарплату купила хрустальную вазочку с мыслью: «Хочу, чтобы меня окружали красивые вещи». Следующая покупка была серьёзной – пианино: «Мне нужен инструмент». Научилась шить. Была модной. С любовью и личной жизнью не заладилось, хотя ходи-

ла в походы, в том числе в лыжные. К Алле у Вали, у тётки Вали, было особое отношение, как к кукле. В длинный «конский» хвост пепельно-русых волос Аллы тётушка накрутила несколько крупных бигудей. Когда утром, Алла посмела высказаться о том, что бигуди ей мешали спать, услышала высокомерно-резкое: «Красота требует жертв». «Какая красота? Какие жертвы? Зачем это всё?», – думала Алла. Зато Валя знала свою цель. Весь день она таскала племянницу за собой. Сначала на работу в детский сад, где была продемонстрирована Алла в новом летнем платье (Валя научилась хорошо шить и приобрела электрическую швейную машину с педалью) с локонами в волосах. Потом потащились к подруге с необычным именем Лиля, живущей в тёмной квартире на верхнем этаже. Тётя Валя крутила Аллу за руку, показывая со всех сторон, и сетовала, что локоны распрямились. По возвращении домой, Аллу отправили играть в песок (песочницей это назвать нельзя), а тётя Валя и её подруга Нина Мельникова наблюдали за девочкой из окна и приговаривали: «Какая красивая девочка!» А девочка отупела от этого женского общества, ей не нужны были эти комплименты, ни она, ни родители, ни окружающие люди не считали её красивой.

Программа отпуска была насыщенной. Полностью экипировали Аллу к школе: школьное платье, чётный и белый передники, ленточки в косички (белые, коричневые, чёрные). Тётя Валя и мама ратовали за ранец, но Алла точно знала,

что с такой конструкцией ни одна девочка в школу не ходит. В результате купили очень симпатичный серый с белой отделкой по карману портфель. Тася приобрела себе роскошное модное пальто цвета какао и шарф на высокую «Бабетту». Валя подарила сестре модную в виде позолоченной дужки оправу для очков. Валя носила модную оправу с обычными, неоптическими стёклами: «Модно-то!» В воскресенье Алла попала под культурно-массовое мероприятие – поход в кукольный театр.

После спектакля Алла не отвечала на многочисленные вопросы тёти Вали, потому что спектакль (кажется, ставили «Золотой ключик») не понравился. Было плохо видно, мно-

голюдно, душно: «То ли дело мультфильмы! А не этот примитивизм». А вот в фойе понравились аквариумы с рыбками и водорослями, и даже запомнилось само слово «фойе»! В один из дней Валя и Тася с детьми вышли прогуляться в конец улицы 8 Марта, чтобы увидеть из далека трамплин, бурно расхваленный Валею. Холодно было до безумия – все надели пальто. Алла недоумевала и периодически спрашивала маму, какое нынче время года?

С Украиной было не сравнить. Родители ходили в кинотеатр на премьеру «Бриллиантовой руки». Под занавес отпуска поехали на электричке в Нижний Тагил к «матушке» Полине Семёновне. Конечно, она плакала. Плакала о величайшем горе, о погибшем в 1964 году сыне Толике. (Анатолий Степанович погиб во время прохождения срочной воинской службы в Ташкенте, там и похоронен). Ездили на кладбище. Полина Сергеевна показала место, где, ориентировочно, похоронен отец Степан Кириллович. Таисия и мачеха плакали, Алла молчала и всех жалела, Валентина выказывала всем своё недовольство и недоумение.

Кировоград-25, ул.Титова.

Тёплой летней ночью, когда густая листва на деревьях играла в сказочные тени, а штаб представлялся замком, семья вернулась в свой военный городок – Кировоград-25. Они шли по пустой улице в свой дальний двор, и не переставали сравнивать холодный пыльный воздух Свердловска и тёплый, ласковый, пахнувший степными травами, родной воздух Городка. Так приходило осознание Родины и счастливого детства.

***

Михаилу поручали набор новобранцев, быть «покупателем» в Московском военкомате. Михаил улучил несколько часов свободного времени и обратился в Архив Министерства обороны СССР. Искал Клевцова Фёдора Корнеевича, старшего брата; боль от утраты которого не затихала в сердцах родных. Архив выдал короткую справку: «Клевцов Фёдор Корнеевич младший сержант, наводчик, пропал без вести в 1941 году». Ничего нового Михаил сёстрам сообщить не мог...

***

Таисия и Михаил жили дружно, устраивали семейные праздники. После Ноябрьской демонстрации и парада приходили домой продрогшие. (Как правило, 7 ноября было очень холодно, и имело место быть зимняя форма одежды и

для военных, и для гражданских, и, конечно, детей). Таисия накрывала праздничный стол в большой комнате с обязательным салатом «Оливье» с майонезом, тушёной курицей, любимым Тасей картофельным пюре. Миша с детьми торжественно шёл в кладовку для выбора стеклянной баночки с консервированными помидорами или огурчиками. Поход в кладовку непременно заканчивался водружением на праздничный стол трёхлитровой банки с целыми небольшими грушами. (Классические рецепты консервации соблюдались неукоснительно букве «Домоводства», самому значимому предмету Тасинога преданного). Новогодний стол дополнялся Сметанным тортом: песочным, с многодневной сметанной пропиткой. Первомайскому столу доставались консервированные яблоки. Тоже очень вкусно, но Олег на всю жизнь полюбил грушевый компот. На все праздники Тася (Миша присоединялся) готовила детям подарки. Как минимум целлофановые мешочки с конфетами, а как максимум: под ёлкой игрушки, познавательные настольные игры, «Футбол», фен. На день рождения Олегу подарили велосипед «Орлёнок».

Родители почти каждый год ездили по путёвкам в санатории, порознь, конечно. Объездили Кавказ, Крым, Карпаты, Миша летал во Владивосток. Таисия присылала с Кавказа хурму «Королёк» в фанерном ящике. (Далеко не все граждане Советского Союза знали, что такое хурма); из Феодосии – шикарный венгерский купальник для Аллы, коф-

точки, шарфики. Из Ленинграда Миша привёз Таисии модное кримпленовое платье бежевого цвета, из Владивостока – платье-матроску и красивую куртку с трикотажными манжетами для Аллы. Утром дети просыпались, а в прихожей стояли чемоданы и сумки – родитель вернулся домой, вечером будет праздник. Но самым светлым был день 1 сентября – День рождения мамы Таси и начало учебного года! Сколько не готовились к 1 сентября, а утром была суматоха. Портфели собраны, форма наглажена. Но одеться, позавтракать и самое главное поздравить Маму! Одним солнечным перво-сентябрьским (во второй половине семидесятых) утром Миша потребовал, чтобы Таисия встала у окна на табурет. Дети захлёбывались от радости, Миша смеялся: все вместе поздравляли маму Тасю. Потом Таисия Степановна торопилась на работу окутанная свежим воздухом сентябрьского тёплого утра, городок напоминал цветник – каждый ученик в парадной форме нёс букет цветов: «Всеобщий праздник! В какой хороший день я родилась! В какой яркий и радостный праздник! Праздник для каждой семьи и для моей работы!»

Михаил, как и многие другие жители городка, раскопал участок целинного чернозёма. Когда копал, Тася предусмотрительно попросила его оставить пруттик, торчащий из земли. (Через десять лет собирали с роскошного дерева абрикосы-колировку). Миша развёл клубнику, сорт «Днестровский» – крупная и вкусная. Плодородная украинская земля родила помидоры: «Воловье сердце», «Сливка», розовые,

жёлтые. В августе не знали куда их девать. Миша и Тася до глубокой ночи давили на соковыжималке томатный сок и даже консервировали томаты в собственном соку. В двухкомнатной квартире, в дальней «детской» комнате в кладовке Миша сделал из досок полки, которые были заставлены стеклянными банками с помидорами и томатным соком, огурцами, компотами из яблок, груш, слив, вишен.

***

Михаил служил во втором отделе ИТС. В военном билете по-прежнему было записано «техник боеприпасов», но появилась кличка «Законник», и должность не официально называлась «библиотекарь» секретных формуляров и документов на специзделия. От Михаила требовалась предельная внимательность, аккуратность, чёткость. Ему нравилось работать с документами, это занятие соответствовало его характеру.

В 1970 году в СССР проходила перепись населения. Михаил Никитич был назначен переписчиком. Опять пригодились аккуратность, чёткость, внимательность при работе с документами и людьми. По завершении переписи населения Михаила наградили значком «Перепись населения СССР. 1970 год». Михаил побывал во многих квартирах, видел, как живут семьи молодых офицеров, как разительно изменилась мода на мебель... Миша ещё в 1966 году, при жизни в Финских домиках, купил стиральную машину «Riga». После прочтения инструкции по эксплуатации этого электрического

(и, кажется, несовместимого с водой и мокрыми руками!) агрегата, Тася упорно его боялась и стирала в корыте. Зато в благоустроенной квартире номер 11 Алле нравилось отжимать бельё через два валика. В июле 1967 года, незадолго до рождения сына Олежки, Михаил приобрёл телевизор! Телевизор не смотрели, не было заветного кабеля, но уже в 206 доме в одиннадцатой квартире чёрно-белую «Берёзку» смотрели с удовольствием. Было две программы (зато какие!): всесоюзная и украинская. По всесоюзной смотрели историческую эпопею «Угрюм-река», а по украинской Алла любила смотреть украинские танцы: и Гопак, и гуцульские, слушать Национальный заслуженный академический народный хор Украины им. Верёвки, песни на стихи Г. С. Сковороды. Алла выпитывала в себя великую и прекрасную культуру Украины.

Михаил работал в большом нервном напряжении. Отдыхала душа крестьянина на огороде или за столярным делом. Миша сам сделал современные кресла, журнальный столик на трёх ножках, столик под телевизор и покрыл чёрным лаком. Сам придумал, спроектировал и сделал из фанеры шкаф в прихожую, выкрасил его в жёлтый цвет.

Алла училась в школе. Дети «призыва» 1969 года учились по новой «московской» программе; учились писать сразу шариковыми ручками, и решать задачи с помощью уравнения. Олег был «проказным» малышом. В четыре года вместе с другом по фамилии Рыбаков рванули в лес, ушли далеко вдоль периметра – колючей проволоки. Их выловил пат-

руль. Старший сказал: «Я, кажется, знаю чей это черноглазый мальчик». Таисия уже «рвала на себе волосы», когда через час ей вернули сына.

Все дети с восторгом бегали на вертолётную площадку, когда там приземлялся вертолёт. Не редкостью были тревоги (учения). Подробно никто ничего из «гражданского населения» не знал. В октябре 1971 года Таисия отдыхала по путёвке профсоюзов в Доме отдыха «Красные Зори» (г. Одесса), не просто в Доме отдыха, а в Доме отдыха Матери и ребёнка; конечно, рядом с ней был тот самый ребёнок – сын Олег. А дома, в Кировограде-25, объявлена тревога. Миша был озадачен. Попросил соседку Машу Заяц присмотреть за дочерью, отправить её утром в школу. А Аллочке на прощание сказал: «Ты никому ничего не говори, но знай, мы улетаем в южном, одесском направлении. Если я не вернусь...». Алла запомнила этот разговор на всю жизнь. Из разговоров школьников знала, что некоторые военные боялись летать, но её отец – десантник. Скорее всего Михаила и других офицеров заинструктировали и заставляли опасаться ядерного оружия, испытания специзделий в полевых условиях. («В семидесятых годах в войсковую часть стали поступать спецбоеприпасы к 203-мм гаубицам и 240-мм миномётам»). Через сутки или двое городок зажил в привычном спокойном ритме. Михаил вернулся домой. Вскоре вернулись домой Таисия и Олег. Алла доверила военную тайну только этому листу бумаги. В душе гордилась отцом, всеми военными «сво-

его» городка и сопричастностью к военной тайне.

Таисия Степановна пошла работать воспитателем в детский сад, знала многих детей в городке и, естественно, родителей. В 1967 году

постановлением ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС введена пятидневная рабочая неделя с двумя выходными днями. В городок действие Постановления пришло спустя годы. У военнослужащих свой распорядок, а, например, школа и детский сад работали по субботам до обеда. Позже график работы детского сада по субботам предложили на рассмотрение родителей. В каждой группе провели

опрос родителей (вот, что значит скромная советская демократия). К великой радости Таисии Степановны большинство родителей согласилось проводить субботу и воскресенье со своими детьми, но, например, отец Вовы Гомова долго не соглашался видеть младшего сына дома. Но демократическое большинство победило. А по субботам старшие дети были в школе. Зато вторая половина субботнего дня была самой приятной за всю неделю. Алла возвращалась домой, а там чисто-начисто убранная родителями квартира и пахло пирогами. Мама Тася по субботам покупала готовое тесто в столовой; начинку делала из сушёных грибов, которые присылала тётя Оля из Белоруссии. Вот оно детское счастье и осознание домашнего очага.

Интересное, необычное, пропитанное военным (государственным) духом детство было в нашем Кировограде-25. Младшие играли и в «Вышибалы», и в «Казачи-разбойники», прыгали через скакалки, мальчишки играли в «Войнушку». Зимой заливали на стадионе каток! Играли круглый год, особой популярностью пользовались погреба, выкопанные жителями для хранения припасов на зиму в районе огородов. В младших классах для Олега эта игра была любимой. Олег был озорным мальчишкой, но младших друзей не обижал, был добр к ним. О народных, славянских традициях дети тоже слышали. В начале июля дети решили устроить старославянскую игру – прыжки через костёр. Вечером на углу между домами 204 и 206 разложили костёр. Одним из пер-

вых прыгал Олег. И не перепрыгнул. Подошва детских сандалий прогорела мгновенно и обожгла ступни. Миша шёл со службы, увидел костёр услышал дикий ор Олежки. Схватил сына на руки и помчался в госпиталь. Этот километр Миша пробежал быстрее автомобиля «Скорой помощи», быстрее броска разветроты ВДВ; сердце у отца чуть не выскочило. Конечно, малышу оказали первую помощь, положенную при ожогах. Миша нёс на спине сыночка, который крепко обхватил отца за шею, а по бокам торчали две белые перебинтованные ступни: «Папа, родной папа». Для старших организовывались «Зарницы» после конкурса строевой песни. Не забывал школьников и особый отдел, и политотдел. Иногда проводились инструктажи о секретности, а вернее, о неразглашении тайны о месте жительства.

Члены семьи боялись знать военную тайну, попросту не знали её. Часто проводились учения, в том числе по инициативе местного командования. Первые годы «Тревогу» объявляли по телефонам и бегали посыльные солдаты. В середине семидесятых годов в каждом подъезде повесили звонки, аналогичные школьным, управляемые централизованно. Время сбора – считанные минуты. Когда объявят сбор неизвестно. Михаил, будучи человеком ответственным, не мог подвести сослуживцев из второго отдела. Дети, Алла и Олег якобы легли спать в своей комнате, Тася на диване – в большой проходной комнате. В квартире воцарилась тишина. Михаил в полевой форме лёг в коридоре, Михаил в полевой форме лёг

в коридоре, но на дощатом полу было крайне неудобно, переместился на красную ковровую дорожку. Все ждали звонка, и он прозвенел. Михаил одним из первых прибежал к пункту сбора. Ещё Алле запомнился случай, когда папа Миша принёс домой костюм химзащиты и тренировался его одевать на время. «Секундомером», человеком с секундомером была дочь Алла. Кругозор детей значительно расширился. Они щупали синтетическую светло зелёно-серую ткань, на всю жизнь запомнили неуклюжие бахилы с завязками, комбинезон, рукавицы, противогаз. Алла не преминула натянуть на себя противогаз: «Дело дрянное. Дышать нечем. Ещё в нём и бежать?»

В классе втором или третьем Алла заметила у своего подъезда девочку с косичками в красном пальто и красное берете. Оказывается, она жила в том же подъезде на втором этаже. Они подружились.

Дружбу пронесли через всю жизнь, хотя жизнь ещё продолжается. Таня Романова приехала из Оленей Мурманской области, но бабушка и прабабушка жили в Ленинграде. Это уже история другой семьи. Детей окружали интеллигентные, умные, воспитанные люди. А какие учителя были! Как хорошо учили! Как правильно и грамотно мы говорили на русском языке! На «отлично» знали математику и химию! О репетиторах не было и речи. Интеллигентная мудрая се-

мья была у Хлебниковых. Алла училась отношениям между людьми. Но мир за пределами колючей проволоки был грубее и жёстче. Военное дело в 9-10 классе проводилось по всем правилам: форма (военная рубашка, пилотка), и строевая подготовка, и сборка и разборка «Калашникова», и стрельба. На настоящем стрельбище! Из детей воспитывали патриотов, мужественных, ответственных, трудолюбивых людей и коллективистов. В июне седьмым и девятым классам организовывали трудовые лагеря под Одессу на прополку виноградников, в Чапаевку под Черкассы на прополку подсолнечника и кукурузы, в село Ставидло – тоже на прополку. В Чапаевке, на заработанные деньги, учителя купили детям клубнику; рядом – рукава Кременчугского водохранилища, купались...

26 июня 1979 года организовали выпускной вечер в школе. Помимо выпускников пришли и родители. Пришёл и Михаил с Таисией. Все выпускники, родители и учителя – в нарядных светлых одеждах. Ещё светило яркое солнце на накрытые столы, когда в дверях актового зала появился человек в военной форме и робко объявил «Тревогу». Десятый класс выпуска 1979 года скромно отметил окончание «общеобразовательной средней школы № 161 при войсковой части 31600 г. Москва, К-160». Городок был пуст. Выпускники встретили рассвет на вертолётной площадке вместе со своим классным руководителем. Утром городок казался пустым. О жизни напоминали голоса в детском саду. После полудня во

дворах стали появляться военные в полевой форме с измождёнными, коричневыми от солнца и пыли лицами. Алла вышла из дома в новом, сшитом тётей Валеёй, платье. (платье из искусственного шёлка; рисунок, как тогда называли, купонный с синими, фиолетовыми, голубыми цветами). На душе пусто, вернее страх от внезапно появившейся свободы: уже не школьница... Во двор вошёл отец с уставшим грустным лицом: «Ты бы отдохнула. А то скоро в институт поступать».

В первых числах августа 1979 года Миша шёл по знойной улице Кировограда мимо двухэтажного большого старого здания из красного кирпича. На противоположной стороне улицы – высокий бетонный забор, кажущийся бесконечным; КПП, редкие военные в форме ВДВ. «А ведь я уже здесь был... Когда-то». Тем временем Михаил подошёл к современному семиэтажному зданию – корпусу физико-математического факультета Кировоградского пединститута. В тот день Алла сдавала свой первый вступительный экзамен – «Математика (устно)». Миша стоял в тени старых тополей. На высоком крыльце, залитом солнцем появилась худенькая невысокая девочка. «Руки у лица. Неужели плачет? Нет, поправляет чёлку», – ужас пронёсся в уме и сердце Михаила. Он очень, очень хотел, чтобы его дочь училась в институте, получила высшее образование; очень переживал за неё. К счастью, всё сложилось, Алла поступила и училась в институте. Иногда, по выходным, приезжала в родной Кировоград-25, ходила на танцы в Дом офицеров. Было весело, при-

ходили и старшекласники, и студенты, и лейтенанты.

Начало знойного, спелого августа 1981 года. Алла и Олег недавно вернулись из пионерского лагеря, относящегося к ведомству 2-го управления и организованного близ военного городка Белгород-22. Алла проходила практику как вожатая, а Олег – член старшего отряда. Поздним утром Алла разбудил грохот. Алла прислушалась: «Нет, это не двигатель машины, не мотоцикл». Взглянула за окно. Там за колючим периметром по стерне от скошенного пшеничного поля в клубах коричневой пыли двигались танки. Танки приближались к периметру, разворачивались и удалялись. К восьмидесятым годам в в/ч 14427 от идеи о великой конспирации танками отказались. Танки давно вывезли. Скорее всего проводила учения 41-я гвардейская танковая Корсунь-Дунайская ордена Суворова дивизия с дислокацией в г.Умани Черкасской области. В том же году Михаил купил автомобиль ВАЗ-2101 «Жигули». (Благосостояние семьи росло). В августе, в свой летний отпуск Михаил и Алла поехали в Белоруссию, в деревню Бабуничи. Ехали августовским мягким тёплым днём через, ставшую родной Украину, Белоруссию. Миша был горд тем, что он смог вырваться из беспросветной крестьянской нужды и ехал на собственном автомобиле по дорогам, где в отрочестве ходил много километром пешком. Сестра Ольга бесконечно, как она говорила, была рада брату и племяннице. Но понять жизнь военнослужащего брата никто не мог. Крестьяне считали всех городских, всех не кре-

стьян, бездельниками.

***

В войсковой части 14427 ещё не раз проходили учения с доставкой специзделий в части ВВС и ракетные войска. Михаилу Никитичу были знакомы контейнеры авиабомб, растяжки для специзделий и многое другое; ценил и уважал офицеров-инженеров, с которыми служил. По-прежнему все военные: офицеры, прапорщики, солдаты носили в петлицах эмблему танка.

«Холодная война» не прекращалась. С 1975 года наши соединения по решению Министерства обороны стали именоваться «Специальными войсками Резерва Главного командования». Еженедельно проводились политзанятия. После

некоторых занятий Михаил приходил домой, прямо скажем, расстроенным: «Что нас ждёт в будущем? Как вы, дети, будете жить дальше?» Периодически проводились учения, на которых отрабатывался большой комплекс задач: управление на марше, развёртывание в полевых условиях, техническое обслуживание специзделий, стыковка головных частей с ракетами, подвеска авиабомб к самолётам-носителям.

Выполняли приказы (вели непростую техническую работу) наши отцы: офицеры-инженеры, офицеры-политработники, командиры взводов, батальонов, врачи и многие другие, кто был патриотом и посвятил свою жизнь служению Родине.

***

Графа в военном билете: «Дата исключения из части и № приказа», ниже: «Апрель 1983». Военная служба Глушко Михаила Никитича закончилась.

УВАЖАЕМЫЙ

Михаил Никитич !

Поздравляю Вас с награждением медалью
«Ветеран Вооружённых сил СССР».

За добросовестную и безупречную службу
в Вооружённых Силах СССР объявляю
благодарность.

Желаю Вам доброго здоровья, успехов в
общественно-политической и трудовой
деятельности на благо нашей Родины.

Командир войсковой части 31600

маршал артиллерии

Е. Бойчук

Е. БОЙЧУК

“ 5 _____ апреля 19 83 г.

«Уважаемый Михаил Никитич! Поздравляю Вас с награждением медалью «Ветеран Вооружённых Сил СССР». За долголетнюю и безупречную службу в Вооружённых Силах СССР объявляю благодарность. Желаю Вам доброго здоровья, успехов в общественной и трудовой деятельности на благо нашей Родины.

Командир войсковой части 31600 маршал артиллерии Е. Бойчук».

Белоруссия. Девяностые.

Надо выбирать новое место для жизни и получения квартиры. Михаил долго думал, решил ехать на родину в Белоруссию, ближе к сестре Ольге: «Она мне как мать, она вырастила меня. Недаром по-деревенски меня называли Мишей Ольгиным. Надо помогать сёстрам». (В 1976 году умер брат Иван, похоронен на кладбище в Косище). Михаил выбрал город Мозырь, районный центр Гомельской области. (Кто служил в РВСН и знает, что такое «Пионер», знает где находится Мозырь). Тот самый Мозырь, который стоял на пути следования из Калинковичей в Ельск. Получение квартиры (по закону должны были дать в течение трёх месяцев) пришлось ждать почти полтора года. Олегу предстояло ещё год учиться в школе, десятый класс. Алла закончила институт и отправилась по распределению в село Цвитне преподавать математику. Войсковая часть Кировоград-25 активно расширялась. Каждый год приезжали лейтенанты и оставались служить прапорщиками вчерашние солдаты срочной службы. Молодым семьям не хватало квартир. Поэтому Тасия с сыном Олегом ещё год жила в общежитии в комнате на четвёртом этаже. Был оставлен или кому-то отдан огород и погреб, вырытый и оббитый дубовыми досками трудолюбивым Мишей.

«Военная пенсия. А ты ещё молодой», – рассуждало граж-

данское население, в том числе и родственники. Михаил переосмыслил жизнь, понял, что у свободы есть другая сторона – ненужность и бездомность. Нашёл в себе силы самостоятельно, без поддержки родственников, на которую рассчитывал, снять квартиру, найти работу. (В 1982 году введён в эксплуатацию Мозырский солевыварочный комбинат). В 1983 году Михаил Никитич с удовольствием приступил к работе инспектором отдела кадров (заведующий спецчастью). Работа с документами очень нравилась: чёткость, принципиальность, плюс красивый почерк. Пригодились умения, полученные ещё от одного хобби – переплётного. В Кировограде-25 Михаил совершенствовался в переплетении старых книг. Переплёл и сделал новую обложку с теснением в Таисином «Домоводстве» 1959 года издания. Из пачки листов формата А4 создавал тетради с твёрдыми обложками, обтянутыми дерматином разных цветов. (По истине руки золотые!) На новом комбинате смело взялся за переплёт документов в бухгалтерии. Помогала обустраиваться в новой жизни и сестра Ольга: выделила под гараж для нежно-зелёной «ласточки» грядку огорода. Миша из шиферных листов смонтировал гараж. Пётр, муж Ольги, недовольно морщился: «Дескать, сколько буряков можно было вырастить... Но да, ладно, любимый брат Ольги...» В гараже зимовали «Жигули», а в дом Петра и Ольги были разгружен первый контейнер, пришедший с Украины. (В Кировограде-25 Олег учился в 10-м классе, Таисия Степановна, как и прежде, работала в

детском саду. Жили в общежитии. Алла мужественно работала в Александровском районе).

Для всей семьи зима 1983-1984 года прошла сложно, необычно, порознь, по-новому.

Алла попала в замечательный учительский коллектив, жила на квартире, в хате-мазанке, у Лукерьи Васильевны, человека редкой души; учила сельских детей математике в 5, 6, 7, 8 классах, но на русском языке, по-украински говорить так и не научилась. К лету Михаил написал письмо в Кировоградское ГОРОНО с просьбой отпустить его дочь работать в Белоруссию, позволить не отрабатывать второй положенный по распределению год. В июне Алла получила свои первые отпускные. Не успела приехать к маме в воинскую часть, как мама сообщила, что есть «настоящие» джинсы (индийская ткань, тверской пошив) на неё и польские – на Олега. Алла с лёгкой душой отдала двести рублей маме на две пары джинсов. («Носили мы их радостно и долго!») В школе завуч у Аллы Михайловны поинтересовался: «Хорошие ли отпускные получили?» Алла радостно отрапортовала на всю Учительскую, что уже потратила отпускные деньги на две пары джинс. Коллектив был изумлён легкомыслием молодой учительницы.

Весь отпуск Алла провела в Мозыре, рядом с отцом. Видела, как он радовался выделенному от «Сользавода» месту под гараж (тоже одно из престижных приобретений!), как быстро уставал. И желание было, и возможности, сил не хва-

тало, здоровья... Получив аттестат с средним образованием, Олег помогал строить гараж. Но прежде Михаил с дочерью на зелёных «Жигулях» вернулись в родной Кировоград-25. Отправили к новому месту жительства маленький контейнер с оставшейся мебелью. Следом поехали Михаил и Олег, а Таисия и Алла остались увольняться. В конце августа 1984 года Алла и Таисия Степановна попрощались с секретной частью, с необычной неповторимой интересной жизнью. Семья восстановилась в городе Мозыре на съёмной квартире по улице, нет, не Строителей, а Нефтестроителей, дом 13. И началась другая, совсем другая гражданская жизнь. Работали, учились; помогали сёстрам Михаила в огородных делах. А работа в деревне не кончается никогда... И копали, и косили...

19 февраля (!) 1985 года – судьбоносный день. Михаил Никитич получил долгожданный ордер на трёхкомнатную квартиру. Думал, радости не будет конца, а пришло понимание, что молодость, деятельная часть жизни прошли, дети выросли; избавился от строгой военной жизни за проволокой, вырвался на свободу, а лучшие счастливые годы прошли в Кировограде-25, где его ценили, уважали, где он применял лучшие черты своего характера и ума: собранность, добросовестность, исполнительность, честность, трудолюбие, аккуратность, целеустремлённость. Стало шалить сердце.

27 апреля 1986 года в солнечный субботний день Алла принесла с работы страшную необычную весть. В девяно-

ста километрах от Мозыря на территории Украины в городе Припять ночью произошёл взрыв на атомной Чернобыльской электростанции, идёт эвакуация людей не только из Припяти, но и из пограничных белорусских деревень. «Может всё обойдётся? Может не всё так страшно? Ведь я находился рядом с ядерными боеголовками... И всё нормально», – проговорился первый раз Михаил Никитич. «Да?! Но они не взрывались рядом», – усугубила переживания и страх Алла. Мозырь не эвакуировали... Жизнь шла своим чередом. Олега призвали в Вооружённые силы СССР. К власти пришли другие коммунисты. Алла неоднократно вспоминала летний вечер, который внешне не чем не отличался от многих других... Алла вошла в зал, чтобы что-то взять на полке в стенке; отец, лёжа на диване, смотрел по телевизору «Время». Резко сел. «Что случилось?», – обернулась Алла. «Развалят страну, демагоги!!!», – выключил телевизор Михаил Никитич. «Такую страну! Советский Союз! Не развалят!», – подумала Алла. Но прошло совсем немного лет, и не стало нашей огромной любимой Родины – Союза Советских Социалистических Республик. Остались только приглашения на Референдум о сохранении СССР от 17 марта 1991 года; и талоны на водку, табачные изделия, «Товары для общесемейного пользования». Всё рухнуло как карточный домик.

Михаил Никитич уже не работал. Отдушиной был гараж, где всё обустроил чётко и аккуратно. Часто ездил к сестре Ольге в Бабуничи. Зимой надевал бушлат, оставшийся от службы в Вооружённых Силах. В семейном кругу тихо риторически возмущался: «Чем же вам не угодили коммунисты? Такую огромную страну отвоевали, защитили, победили в войне, отстроили!!! Чего же вам не хватает? Работайте, радуйтесь, живите в мире и доброте». 26 декабря 1991 года распался Советский Союз. Что происходило в родном Кировограде-25 мы не знали. Но внимательно следили за событиями (закладкой фундаментов и строительством новых домов в Мозырской ракетной дивизии по улице имени Малинина. Привезли бетонные блоки для новой девятиэтажки. Они пролежали несколько месяцев и, видимо, их увезли. В 1996 году ушла и дивизия – Пионер ракетных войск. Была расформирована Винницкая Армия, в состав которой входила Мозырская дивизия.

Становилось понятно, что военная тайна, свято хранимая Михаилом Никитичем и сотнями, тысячами военных, перестала быть тайной. Но Алла И Олег узнали о судьбе своей родины, Кировограде-25, спустя годы.

Пока их волновало здоровье родителей Таисии Степановны и Михаила Никитича. В 1992 году у Михаила Никитича случился первый инфаркт, потихоньку выкарабкался. 19 августа 1997 года (в светлый праздник – Яблочный Спас) Миша встал рано, чтобы пожелать сыну Олегу хорошего ра-

бочего дня (Олег работал на «Сользаводе»), а потом опять прилёг. Через полчаса почувствовал сильное жжение в груди, схватил нитроглицерин, позвал Тасю. В «Скорой» Тася пыталась укрыть Мишу одеялом, но он откинул его: «Жарко!» В восемь часов сорок пять минут в фойе больницы вышел врач. Было тихо и пусто, только на низкой узкой лавочке у окна сидела темноволосая с яркой сединой женщина. «Инфаркт обширный. Мы сделали всё, что смогли... Но спасти не удалось...». Тася тупо смотрела в одну точку. Врач продолжал: «Есть ли у вас родственники?» «Нет мы бывшие военные. Мы приезжие...». «Я тоже бывший военный врач. Из дивизии. Не долго живут военные...». Подошла медсестра: «А дети? А дети где живут? Где работают?» В лаборатории информатики Мозырского пединститута зазвонил телефон. Алла Михайловна взяла трубку: «Здесь в больнице в фойе Ваша мама сидит одна. Приезжайте». Алла ехала на «маршрутке» мимо залитого солнцем Собора Святого Архангела Михаила, видела много нарядных людей с корзинками яблок. Ни о чём не думая, Алла бежала по ступенькам вверх: «Второй этаж, третий... Мама!». «Всё, всё, Миши, папы больше нет». Вскоре прибежал запыхавшийся Олег. Он бежал с завода напрямик через поле. Сестра Ольга, овдовевшая в 1990 году, похоронившая сестру Броню в 1996 году, всю ночь причитала: «Браточек мой любимы, Мишка».

Тася не могла поверить и всё твердила еле слышно: «Ты, Миша, для меня был всем: и мужем, и отцом, и мудрым на-

ставником, и братом, и заботливым отцом наших детей. Был вспыльчивым и ласковым, горячо любил меня, сироту. Научил любить и меня, и сделал меня счастливой...» Похоронили Михаила Никитича в парадной военной форме с «танками» в петлицах...

***

Спустя годы, Таисия Степановна не раз повторяла: «Не дня не жалела, что не осталась на холодном Урале. Счастлива, что большая часть жизни пролетела в войсковой части, среди подтянутых красавцев военных на щедрой Украине». «В 1994 году не стало нашего соединения» – 341-го Крас-

нознамённого объекта «С», войсковой части 14427, арсенала ядерного оружия.

Даже вездесущая американская разведка не знала о Кировограде-25. А сотрудники 12-го управления за одну ночь вывезли всё ядерное оружие с Украины. «Думали ли офицеры тех лет о какой-то собственной выгоде, о карьере сутками находясь на службе, на боевых постах? Конечно нет. Все думали, что беззаветная служба необходима народу и, в целом, Советскому Союзу. Нам в страшном сне не могло присниться то, что произошло со страной, называвшейся СССР, её народом, Вооружёнными Силами, да и со всеми нами», – мысли и слова старого офицера РВСН.

***

В борьбе за передовое соединение войсковая часть 14427 награждена:

1971г.—Вымпелом ЦК ВЛКСМ.

1973г.—Занесена в книгу почёта Военного Совета войск и награждена Почётной грамотой.

1974г.—Переходящим Красным Знаменем войсковой части 31600 за 2-место.

1976г.—Переходящим Красным Знаменем и грамотой командира войсковой части 31600 за 1-место.

1977г.—Переходящим Красным Знаменем войсковой части 31600 за 2-место и вымпелом ЦК ВЛКСМ.

1978г.—Переходящим Красным Знаменем войсковой ча-

сти 31600 за 2-место.

1979г.—Переходящим Красным Знаменем войсковой части 31600 за 2-место и вымпелом ЦК ВЛКСМ.

1980г.—Переходящим Красным Знаменем в/ч 31600 за 2-место.

1982г.—Переходящим Красным Знаменем в/ч 31600 за 2-место.

1983г.—Переходящим Красным Знаменем в/ч 31600 за 2-место.

1985г.—Указом Президиума Верховного Совета СССР — орденом Красного Знамени.

***

Рухнул социализм и светлая мечта о будущем коммунизме. Из всех щелей полез национализм и безмерная жадность. Кажется, напрочь исчезло глубокое чувство патриотизма и вместе с ним память о правильном прекрасном дружном Союзе Советских Социалистических Республик. Ушли из обихода слова с глубоким значением: честность, совесть, ответственность, добросовестность, трудолюбие, «Пионер — всем ребятам пример», «Кодекс строителя коммунизма», уважение к старшим. Но остаётся надежда, что наше, некогда Советское общество, выровняется, вернутся общечеловеческие ценности — жизнь счастливого человека. Вера в Бога (в высшие силы) должна нам помочь. А мы будем продолжать дело своих отцов, бороться за справедливую жизнь в Белоруссии и России; с болью, тоской, надеждой и верой в сердце

наблюдать за некогда родной Украиной.

Общество потребления превращает человека в сущность без души. А у нас, у поколений советских людей душа была и есть! Какое счастье ходить в школу в форме, с бантами, в белом переднике, или в элегантном синем костюме, видеть каждый день своих друзей; играть в дочки-матери, «вышибалы», в «войнушку». Играть, а не участвовать реально; жить в мире под защитой родителей и под ядерным зонтиком, который держали наши отцы! Всё познаётся в сравнении. Жизнь катится своим чередом: с горестями и радостями, ка, впрочем, всегда в человеческом обществе.

Благодарность Родителям за то, что ВЫЖИЛИ в голоде, разрухе и нищете, создали нам благополучие, интересную и красивую жизнь!

***

Мной описана история родных и близких людей; посвящаю её всем родителям, служившим и воспитывавшим нас в войсковых частях 12-го Главного управления.

Все вы раньше погоны носили
Или носите их по судьбе,
Но всегда вы служили России:
В Казахстане, на Новой Земле.

Для страны вы почти как мессия,
Безопасность – вот главная суть.

Главк двенадцатый – та же Россия,
Только больше порядка чуть-чуть.

Вам поклон, кто творил без отказа,
Видел ядерный гриб до небес,
Кто ремонтные вынянчил базы
И объекты под литерой «С».

(Стас Шубин. Офицерам 12-го ГУМО)

